

СЕМИНАР
«ОБЩЕСТВО И ЭЛИТА»

31 ЯНВАРЯ – 1 ФЕВРАЛЯ 2015 Г.

«Сущность мировоззрения определяется скорее интерпретацией ценности, чем ее условным знаком. Мы все за добро, но все по-разному его понимаем»

Григорий Померанц

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

Суббота, 31 января 2015 г.

10:00-10:05 **Открытие семинара**

10:05-11:30 Сессия:

«Лидер эволюции. Будущие элиты. Будущее элиты»

НЕКЛЕССА Александр Иванович,

доктор философских наук, руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Института геополитических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН

11:30-11:50 **Кофе-пауза**

11:50-13:20 Дискуссия:

«Лидер эволюции. Будущие элиты. Будущее элиты»

НЕКЛЕССА Александр Иванович,

доктор философских наук, руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Института геополитических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН

13:20-14:00 **Обед**

14:00-16:00 Сессия-Дискуссия:

«Национальная (русская) идея, как социокультурный феномен: проблема интерпретации»

ВЬЮНОВ Юрий Андреевич,

кандидат исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения

16:00-16:30 **Кофе-пауза**

16:30-18:00 Сессия:

«Власть, общество и общественная элита в Воронежской губернии накануне падения монархии»

КАРПАЧЕВ Михаил Дмитриевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ВГУ

18:00-18:20 **Кофе-пауза**

18:20-19:20 Диалог:

«О самом важном и не только...»

разговор с Геннадием Викторовичем Чернушкиным

Воскресенье, 1 февраля 2015 г.

- 10:00-11:15** Точка зрения:
«Миссия элиты, служение элиты, интересы элиты – как это сочетать в России»
выпускники Школы РЕПНОЕ, участники проекта «АСПИРАНТУРА»
- 11:15– 11:35** **Кофе-пауза**
- 11:35–13:00** Практикум:
«Культура общения. Этикет. Статусное поведение»
УПРАВЛЕНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ: ОСНОВЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ.
ГИЛЬ Елена Викторовна,
режиссёр-педагог по пластике, специалист по этикету, преподаватель «Курсов делового этикета» при Администрации Президента Российской Федерации, Института репутационных технологий «Арт & Имидж».
- 13:00– 13:20** **Кофе-пауза**
- 13:20-14:50** Практикум:
«Культура общения. Этикет. Статусное поведение»
ПРОТОКОЛ ВСТРЕЧИ ГОСТЯ.
ДЕЛОВЫЕ ВСТРЕЧИ «ОДИН НА ОДИН».
ГИЛЬ Елена Викторовна,
режиссёр-педагог по пластике, специалист по этикету, преподаватель «Курсов делового этикета» при Администрации Президента Российской Федерации, Института репутационных технологий «Арт & Имидж».
- 14:50 – 15:20** **Обед**
- 15:20–16:50** Практикум:
«Культура общения. Этикет. Статусное поведение»
ОСАНКА.
ПРИЕМЫ ВЛИЯНИЯ НА СОБЕСЕДНИКА С ПОМОЩЬЮ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОРПУСА.
ГИЛЬ Елена Викторовна,
режиссёр-педагог по пластике, специалист по этикету, преподаватель «Курсов делового этикета» при Администрации Президента Российской Федерации, Института репутационных технологий «Арт & Имидж».
- 16:50– 17:10** **Кофе-пауза**
- 17:10–18:30** Практикум:
«Культура общения. Этикет. Статусное поведение»
ОБЩЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПРИВЕТСТВИЙ
СЛУЖЕБНЫЙ ЭТИКЕТ
ГИЛЬ Елена Викторовна,
режиссёр-педагог по пластике; специалист по этикету, преподаватель «Курсов делового этикета» при Администрации Президента Российской Федерации, Института репутационных технологий «Арт & Имидж».
- 18:30–18:45** **Закрытие семинара**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Неклесса</i>	Образование элиты	10
<i>Юрий Вьюнов</i>	Русский культурный архетип	19
<i>Ольга Жукова</i>	К интеллектуальной истории русского европеизма	30
<i>Григорий Померанц</i>	Интеллигенция, интеллигенты, интеллигентность	37
<i>Александр Аузан</i>	Миссия университета: взгляд экономиста	44
<i>Джованни Сартори</i>	Вертикальная демократия	64
<i>Интервью с Н. Басовской</i>	Целенаправленное истребление элиты опасно для общества	71
	«Властители дум» и политический авторитет	76
<i>Марк Айзенеггер</i>	Доверие и репутация в эпоху глобализации	78
	Алёна Гиль: Человек сам, владея знаниями, решает, где, когда и как он будет выглядеть	84
<i>Михаил Соколов</i>	Культурный капитал	87
<i>Отрывок из книги М.Вироли «Свобода слуг»</i>	Свобода слуг и свобода граждан	90

ОБЩЕСТВО:

из словаря Бронгаузера и Ефрона

- обособившаяся от природы, но тесно с ней связанная часть материального мира, включающая в себя способы социального взаимодействия и формы объединения людей, способных создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе труда. В широком понимании слова, это совокупность всех видов социального взаимодействия людей и форм организации их совместной жизнедеятельности, которые сложились исторически.

Человеческое сообщество называется социумом. Характеризуется тем, что члены сообщества занимают определённую территорию, ведут совместную коллективную производительную деятельность. В сообществе имеет место распределение совместно произведённого продукта.

Общество — это социум, которому присуще производственное и социальное разделение труда. Общество можно характеризовать по многим признакам: к примеру, по национальному: французское, русское, немецкое; государственному и культурному признакам, по территориальному и временному, по способу производства и т. д.

У ряда видов живых организмов отдельные индивиды не обладают необходимыми способностями или свойствами для обеспечения своей материальной жизни (потребление материи, накопление материи, воспроизводство). Такие живые организмы образуют сообщества, временные или постоянные, для обеспечения своей материальной жизни. Есть сообщества, фактически представляющие единый организм: рой, муравейник и т. д. В них имеет место разделение между членами сообщества биологических функций. Особи таких организмов вне сообщества погибают. Есть временные сообщества, — стаи, стада, в них, как правило, особи решают ту или иную проблему, не образуя прочных связей. Общим свойством всех сообществ является задача сохранения данного вида живого организма.

из философского энциклопедического словаря, 2010 г.

группа людей, создавшаяся благодаря целенаправленной и разумно организованной совместной деятельности, причем члены такой группы не объединены столь глубоким принципом, как в случае подлинной общности. Общество покоится на конвенции, договоре, одинаковой направленности интересов. Индивидуальность отдельного человека гораздо меньше изменяется под воздействием его включенности в общество, чем в зависимости от включенности в общность. Часто под обществом подразумевают сферу, лежащую между индивидом и государством (напр., когда речь идет об ориентировании целей воспитания на «общественную» волю определенной эпохи), или гражданское общество романтиков, или в смысле франц. понятия *societe-corps social* – весь человеческий род. После попыток объяснения сути понятия «общество» в древности (Аристотель) и в средние века (Августин и Фома Аквинский) вопрос этот стал, в особенности с 18 в., политико-философской проблемой, исчерпывающее решение которой пытался дать Конт в своей социологии; поэтому общество стало предметом рассмотрения и центральным пунктом новой науки – социологии.

*из философского энциклопедического словаря, М.: Советская энциклопедия.
Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.*

- в широком смысле — обособившаяся от природы часть материального мира, представляющая собой исторически развивающуюся форму жизнедеятельности людей. В узком смысле — определ. этап че-ловеч. истории (обществ.-экономич. формаций, межформационные и внутриформационные историч. ступени, напр. докапиталистич. О., раннефеод. О.) или отдельное, индивидуальное ОБЩЕСТВО (социальный организм), напр. франц. О., инд. О., сов. О.

В истории философии и социологии ОБЩЕСТВО часто понималось как совокупность человек. индивидов, объединяющихся для удовлетворения «социальных инстинктов» (Аристотель), контроля над своими действиями (Гоббс, Руссо) и т. п. Понимание ОБЩЕСТВО. как основанного на конвенции, договоре, одинаковой направленности интересов было характерно для бурж. философии 17 — нач.19 вв. Вместе с тем в 19 в. возникает критика «договорной» теории общества. Конт видел истоки ОБЩЕСТВА. в действии некоторого абстрактного закона формирования сложных и гармоничных систем. Гегель противопоставлял «договорной» теории трактовку «гражданского общества» как сферы экономических отношений, где всесторонне переплетается зависимость всех от всех (см. *Соч., т. 7, М.— Л., 1934, с. 223*). В *совр. бурж. социологии* понимание ОБЩЕСТВА как совокупности абстрактных индивидов заменяется

пониманием его как совокупности действий тех же абстрактных индивидов (*теория социального действия — см. Социальное действие*).

Марксизм-ленинизм в понимании ОБЩЕСТВА. исходит из того, что сам факт бытия человека не может раскрыть сущности О. Абстрактный, изолированный от хода истории человек — всего лишь продукт мыслит. процесса, признаки подобного человека в лучшем случае — признаки «рода». Отвергая понятие абстрактного, внеисторич. человека, К. Маркс писал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» (*Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 46, ч. 1, с. 214*). Определ. характер О. есть и определ. характер обществ. человека, и, наоборот, «...Общество,— конкретизировал Маркс, — т. е. сам человек в его общественных отношениях» (*там же, т. 46, ч. 2, с. 222*).

Общественные отношения — то специфическое, что отличает социальные образования от всех др. систем материального мира. Но это не значит, что общество — это только обществ. отношения. Маркс определял О. как «продукт взаимодействия людей» (*там же, т. 27, с. 402*) и относил к нему производит. силы и производств. отношения, обществ. строй, организацию семьи и классов, политич. строй, обществ. сознание.

Характеристика ОБЩЕСТВА через совокупность общественных отношений выделяет и фиксирует его специфическую природу. Установление детерминированности всех обществ. отношений производств. отношениями и открытие их зависимости от уровня развития производит. сил позволило Марксу проникнуть в сущность обществ. жизни. Было установлено не только то, что отличает структуру обществ. жизни от естественной, но и открыты закономерности смены одного уклада обществ. жизни другим. «Производственные отношения, — подчёркивал Маркс, — в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенно и ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» (*там же, т. 6, с. 442*).

Вводя понятие общественно-экономической формации, Маркс отбросил рассуждения бурж. социологов об «ОБЩЕСТВЕ вообще», но это вовсе не означало, что Маркс отказался от понятия ОБЩЕСТВО. Маркс показал, что начинать анализ «ОБЩЕСТВА вообще», пока не были открыты и познаны подлинные основы общественной жизни,— значит начинать не с начала, а с конца. На место рассуждений буржуазных социологов об «ОБЩЕСТВЕ вообще», «...рассуждений,— замечал В. И. Ленин,— бессодержательных... было поставлено исследование определенных форм устройства общества» (*ПСС, т. 1, с. 430*). Это позволило Марксу выделить не только особенные, но и общие признаки, характеризующие О., независимо от его форм. Альтернатива понятий «О.» и «обществ.-экономич. формация» в данном случае беспредметна, т. к. первое является родовым по отношению ко второму. Категория «ОБЩЕСТВО» отражает здесь качеств. определённую обществ. жизни при её сопоставлении с природой, категория «общественно - экономическая. формация» — качеств. определённую различных ступеней развития ОБЩЕСТВА.

Маркс К., Письмо П. В. Анненкову, 28 дек. 1846 г.. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 27; его же, Наемный труд и капитал, там же, т. 6; его же, Экономич. рукописи 1857—1859 гг., там же, т. 46, ч. 1—2; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, ПСС, т. 1; его же, Экономич. содержание народничества и критика его в книге г. Струве (*Отражение марксизма в бурж. литературе*), там же.

из словаря Ожигова

1. Совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. Феодалное о. Капиталистическое о.
2. Круг людей, объединенных общностью положения, происхождения, интересов. Дворянское о. Образованное о. Крестьянское о. (крестьянская община; устар.).
3. Добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-н. цели. О. любителей книги. Всероссийское о. охраны природы. Спортивные общества.
4. Та или иная среда людей, компания. Попастъ в дурное о. Душа общества.
5. В дворянской среде: узкий круг избранных людей. Принят в обществе. Бывать в обществе.
6. кого-чего. Совместное пребывание с кем-н. Чуждаться чьего-н. общества. В обществе старых друзей. || прил. общественный, -ая, -ое (к 1 и 2 знач.}. О. строй. Общественные отношения. Общественные науки (науки об обществе, гуманитарные). Общественная жизнь. Общественное мнение.

ЭЛИТА:

из словаря Бронгаузера и Ефрона:

(от лат. *electus*, англ. фр. *élite* — избранный, лучший) — в социологии и политологии — неотъемлемая и важная часть любого социума. Осуществляет функции управления социумом, а также выработки новых моделей (стереотипов) поведения, позволяющих социуму приспособливаться к изменяющемуся окружению.

Слово также применяется для обозначения несоциальных субъектов, обладающих исключительными качествами (фактическими или мнимыми — например, в сельском хозяйстве, в коммерции). Распространено ироническое применение термина.

из философского энциклопедического словаря, 2010 г.

(франц. elite – лучшее, избранное)

понятие в социологии, обозначающее высшие привилегированные слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры. Теория элиты развивалась еще Платоном, Карлейлем, Ницше, но как система взглядов была сформулирована в 20 в. Вильфредо Парето, Гаэтано Моской, Ч.Р. Миллсом и др. Причиной возникновения элит считают природную одаренность составляющих их людей, а самих элит насчитывают, как правило, пять: политическая, экономическая, административная, военная и идеологическая, – которые уравнивают друг друга и предотвращают возникновение тоталитаризма. К экономической элите причисляют, напр., крупных бизнесменов, капитанов индустрии, финансовых магнатов, несомненно являющихся незаурядными творческими личностями, наделенными прозорливостью, инициативой и предприимчивостью. По теории элиты, любой человек, наделенный этими чертами и при известном везении, может войти в элиту.

из словаря Ожигова

1. Лучшие растения, семена или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизводства.
2. Лучшие представители какой-н. части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-н. организации, группировки (книжн.). Творческая э. Политическая э. Властная э. к прил. элитный, -ая, -ое и элитарный, -ая, -ое (ко 2 знач.).

Образование элиты

Александр Иванович НЕКЛЕССА

Ансельм Фюербах. Пир. По Платону. 1871–1874 годы

«Действовать – значит решиться думать иначе, нежели думал прежде»

Мишель Фуко

Элита – слово, примелькавшееся за последние годы в российских речах и печатных текстах. Слово, которое расшифровывается на первый взгляд достаточно просто – лучшие люди. Между тем за обманчивой простотой скрываются глубины и парадоксы.

Вот, к примеру, две фигуры, перемолвившиеся некогда на солнцепеке, – Александр Македонский и Диоген. Они из числа героев, на которых зиждется репутация Древней Греции, то есть «представители древнегреческой элиты»: без пяти минут правитель Ойкумены и нищий философ, живущий в бочке... Ситуация, надо сказать, шокирующая по нынешним меркам.

Активное представление будущего

Нематериальные активы нации

Глубинный источник темы – очевидное неравенство людей: социальное и природное. Можно также разграничить внешнюю и внутреннюю стороны явления. На практике определением «элиты» обозначаются:

- властные и богатые люди (господствующее сословие), формирующие социальную среду обитания для всех;

- сложноорганизованные люди, способные к чрезвычайно эффективной деятельности, трансценденции себя и обстоятельств (в узком смысле – талантливые и харизматичные уникалы или профессионалы).

Но есть и третье – как бы подразумеваемое – качество элиты: благородство, «нобилитет».

Естественно, эти качества необязательно существуют раздельно, они совмещаются в некоторых личностях.

Над проблемой неравенства рода людского, причин и следствий подобного состояния человеческого космоса задумывались многие. Существуют разные прочтения темы. Так, важные для современного общества (мира Модернити) позиции по данному вопросу, воззрения, имевшие долгосрочные следствия, сформулировали в свое время отцы-основатели протестантской версии христианства. И, надо сказать, их толкования способствовали глобальной экспансии этой культуры.

Знаком обладания высоким качеством личности (предопределенностью к спасению), согласно данной системе взглядов, являлся успех – примета Божьего благословения и критерий следования по верному пути. Но успех понимался все-таки не вполне в том смысле, который впоследствии был придан теме избранничества сужающими ее интерпретациями. Наряду с житейским, материальным успехом признавались другие критерии оценки наличия и проявления дара, например, творческие или теологические (в достаточно широком толковании). Подобная легитимация успеха – равно как и опасение «зарыть талант в землю», стремление реализовать дары в максимальной степени – превращает его в маяк социальных (статусных) устремлений индивида, наполняя и переполняя энергией действия.

В России, однако, господствовала заметно иная трактовка избранности, к тому же со скептицизмом оценивавшая критерии материального благополучия (ср. «от трудов праведных не построишь палат каменных»), по-своему акцентировавшая связь таланта и харизмы с горним миром.

Что представляется важным? Формула сопряженности человеческих качеств с метафизикой вводила в тему элиты, в культурный код – и через его посредство в житейскую практику – определенное ценностное содержание. Предопределяя тем самым персональное напряжение, длинную волю, широту и глубину притязаний, долгосрочное целеполагание.

И как следствие подобных качеств – тот или иной исторический проект.

Без подобным образом мотивированного ценностного компонента, по одним формальным признакам «лучших в профессии» можно было бы рассуждать, скажем, об «элите преступного мира», но очевидно, что такое рассуждение, обладая специфическим привкусом, не имеет высокого горизонта. А само по себе форсированное воспроизводство «опрокинутого идеала», нисхождение по степеням «лже-лестницы» деградации, уводящей в глубины неархаики, приводит к историческому краху общества.

Это, конечно, крайние позиции. Однако о градусе духовного здоровья нации вполне можно судить по тому, каковы ее герои, кого именно люди выделяют и провозглашают в качестве кумиров (элиты). Другими словами каковы герои, таково и общество.

В практическом же плане, руководствуясь здравым смыслом, можно говорить об акцентах времени, то есть о том, какая группа элиты в данный момент востребована обществом и потому актуальна. К примеру, при определенных условиях Диоген действительно может оказаться более востребованным, нежели Александр.

Перманентный транзит

Наше время – время перманентного транзита, причем как в России, так и за ее пределами.

Среда обитания человека, параметры его существования имеют свойство время от времени меняться. И в различных обстоятельствах совсем не одинаковые наборы качеств признаются «лучшими» относительно других.

С этим обстоятельством тесно связаны историческая конкуренция, конфликты элит и выдвигаемых ими мироустроительных проектов. Равным образом перемена социальных сезонов сама является следствием конкуренции элит.

Отсюда возникает важное понятие – контрэлита.

Стереотипический конфликт подобного рода можно описать посредством классической оппозиции – «архаисты и новаторы», то есть борение охранительного инстинкта общества (консерватизма) и прочтения истории как перманентной революции (трансценденции сложившихся обстоятельств). Исторических примеров множество, нет нужды их перечислять.

Мы живем в «химеричное» время – в том смысле, что на период нашего земного бытия приходится смена исторических эпох: эпоха современности (Модерна) сменяется новым состоянием человеческого сообщества. Состоянием, для которого существует ряд определений: постиндустриальный мир, постсовременность, информационное или креативное общество... Социальный транзит проявляется в серьезном усложнении человеческой вселенной. Глобализация и технологическое могущество цивилизации, ориентированной на потребителя, – своеобразная плацента, в которой вызревают право на суверенитет личности и предельная эмансипация человеческой воли (проявляемой как в свободе, так и в произволе). Новые же изощренные инструменты вкупе с универсализацией среды существенно усилили роль и возможности элиты, что имело далекие последствия...

Транснациональный доминантный и деятельный слой институализируется, прочерчивая поверх прежней административно-политической географии мира собственную властную топографию. В то же время пассивная челядь становится все менее значимой величиной.

Претерпевают мутацию привычные институты. Учреждения уходящей эпохи утрачивают уровень компетенции, необходимый для эффективного мониторинга и контроля над совокупностью сюжетов и управления бурлящим, многоликим обществом. Не справляясь с новой сложностью мира, не выдерживая исторической конкуренции, прежние конструкции деградируют, трансформируются, образуют симбиотические структуры с новым поколением социальных организмов либо сходят с исторической сцены.

Соответственно меняются требования, предъявляемые к «лучшим людям». (Ведь наш разговор идет не столько о профессиональной элите, сколько об элите национальной, то есть признанной и героизированной обществом в данный момент.) Какая же элита востребована сегодня? По-видимому, та, которая сможет не только удержаться обществом от распада, но и результативно действовать в складывающейся ситуации транзита, находя выход из дьявольских альтернатив.

Сегодня мы нередко наблюдаем сужение компетенций относительно возросшего уровня технических/интеллектуальных операций, умножения уникальных ситуаций, не имеющих прописанного регламента действий. В конечном счете, однако, в обществе формируется и выдвигается на ключевые позиции социальный слой, основа которого – высокообразованные, волевые, интеллектуальные, творческие личности, способные влиять на ход событий, предвидеть сценарии и обозревать горизонты актуальных сюжетов, эффективно трансцендируя обстоятельства.

Проще говоря, востребованной оказывается страта людей, приспособленная к умному и умелому взаимодействию с комплексными, многофакторными, предельно динамичными, развивающимися порой на грани турбулентности процессами.

В результате параллельно привычным государственным конструкциям выстраивается влиятельная социальная среда, основа которой – новый статус мира. В подобной среде можно предполагать усиление гибких неформальных организаций, разрастание и умножение антропо-социальных структур самого разного толка. В том числе организованностей, основой которых становятся особо одаренные личности (люди-предприятия, или *manterprizers*).

Какие это влечет следствия?

Судя по всему – формирование трансграничной реальности с иной (негеографической) сеткой координат, утверждение правил подвижного социума, смену языка власти. Можно вспомнить, как в преддверии революции Нового времени управленческий корпус готовился в университетах по программе «свободных искусств», что, по сути, означало овладение именно «языковой» (причем в широком значении) системой «знать-мыслить-говорить», но об этом ниже.

Означает все это переоценку стратегических ресурсов общества, соотношения между удельным весом материальных и нематериальных активов, изменение шкалы приоритетов, модификацию квалификационных параметров и вообще отношения к «роли личности в истории». А также иную классификацию «лучших людей», их природных/социальных свойств, но главное – изменение положения элиты в обществе, продвижение к гегемонии четвертого сословия в ходе универсального «восстания элит».

В мерцающем мире управление обществом усложняется, часть нагрузки перенимает на себя гражданское самоуправление. При иных сценариях вероятно клановая приватизация социума. И с какого-то момента проблема удержания социальной связности в дисперсном универсуме начинает доминировать над режимами контроля и управления.

Трансграничные параметры нового мира, обилие комплексных операций со сложными объектами и нематериальными ресурсами, неоднородность механики внешних/внутренних взаимодействий, необходимость трансценденции старых обязательств и сборки новых сюжетов – все это заставляет задуматься о смене социальных прописей. А также стимулирует размышления о траекториях общежития, в гораздо большей степени связанных с «коммунальным магнетизмом», инновационными умениями, творческим потенциалом и уникальными личными свойствами.

При этом количество промежуточных звеньев между идеей и воплощением драматичным образом сокращается.

Основой сборки мира (мирового порядка) может оказаться не территориальная, географическая связность объектов, а культурная и пассионарная гравитация как традиционных сообществ (национальных, конфессиональных, этнических, профессиональных), так и оригинальных протосоверенов. Косные же, рефлекторные структуры оказываются на обочине или просто исчезают в причудливой вселенской суете. В мире нарастает конкуренция за источники социальной гравитации и культурного магнетизма. Формы социального строительства во все возрастающей степени оказываются сопряженными с нематериальными активами, идейным лидерством, результативностью в производстве смыслов, возможностями культурной мобилизации и моральной интеграции, другими факторами личностного и социального роста, с потенциалом соборной солидарности, ориентированной на те или иные идеалы.

Признак неудачи в потоке исторического транзита – упрощение и уплощение общества, падение энергетики, инволюционные искажения, ригидность и хрупкость конструкций, истощение культурного слоя и примитивизация социального ландшафта, распад сложных элементов всей динамической целостности, утрата контакта с организованностями, которые успешно прошли горловину постсовременной инициации.

Перечислю напоследок некоторые из элементов формулы национального возрождения. Это наличие у нации воли к активному представлению будущего, способность к продуцированию перспективных инициатив, плодотворные смыслообразующие дискуссии, усилия по поддержанию высокого напряжения культуры и удержанию социальной связности, моральный императив, создание благоприятной среды для расширенного воспроизводства креативной страты, развитие интеллектуальных предприятий и образовательных институтов высокого уровня... Все это перспективные темы, непосредственно сопряженные с опознанием и реализацией долгосрочной стратегии России в новом веке.

Герои и общество

Метеоры в ночи

Итак, элиту можно понимать по-разному. Бернарду Меламуду принадлежит сентенция: «Когда нет героев, все мы – лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти».

Жизнь, в сущности, – это нечаянно обретенный шанс. Аристократия, знать, нобили, герои, лидеры, праведники – слова, деформированные скепсисом, стертые от плоского употребления. Они обозначают – в некоем светском подобии «золотой легенды» – тех, которые в земном несовершенном естестве воплотили черты взыскуемого идеала: лучших, достойных, могучих, умелых, великодушных, одаренных личностей, придающих смысл повседневному бытию. Людей, расширяющих диапазон возможностей, повышающих эталон и мощь человеческих качеств, демонстрирующих оппозицию подлому состоянию. Людей, пребывающих в статусе само- и мирозидания, оплодотворяющих туманные дали, способных к немислимым свершениям, жертве, удержанию и преодолению зла, реализации сверхусилий и добродетелей, достигающих в том числе не всегда очевидные окружению, но впечатляющие потомков результаты.

Эти люди подобны искрам в ночи. Они – «метеоры, сгорающие, чтобы осветить свой век». Те, которые извлекают из повседневности музыку сфер, поддерживают человечность, дают надежду современникам, пестуют слабеющий дух поколений. Те, в чьей жизни мелькнул гений и ощутимо усилие по извлечению сущности из прагматики. В чем-то они сродни образу барона, за волосы тянущего и вырывающего себя из болота.

В мире, искажаемом мерзостями быта, коварством и немощью людской природы, некоторым даны во владение дух, интеллект, сила, состоятельность, талант, динамичная, но несуетливая структура личности, особая ритмика жизни. Им свойственны стремление заглянуть и шагнуть за горизонт, тяга к познанию и самопознанию, способность к умному действию, искусство трансформации – шанс, пережив трансмутацию, реализовать преобразование.

Субъект существует (является таковым) посредством объекта, то есть в творческом акте и ради результата со-бытия – сути жизни. Талант есть дар свободы: невечерний свет, нечаянная радость, благодать. Но если он не используется либо используется уродливо, то утрачивается. У разных даров свои маршруты. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер – сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои способны преодолевать препоны земных ограничений, усмирять суггестию деспотизма, даже отстранив стражей аутопоэзиса, пренебрегая инстинктом самосохранения. Порою жизнь венчает явное либо скрытое мученичество, одиночество на пиру, но обретаются путеводные звезды.

Весьма различны понимание и цена печати/клейма избранности в несхожие меж собой эоны.

Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность в глубинах изгойного естества, а на поверхности – катавасия: то ли прихотливый смех обыденности над ней, то ли – горький – над собой («над кем...»).

С точки зрения мироустроительного действия того времени (практиса) и знания как житейского опыта (фронесиса) выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению дерзостью. Сейчас мы назвали бы это амбицией, эллины же определяли как гибрис. Что вело к сужению кругозора – ата, совершению трагической, фатальной ошибки – гамартии, отсроченному, но неизбежному моменту истины – анагноризису. С осознанием вскрывшейся истинной ситуации и своего реального положения –

осознанием, сопровождавшимся внезапно обрушивавшимися переменами – перипетиями (то есть «превращениями действий в их противоположность»). Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий – ананке, – приводивших в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к катастрофе: персональному возмездию и угрозе общего распада – немесису. В неотвратимости данной механики проявлялся тяготевающий над человечеством фатум.

Здесь дистанция от казни новаторов к скепсису относительно судьбы героя, к добровольному мученичеству, гуманистическим идеалам, обретению суверенитета и пафосу личности, индивидуации и далее – к меритократическим сюжетам постсовременности.

Пайдейя

Центральная категория в мире образования – пайдейя – появляется в древнегреческой философии (сначала в софистике) не позднее V века до н.э., определяя влияние на природу человека, развитие души и устремленность деяний.

Лексема «образование» обладает двойным звучанием. Это воплощение образа (см. «икона», «идеал», то есть цель) и это – творение (см. «лепка человека из праха», то есть процесс). Результат достигался культивацией и гармонизацией внешних и внутренних качеств – что определялось как калокагатия, ведущая к обретению превосходных степеней достоинства – арете или аристоса.

У Платона пайдейя онтологична: она – смысл жизни, путь к бессмертию. Душа посредством пайдейи способна обрести аподиктическое знание и удержать в вечности эссенцию бытия. Ее облагораживающее действие имеет, кроме того, политический компонент, ибо, трансформируя стражей и правителей, предопределяет состояние государственного устройства. Это напоминает связь правильного поведения индивида (этики) с гармоничным обустройством групповых взаимоотношений (политики) у Аристотеля. Но есть существенное различие: Стагирит рассматривает образование/воспитание не как элитарное действие, но как средство преобразования толпы в сообщество. Основу благосостояния государства он видит не только в арете правителей, их моральном, интеллектуальном гегемонизме, но и в культурном статусе населения, что превращает пайдейю в социальный императив.

Развитие сюжета – сближение мудрости с благодатью в эллинизированном иудействе и христианстве. (Отголосок сюжета – в современном запросе на наличие у политика «харизмы».)

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид. «Многознание уму не научает» (Гераклит). Но «образовавшийся», нашедший и прошедший пайдейю – изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный. (См. рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера про крестный путь Одиссея со странным «веслом» на спине.) Образование/воспитание предполагало обладание тремя свойствами-умениями – «хорошо мыслить», «хорошо говорить», «хорошо действовать» (Демокрит). Древнегреческая система в перфекте формировала не профессионала, а личность. Для свободного человека главной целью мыслилось не освоение инструментария для карьеры, но полноценное развитие, то есть именно «лепка» себя – самосозидание.

Вспомним (правда, несколько иначе акцентированную) историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов – трансмутации Галатеи. И заодно сравним с воспитательными созвучиями в историях Пиноккио и Буратино при выразительном различии судеб: один становится человеком, другой обретает предприятие и богатство.

Обучение и развитие

Система обучения изначально была разделена на две ветви, сохранявшиеся долгое время в виде «ремесленного» и «гимназического» типов образования. Это обучение той или иной профессии (ремеслу), чаще в рамках родовой или кланово-корпоративной структуры, и стоявшее несколько особняком универсальное (гуманитарное) образование.

В Древнем мире структура гуманитарного образования была «профессионально», то есть религиозно, ориентирована и имела в целом (нечетко) трехступенчатый характер. Училища писцов – эдуббы («дома табличек») и т.п. – в сущности, ремесленное образование, но широкого профиля, характер которого постепенно усложнялся. Жреческая (кланово-родовая) подготовка – эзотерическое (индивидуальное) обучение. Последняя в Древней Греции из системы подготовки мистагогов (руководителей мистерий, о которых известно слишком мало) трансформировалась также в эзотерическую, но переходную по своему характеру школу Пифагора, о которой известно заметно больше.

Более светский – точнее, более открытый – характер был у философских школ и «мастер-классов» того времени, эзотерический образец которых – полигистор («всезнайка») Гиппий. Гуманитарный (умозрительный, философский) тип образования имел дисциплинарный характер, включая однотипный набор предметов: соединение пифагорейской («молчаливой») модели (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) с искусством диалога-дискуссии софистов (грамматика, диалектика, риторика), что породило классическую семирицу образовательной энциклопидеи («полного круга обучения», «энциклопедии»). Древние греки также различали, стратифицировали интеллектуальные занятия и профессиональные умения, связанные с физическим трудом (выделяя при этом в особые категории труд земледельца, спортивные доблести и воинские искусства), то есть статусно разделяли созерцательную/деятельную мудрость и механическое ремесло (мастерство).

Принципы древнегреческой образовательной системы влияли на характер и форму образования в последующие века и тысячелетия, хотя мусическое и гимнасическое образование Афин, конечно же, заметно отличалось от военного воспитания Спарты (но военное обучение присутствовало и в афинском обществе – в формате эфебий, особенно в ранний период).

В целом афинская схема организации общего (гуманитарного) образования в развитой форме эллинистического периода была примерно такой:

- начальная («элементарная») школа: чтение, письмо, счет и обязательно – физические занятия;
- грамматическая («вторая», или «средняя») школа: чтение книг – в смысле понимания, усвоения содержания;
- наконец, «высшая» – философская/риторская – школа обеспечивала гармонизацию знания и личности: публичное рассуждение (риторика, политика), философия, медицина.

По образцу школ в Афинах, расположенной у Акрополя, заведение, дающее философское образование, в течение столетий именовалось атеней или афиней. Каждая из школ имела особенности, основывалась и возглавлялась яркой личностью.

Наиболее известна Академия Платона, располагавшаяся в садах героя Академа, основанная в начале IV века до н.э. и просуществовавшая как институализированное сообщество с видоизменениями (выделяют пять философских школ) и коллизиями (вплоть до временного переезда в Рим) до начала VI века н.э. То есть едва ли не тысячелетие – более девяти веков. Основным методом обучения был диалог (диалектика): искусство правильно дискутировать – вести разговор посредством рассуждения, имея целью не тезис, а тему. Предметы преподавались в основном те же, что в иных версиях высшего гуманитарного (философского) образования: математика, астрономия, физика (натура, естествознание) и т.п.

В ряду прославленных школ – Лицей со знаменитыми прогуливающимися «перипатетиками», основанный Аристотелем в зените славы (335 г. до н.э.) и расположенный недалеко от Афин, возле храма Аполлона Ликейского, где учил Сократ.

Афинские античные школы во главе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени – были высланы императором Юстинианом в 529 году за пределы империи. Они переместились на восток – в сасанидскую Персию Хосрова I Ануширвана, обретя пристанище в расположенном восточнее Суз Гондишапуре, который наряду с Александрией, Эдессой, Багдадом, Нисбисом, Мосулом, Звартноцем являлся одним из ведущих «научоградов» тех дней. Обосновавшись в конце концов в византийской части Месопотамии – приграничном Харране (центре сабеизма), – реплики Академии просуществовали еще несколько столетий, до конца XI века являясь одним из основных источников распространения античных знаний, поспособствовав, в частности, развитию исламских «университетов». (Старейший из действующих основан в конце IX века в городе Фес в нынешнем Марокко.) Преподавали в них богословие, грамматику, риторику, логику, математику, астрономию, музыку, а также химию, медицину, историю, географию.

Переписываемые, редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую мысль. Затем это интеллектуальное наследие, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма), различными путями возвращалось в христианскую Ойкумену и, в свою очередь, интенсивно воздействовало на теологические дискуссии, философские диспуты средневековой Европы.

В эллинистическом мире существовали и другие центры, концентрировавшие, развивавшие, транслировавшие умственную деятельность, создававшие собственные образовательные системы, восходившие, однако, к прежнему образцу. Ведущей интеллектуальной корпорацией являлась Александрия с ее обширной библиотекой и музеем. Правда, с течением времени изменился смысл данных институций: библиотека представляла не просто грандиозное собрание трудов, но обширный цех писцов-переписчиков, то есть предприятие по репликации текстов, обеспечивавшее рукописями практически все пространство античного мира, а музей (мусейон) – дом муз – был образовательным учреждением, подобно Академии и Лицею имевшим покровителей, давших ему название.

Римское образование было организовано в древнегреческом стиле и имело преимущественно частный характер. В его основе лежало изучение девяти дисциплин: грамматики, диалектики, риторики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии, медицины, архитектуры. В систему обучения входило также изучение права, философии и физическая подготовка. Император Адриан в 135 году основал первое государственное образовательное учреждение – римский Атений (*Athenaeum – ludus ingenuarum artium*, позднее его называли *Schola Romana*), который просуществовал до V века.

Честь обоснования и систематизации европейского высшего образования по традиции отдается Марциону Капелле, жившему в V веке в Карфагене. В трактате «Бракосочетание Филологии и Меркурия» (*De nuptiis Philologiae et Mercurii*), то есть союз телесного воплощения знания и божественного разума (см. «прометеев огонь»), Капелла очертил две образовательных ступени, ставшие каноном европейского университетского образования. Первая – тривий («перекресток трех дорог») – включала грамматику (совершенствование языка), диалектику (совершенствование мышления), риторику (совершенствование речи, коммуникации). На второй ступени – квадривии («перекрестке четырех дорог») – изучались геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

В 425 году римский Атений обосновался в Константинополе. Там изучали философию, право, ботанику, медицину. В 848 году его статус повысился: при Михаиле III Пандидактерион переместился в Магнаврский дворец и получил известность как Магнаврская школа. Впоследствии, следуя европейской традиции, ее порой называли Константинопольским университетом.

Человек на все времена

Noblesse de robe

Новая ситуация, возникавшая во втором тысячелетии в Европе и определявшая облик цивилизации вплоть до наших дней (современность, *Modernity*), в значительной мере связана с распространением городской культуры. В этой среде был иначе сформулирован запрос на знания, что породило, в частности, такой институт, как университетское образование.

В средневековой Европе и ранее возникали различного рода сообщества, регулировавшие социальные и профессиональные отношения: от клятвенных союзов, фемических судов, коллегий орденов до производственных объединений – цехов (со своей системой обучения механическим искусствам: ученик, подмастерье, мастер), корпораций, обладавших привилегиями. Система образования – освоение и трансляция знаний – в период «Темных веков» сохранялась в асимметричном комплексе, включавшем монастырскую школу, орденскую коллегию, светский *Studium Generale*. Предпринимались и попытки возродить центры высшего образования, подобные знаменитым образцам Античности. На рубеже VIII–IX веков Карл Великий, принявший римский императорский титул, основал собственную «дворцовую академию» во главе с прославленным Алкуином. Период культурного созидания (при участии таких лидеров ученого мира своего времени, как Эйнгарт, Ангельберт, Рабан Мавр, Седулий Скот и отец средневековой философии – Иоанн Скот Эриугена) продолжался также некоторое время после смерти Шарлеманя и порой определяется как «каролингское возрождение».

Европейские же университеты (*universitas* – совокупность землячеств) – социогены Нового времени, автономная социализация знания. Университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии) принадлежит особая роль в процессе гражданского обустройства и переустройства Европы. География продвижения университетской культуры аналогична траектории распространения самой городской культуры нового типа: от «Италии» к «Франции», Англии...

Университет формируется на основе дисциплинарного изучения свободных искусств, отличных от ремесленного мастерства, – искусств механических: разница тут примерно такая же, как между «вольным (свободным) каменщиком» и просто каменщиком как профессией. А также на базе медицинских, юридических школ, систем теологического образования (схоластики). Тривиальное образование вкупе с более изощренными знаниями квадривия (то есть суммарное изучение семи свободных искусств) давало звание магистра, окончившие же одну из трех докторантур – юридическую, медицинскую или теологическую – получали звание доктора.

Формирование европейской высшей образовательной системы приходится в основном на XII–XIV века, предвзято Ренессанс и Реформацию. Так, на основе корпорации врачей, сложившейся в IX веке в Салерно и занимавшейся не только лечением, но и обучением врачебному искусству, в XI–XIII веках формируется полноценная медицинская школа. А на основе образовавшейся в X–XI веках юридической школы возникает старейшина европейских университетов – Болонский, получивший в 1158 году от Фридриха I Барбароссы свои привилегии, то есть ставший университетской корпорацией. Причем корпорацией особой – студенческой. Это была не ассоциация профессоров (*universitas magistrorum*), а союз студентов (*universitas scholarium*), причем пост ректора мог занимать лишь школяр, преподаватели же (*doctores legentes*) выбирались студентами на определенное время и получали гонорар по договору. В то же время профессура освобождалась от налогов и военных повинностей, а имевшие звание *dominus* (то есть не просто магистры свободных искусств или простые доктора) получали права граждан города и входили в сословие рыцарей.

Древнейшими университетами, помимо Болонского, считаются фактически образованные в XII веке Оксфорд, Парижский университет (Сорбонна) и Саламанка. К славной когорте XIII века принадлежат университеты Кембриджа, Монпелье, Падуи, Неаполя, Тулузы, Коимбри, Мадрида. В XIV веке университеты появляются в Риме, Авиньоне, Орлеане, Перудже, Флоренции, Гренобле, Пизе, Праге, Павии, Кракове, Вене, Гейдельберге, Кельне, Будапеште, Эрфурте. В XV веке – в Турине, Лейпциге, Ростоке, Базеле и других местах. На территориях Речи Посполитой, относившихся к Великому княжеству Литовскому, в XVI веке была основана Острожская славяно-греко-римская школа (1576). А в начале следующего – XVII – столетия – Киево-братская школа (1615), преобразованная в Киево-Могилянскую коллегию (1631–1701), затем, уже в составе Российской империи, ставшую Киево-Могилянскую академией (1701–1817). В России первое высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия – было основано в 1686 году, а в XVIII веке возникли Академический университет в Санкт-Петербурге (1724) и Московский университет (1755).

Но в XV веке в социокультурной среде развивались процессы, повлиявшие не только на траекторию университетской культуры (на полях отмечу лишь появление книгопечатания), но и на весь строй европейской жизни.

Homo virtuoso

Европа пережила столкновение античного и христианского мировидений, прочие цивилизационные, политические, культурные неурядицы, споры по поводу путей богопознания, конкуренцию стратегий миростроительства. И, как правило, очередным развилкам истории предшествовало обострение суммы конфликтов, разногласия диспутов, разброд элит.

Один из подобных перекрестков можно обнаружить в середине второго тысячелетия. Интенсивное развитие городской среды, кризис прежних иерархий, масштаб географических открытий, новые форматы экономики, иной контур политических объединений, пролагавших путь к национальному государству (и феномену идеологий – национализму, либерализму, социализму), обилие технических нововведений, трансформация культуры, книгопечатание, смена самоощущения обитателей *Universum Christianum* вплоть до реставрации характерного для первых веков выражения *homo moderni* – все это приходится на период, получивший определение Ренессанса. А после турбулентностей Реформации наступила современность, или Новое время.

Университетская культура также переживала кризис. Переосмыслились иерархия и номенклатура знания, происходили переворот в понимании целей образования, отход от схоластики, возвышение гуманитарного знания (*studia humanitatis*), генерировались свободное испытание, осмысление природы, зарождался феномен, получивший определение гуманизма.

Гуманисты (ораторы, риторы) – социальная генерация, которая по-своему ответила на вызов влиятельной плеяды интеллектуалов, тесно связанной с Церковью (профессура – одновременно клирики) и обремененной путями деловой, официальной (муниципальной, государственной) практики. Разросшаяся университетская корпорация выражала и поддерживала интересы членов, однако, с точки зрения гуманиста, сковывала становление личности и ограничивала ее горизонт.

Гуманизм – это вселенская образованность как квинтэссенция человека. Смысл жизни видится не в формальном статусе, но в развитии способностей, преобразовании себя в гармоничный шедевр, «эстетически законченную форму». То есть в созидании и предъявлении Богу *homo virtuoso* (наподобие предъявления мастерам шедевра в цеховой корпорации или профессуре – диссертации в корпорации университетской). Христианская музыка сфер (мировая гармония) обретает громкое звучание. Она не только дарит возможность разомкнуть роковые кольца фатума, обратившись к колесу фортуны, но указывает путь, ведущий к освобождению от капризов последней. Добродетель побеждает и преображает фортуны, открывая наряду с потенциями свободной воли неясно звучащий в сбивчивых ритмах быта и бытия замысел Провидения.

Земной путь проходит по лезвию бритвы, трагизм реальности бывает скрыт иллюзией торжества в финале. Вспомним, и на этот раз с бо́льшим пониманием, драматизм разночтения, казалось бы, схожих судеб (а также подспудно прописанных кодов практики): различие апофеоза Пиноккио и Буратино – изживание неотесанности, превращение в человека и сладость мести вкупе с обретением земного богатства. И даже более того: обретение отмеченной знаком молнии сокровищницы – в некотором смысле «подземной» и «театрализованной», имеющей облик, но лишенной сути («иллюзорной», «прелестной» – «рая для кукол»). Тут ощутима та трагедийность и тот грех, за которые актеров долгое время хоронили вне церковной ограды: проклятие профессионального лицедейства, чреватого вечной игрой, несмываемой маской, то есть утратой подлинности.

Гуманисты ставили себя выше семи искусств как ремесла, обучения как профессии, предпочитая образование, то есть постижение того, что отражает целостность человеческого духа, иначе говоря, проблемы этические и эстетические. Их стихия – свободное рассуждение, а не ригористичная схоластика, *otium* (досуг, спокойствие), а не *negotium* (дело, беспокойство, коммерция) или *ufficio* (канцелярия). Понятие «рыцарство мантии» переосмысливалось, ибо для истинного знания нужна отвага. Самореализация в понимании гуманиста – христианский долг, подвиг, доблесть. Это иное и новое прочтение мира светских духовных практик.

Разум – дар, отличающий человека от животного и ведущий к богоподобию. Знание освобождает и облагораживает. Чтобы знать, надо понимать, но чтобы понимать, надо быть. Знание само по себе сила. Оно не просто симптом учености, но творчески освоенное, преображенное в филологию – признак воспитания, развития души, своего рода проводник, вожатый к святости (см. роль Вергилия у Данте). Стадии духовного маршрута – классическое, то есть гуманитарное, образование (*study of humanities*) и последовательное обретение качеств: воспитанности (светской дисциплинированности), приветливости, доброжелательности, кротости, пронизательности, человечности, видения сути людей, вещей и порядков (*civil, soft, gentle, wise*). Это утешение и воодушевление себя и других, иная историческая перспектива, социализация христианства, рождение светской интеллигенции в изначальном значении категории *intellegentia* и как синтеза образованности и нравственности.

Отсюда, однако, сложности в понимании воспевания гуманистом «сладости бытия» (*dolzzade vivere*, созвучное со знаменитым *dolce vita*) – здесь можно увидеть те же отголоски, абберрации, обертоны, что и в коллизиях Лангедока, Прованса, связанных с культурой «миннэ» (упомянув Вергилия, не забудем о Сорделе). Характерен кодекс гуманиста в изложении Лоренцо Валлы: общение с подобными, изобилие книг, комфортное место, свободное время, внутренний покой. Чувствуется созвучие с более поздним и не всегда правильно толкуемым выражением: «Джентльмен не работает». Или также знаменитым: «*Don't worry, don't hurry, don't carry*». В подобном контексте по-иному видится генетика многих влиятельных европейских течений мысли и действия, к примеру, ментальность, аксиология и мироустроительные ориентиры Карла Маркса.

В то же время сохраняется прежняя ориентация на внешнюю результативность интеллектуальной практики. Вектор мышления остается эксплицитным, его результат отчуждаем, и хотя он не вещь, но путем аппроксимации и утилизации становится таковой, попадая в итоге на рынок, хотя и специфический («купцы света»).

Одним из следствий этого стало повышение роли и статуса искусства уже в нынешнем понимании, то есть произошло его облагораживание. Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты (переосмысление культурного статуса которых происходило в несвойственных времени создания категориях) и не древнегреческое технэ (то есть функциональные объекты как продукты универсального мастерства), но средство трансляции культурной позиции, подчас мировоззрения, в социальную и частную среды. В том числе – и с какого-то момента главным образом – мировоззрения, опознаваемого в категориях эстетики, в качестве животворящего эликсира гармонии, средства поддержания поступательной витальности Модернити. Динамика процесса и конкуренция версий подтверждались и отражались в стремительной по историческим меркам смене и разнообразии стилей. Другими словами искусство проявляет себя как продукт и специфический аспект секуляризации – ее альтернативный источник и одновременно инструмент трансляции ценностей, невербальной фиксации принципов – духовных, социальных, культурных координат общества. Революция в искусстве – симптом тектоники социополитических потрясений и более того – их фермент, генетика. Так специфика нынешнего транзита в искусстве сопряжена со своеобразным удержанием, подобно моделям операций с плазмой, и последующей капитализацией нематериальной субстанции – витальности. То

есть с распространяющимся осознанием, но одновременно и вульгарной прагматизацией (опошлением) постулата: искусство – это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

Возникли институты, связанные с происходившей трансформацией: на смену университету пришла академия. Ее особенность в том, что это не корпорация, а союз, собрание, сообщество – свободное объединение тех, «которые вынырнули». Ревизии подверглась сама суть свободных искусств – основанием квадривия стала теперь видеться универсальная гармония как эстетика, а предметы тривия объединились понятием филологии.

В социальном отношении гуманисты рассматривали себя как «педагоги граждан» – в противоположность университету как корпорации преподавателей знаний для соискателей профессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов – определение социокультурного камертона и политического горизонта, что ярко проявилось в период Реформации. А также научной и экономической перспектив, ибо маршрут новоевропейской науки: вначале академия, затем университет.

Академии возникли уже в XV веке: первая, «платоновская» (неоплатоническая), – в Кареджи (Флоренция, 1462), созданная деньгами Козимо Медичи и трудами Марсилио Фичино, затем в Неаполе (Понтано), Риме (Лето). В XVI веке в той же Флоренции появилась «филологическая» Академия дела Круска (1583). В начале XVII века в Риме открылась знаменитая Академия «рысеглазых», деи Линчеи (1603), чье название само по себе составляет лексический и семантический клубок: здесь слышатся имя ясноглазого аргонавта Ликейя (Ликеевы глаза) и ассоциации с особой миссией Аристотеля (Ликей, Ликейон), а также ощущается традиционная острота взора и мягкая поступь рыси (*Lynx*). В Париже была учреждена «Академия бессмертных» (1635), в Лондоне открылось «Королевское общество» (1662).

Каденция сюжета – встреча-диалог в том же Риме ровно 365 лет спустя после основания деи Линчеи и со столь же немногочисленным составом участников, но после более многолюдного собрания на релевантной сюжету вилле Фарнезина. Встреча, результатом которой стало основание Римского клуба – академии XX века, венцом же деятельности ее мыслился *Forum Humanum* – также непростое название, рождающее смысловые ассоциации. Например, относительно продвижения в среде институтов развития ближе к середине XXI века от распределения/торговли/конкуренции в сфере знаний к распределению/торговле/конкуренции в области талантов, то есть *forum humanus* – рынок людей (торговля людьми).

Ренессанс и апокатастасис

Тема, требующая отдельного разговора, – духовная, интеллектуальная, историческая альтернатива гуманизму, наметившаяся приблизительно в то же время в Византии. У данного сюжета несколько траекторий и регистров.

На поверхности – сопоставление возможностей и затруднений, связанных с различием катафатического и апофатического миропознаний. И с прерыванием исихастской традиции как явления, могущего иметь не только духовные, но также интеллектуальные, социальные, политические следствия. Богословское же измерение проблемы представлено знаменитыми диспутами Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Сегодня в подвижной, приближающейся к турбулентности вселенной у этого давнего спора проявляются пульсирующие, едва ли не кровоточивые измерения, затрагивающие судьбу цивилизации.

Кризис мировидения, сомнения относительно доброкачественности обретаемого цивилизацией имущества, достоверности карт будущего, оценки самой сути знания, его стратификации, целей и форм образования возвращают к скрытой под покровом и суетой времени развилке истории.

В чем естество истинного знания, гарантия подлинности его начал? Что мы познаем и что развиваем? Посредством чего обретается полнота бытия? И ради чего? Является ли знание целью и ценностью, за которой стоит отправляться в путь длиною в жизнь, а жизнь преобразовывать в историю? Универсальна ли его природа, а владение – надежно ли? Насколько можно полагаться на полученное таким образом преимущество? Или же накопление постижений, закономерностей, аргументов, инструментов содержит вероятность неожиданной их девальвации, порчи, утраты, превращения сокровищницы в умопомрачительную грудку черепков? Либо даже, подобно вышедшему из-под контроля зверю, таит угрозу однажды обратиться против хозяина и погубить, разорвать его?

Но быть может, знание синергично: своего рода заем, выданный под добросовестный проект, однако с возможностью отзыва капитала из-за просроченных долгов? Иначе говоря, его субстанция обладает комплексной природой, а процесс познания – это персональная история соития с подлинностью. Причем статус прозрений в значительной – едва ли не определяющей – мере зависит от состояния субъекта и взыскуемой цели: постижение есть узнавание, как для нищенствующих – собирание и накопление.

В XIV веке проявились, как минимум, две выразительные и обоснованные позиции, связанные с пониманием природы интеллигенции, способов ее обретения и трансляции.

Первая, если максимально кратко прописать логику рассуждения, определяла знание как своего рода эликсир, обретаемый человеком посредством уникального качества, отличающего его от иных земных существ, – разума, то есть как безличную субстанцию, накапливаемую, сублимируемую, производящую трансмутацию личности. И посредством заключенной в «умном знании» энергии (силы) предоставляла также возможность изменять окружающую среду.

Особенность другой позиции – в понимании знания как следствия резонанса двух природ, энергичное соучастие которых в человеке позволяет опознавать подлинную суть явления, истинное состояние объекта, ситуации. Наличие и пролонгация (удержание) подобного статуса требуют не столько усилий ума либо памяти, сколько достижения подвижническим усилием состояния (объема бытия), позволяющего натуре

познающего (сердцу, ибо «сердце наше есть сокровище мысли») обрести когерентность с иным – могучим – естеством.

Таким образом, не накопление знаний трансформирует субъекта, но усилия по аутотрансформации, энергетика взаимодействия дают надежду на обретение способности (дара, а не собственности) постижения сути вещей и явлений, то есть контакт с подлинностью. Ключевой момент – отклик, вступление в личностный диалог. Новое знание приходит не из изучения прежнего, являющегося организующей дисциплиной ума. Главный источник – постижение новизны как иного порядка, наступающее в озарении – в объятиях души и духа истины.

Путь познания не исключает сбоев, затемнений («ночь души»), не ограждает от возможности искажений в процессе удержания, освоения, трансляции. Даже отчетливо познанные закономерности не являются гарантированно неизменными, без потери качества отчуждаемыми от познающего. Живое знание порой настолько точно, чтобы не сказать – персонально, что внешне изменчиво, ибо подвижно, будучи в прямой связи с переменами актуального состояния познаваемого/познающего, являясь эссенцией конкретного (виртуального) статуса феномена.

И хотя знание – это состояние, а не наличность (ср. обладание мудростью и наличие знаний), тем не менее в сложном сочетании абсолютного и конъюнктурного слепки-реплики от опознанных маршрутов на специфической дорожной карте, верифицированные опытом, экспериментом, обретают автономное существование. Эксплицируя постигнутые закономерности, они в большинстве случаев применимы – путем распространения соответствующих прописей – и в иных, схожих, ситуациях. Однако все же с важной оговоркой об их относительности – то есть отсутствии гарантий неизменности в изменившейся (по каким-то многообразным параметрам) ситуации. Знание обретается ради истины, а не вместо нее. Другими словами познанные и декларируемые законы хотя и отражают конституцию природы, все же не являются абсолютом и могут меняться или оказываются значительно более сложными, нежели представлялось.

Но главное, пожалуй, иное. Трансмутация, то есть обретение и удержание личностью особого статуса, имеет целью не операции со знанием как таковые: акт познания истины дает шанс со-присутствия в оной (сейчас сказали бы «преодолевая асимптотический предел»), что изменяет познающего и делает его свободным. Суть процесса не обретение знания для прикладной задачи – перемены условий жизни, а прямой путь к энергичному со-бытию: перманентной встрече, которая есть цель и смысл человеческой жизни.

Принципы, заложенные в основания альтернативных позиций относительно природы знания, предопределили существенные различия в практике миростроительства.

Признание обезличенной («цифровой») природы накопления знаний стало источником изоцированной механики, обретением и совершенствованием протезов, замещающих человеческие немощи, – субститутотом послушных «электрических» духов, исполняющих желания. Синергичное же понимание истины предполагало заметно более сложную социальную, политическую, цивилизационную траекторию. В этом случае основой достижения истины является наличие и качество актуальных взаимоотношений, что делает сомнительным удержание когнитивной сокровищницы в единожды и навечно обретенной универсальной полноте.

Характер отношений с истиной предопределяет различие траекторий познания и в иных регистрах. Это либо преследование перманентно испытываемой, взвешиваемой на весах души полноты ради получения ответа – совесть, что включает личную ответственность за качество и последствия низведенных в мир, переданных знаний и умений. Либо динамичная экспансия, обезличенное суммирование и освоение найденного, допускающее нарастание дисгармоник не только относительно знания *per se*, но также нравственного качества («категорического императива») практических аппликаций. Высокая эффективность подобного подхода одновременно таит риски отложенных неурядиц. Из чего вытекают многообразные различия в логике технического и технологического развития, экономического действия, геометрии политического строя, архитектуры социального строительства.

Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, в свою очередь предопределяет направление исхода из развилки-ловушек истории, регламент познания-действия, содержание культурной, социальной, политической стратегий. И в конце концов – генеральную композицию будущего: апофеоз той предельной ситуации, к которой, судя по всему, движется человечество.

Русский культурный архетип.

Юрий Андреевич Вьюнов

Глава I Истоки: славяне, Русь, Россия (выдержки из книги)

«Чтобы понять тайну русского народа, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы её...»

Л.Н. Толстой

Мы совершим этот краткий исторический экскурс в глубь веков для того, чтобы лучше представить, где, на какой этнической основе и в каких условиях формировался русский народ, когда и как создал своё государство и каковы основные особенности этого сложного и длительного исторического процесса. Одним словом, речь пойдет здесь об истоках русского народа как этноса и нации, истоках, в значительной мере определивших его самобытность и историческую судьбу. Итак, «откуда есть пошла Русская земля?»

1. Восточные славяне – основа русского этноса. Древняя Русь в IX–XII вв

Ключевые слова и словосочетания

Восточные славяне – одна из трёх (наряду с западными и южными) основных групп древних славян, образовавшаяся после распада их этнической и языковой общности.

Этнос – исторически сложившаяся этническая общность: племя, народность, нация.

Индоевропейский – относящийся к семье языков, общей для многих народов Европы, Передней (Западной) Азии и Индостана.

Норманны – общее название племен, населявших Скандинавию в средние века.

Варяги – в древнерусском языке собирательное название скандинавов.

Финно-угорский – относящийся к группе родственных языков, включающей финский, венгерский, карельский, эстонский, удмуртский и некоторые другие языки.

Тюрки – название обширной группы родственных по языку народов, к которым принадлежат татары, азербайджанцы, узбеки, казахи, киргизы, башкиры, туркмены, якуты, чуваша, турки и др.

Кочевник – человек, который ведёт кочевой образ жизни, т.е. не проживающий постоянно на одном месте, а переходящий с места на место со своим жильём и имуществом.

Феодал – крупный землевладелец.

Военная демократия – власть знати, опирающаяся на военную силу; первоначальная форма государственности у восточных славян.

Вече – 1) общее собрание жителей поселения у восточных славян; 2) народное собрание на Руси в X–XIV вв. Решало вопросы войны и мира, призывало и изгоняло *князей*, принимало законы, заключало договоры с другими землями и т. д. В Новгороде и Пскове сохранилось почти до конца XV в.

Князь – военный вождь, предводитель дружины.

Дружина – приближённые князя, а также княжеское войско.

Дань – подать с населения или налог, взимаемый победителем с побеждённых.

Община (родовая) – форма организации общества, характеризующаяся коллективным владением средствами производства, совместным ведением хозяйства, полным или частичным самоуправлением.

Путь «из варяг в греки» – водный торговый путь из Балтийского в Чёрное море, по которому в IX–XII вв, шла торговля Руси и стран Северной Европы с Византией.

Древнерусская народность – народность, сформировавшаяся на основе племенных союзов восточных славян, основа русского, украинского и белорусского народов.

Древнерусское государство – государство в Восточной Европе, возникшее в последней четверти IX в. в результате объединения двух главных центров восточных славян – Новгорода и Киева, а также земель, расположенных вдоль пути «из варяг в греки».

Норманнская теория – направление в российской и зарубежной историографии, сторонники которого считали норманнов (варягов) основателями государства в Древней Руси.

Воевода – военачальник, правитель. На Руси известен с X в. Стоял во главе полка, отряда или города (XI в.), провинции (XIII в.).

Дума – совет знатных князей и бояр.

Наместник – должностное лицо в XII–XVI вв., возглавлявшее местное управление.

Монархия – государство, главой которого является монарх.

Хазары – тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после нашествия гуннов (IV в.) и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи.

Вотчина – древнейший вид земельной собственности на Руси, переходившей по наследству. Возникла в X–XI вв. В XIII–XV вв. – господствующая форма землевладения.

Крестьяне-общинники – члены крестьянской общины, связанные общими интересами и прежде всего общинным землевладением.

Собор – главный храм города или монастыря, где совершает богослужение высшее духовное лицо (патриарх, архиепископ и др.).

Крещение – христианский обряд (таинство) принятия в число верующих, приобщение к христианской церкви.

Духи – в религиозно-мистических представлениях; бесплотное сверхъестественное существо.

Язычество – общее название нетеистических религий, основанных на многобожии.

Культ – в религии: служение божеству и связанные с этим действия, обряды.

Обряд – совокупность действий, в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления, бытовые традиции.

Храм – здание для богослужения, церковь.

Православие – одно из основных направлений христианства, вероисповедание, сложившееся в Восточно-Римской империи (Византии).

Священник – в православии: служитель культа, исполняющий церковные службы.

Патриарх – высшее духовное лицо, глава православной церкви.

Духовенство – лица, отправляющие религиозные, церковные обряды, служители культа.

Раскаяние – чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка.

Преобразиться – получить новый образ, сделаться иным, лучшим.

Святые места – места, связанные с различными событиями церковной истории (деяниями Христа, Богородицы, святых) и служащие объектами почитания и паломничества верующих.

Масленица (Сырная неделя) – старинный славянский праздник проводов зимы и встречи весны, от которого сохранился обычай печь блины и устраивать различные увеселения.

Иван Купала – славяно-русский народный праздник летнего солнцестояния (в ночь на 24 июня по старому стилю, когда церковь празднует рождение Иоанна Крестителя).

Гадать – у суеверных людей стремление узнать будущее или прошлое (при помощи карт или других способов).

Заговор – в суеверных представлениях: магические слова, обладающие колдовской или целебной силой.

Приметы – в суеверных представлениях: явление, случай как предвестие чего-либо.

Кудесник – то же, что волшебник.

Самобытный – своеобразный, идущий своими путями, самостоятельный в своём развитии.

Печенеги – объединение тюркских и других племен в заволжских степях в VIII–IX вв. В IX в. откочевали южнорусские степи. Совершали набеги на Русь, в 1036 г. были разбиты Ярославом Мудрым.

Летописный свод – историческое произведение, вид повествовательной литературы на Руси в XI–XVII вв., представлявшее собой сборник погодных записей.

Былинный эпос – древние русские историко-героические песни.

Престол – то же, что трон.

Половды (кипчаки) – тюркоязычный народ, переселившийся в южнорусские степи с Востока в XI с.

Русская Правда – свод древнерусского права.

Шапка Мономаха – золотой филигранный остроконечный головной убор, с собольей опушкой, украшенный драгоценными камнями и крестом, регалия русских великих князей и царей, символ самодержавной власти.

Покаяние – добровольное признание в совершенном проступке, в ошибке. Покаяние церковное – то же, что исповедь.

Милосердие – готовность помочь кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания и человеколюбия.

На огромном пространстве от Северного Ледовитого океана на севере до Чёрного моря на юге и от Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке раскинулась на многие сотни километров Восточно-Европейская равнина, Здесь, на этой необозримой равнине, пересекаемой множеством больших и малых рек, покрытой в центральной и северной своих частях огромными лесами, и проходило формирование русского народа.

На Восточно-Европейской равнине человек поселился очень давно – несколько тысячелетий назад. **Уже в начале нашей эры здесь жили восточные славяне** – потомки древних земледельческих и скотоводческих племён, занимавших в далёком прошлом обширные пространства в центре Европы.

Нужно сказать, что по поводу древнейшей истории славян, их происхождения и прародины существует несколько гипотез, что связано прежде всего с отрывочностью и противоречивостью имеющихся сведений по этому вопросу.

Однако, как считает сегодня большинство историков, славяне выделились из индоевропейской общности ещё в середине II тысячелетия до н. э. Что касается праславянского языка, то исследователи полагают, что он начал складываться позднее, в середине I тысячелетия.

Известно также, что античные авторы уже в первые века нашей эры писали о славянах, как о «великом народе», «бесчисленных племенах», которых они называли венетами, антами, склавинами. Многие учёные считают, что исходная территория, на которой началось формирование славянства, охватывала, по-видимому, пространство от Верхнего Одера на западе до Среднего Днепра на востоке. Во всяком случае, именно на этой территории археологи открыли ряд древнейших культур, принадлежащих славянским племенам.

Дальнейшее расселение славян, особенно интенсивное в середине I тысячелетия н. э., происходило по трём основным направлениям; на юг (на Балканский полуостров), на запад (в район Среднего Дуная и

междуречье Одера и Эльбы) и на северо-восток по Восточно-Европейской равнине. В результате этого расселения произошло разделение славянства на три ветви:

- южную (сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы, современные болгары);
- западную (современные поляки, чехи, словаки);
- восточную (русские, украинцы и белорусы).

Таким образом, в эпоху Великого переселения народов IV–V вв. н. э. славяне заняли территорию Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Завершающий этап выделения восточных славян из общеславянского единства учёные относят к VI–VII вв. н. э. К IX в. восточные славяне представляли собой уже целые племенные объединения – союзы племён, которые носили не только родовой, но и территориально-политический характер. Такие племенные союзы включали в себя десятки отдельных племён и способны были обеспечить более эффективную защиту границ восточно-славянских земель. Образование племенных союзов – важный этап на пути создания государственности у восточных славян.

Наиболее значительными из них были:

- поляне, располагавшиеся и лесостепи по среднему течению Днепра;
- их соседи – древляне, расселившиеся в лесной зоне по южным притокам реки Припяти;
- дреговичи (от слова «дрягва» – болото), жившие к северу от древлян между реками Припять и Западной Двина;

• кривичи – самое большое племенное объединение, – обитавшие в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги;

- словене (ильменские), жившие возле озера Ильмень и реки Волхов;
- вятичи, занимавшие территорию в верховьях и среднем течении реки Оки;
- радимичи, расселившиеся по реке Сожь и её притокам, и др.

Как видим, поселения восточных славян располагались уже в то время на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины, в основном по берегам рек и озёр. При этом их названия большей частью связаны не с единством происхождения, а с районом расселения. Заметим, что земля полян, как указывают летописи, носила также название «русь».

Некоторые историки считают, что так называлось одно из племён, жившее по берегам реки Рось – притоке Днепра, и впоследствии это название распространилось на весь племенной союз полян. Однако это лишь одно из объяснений появления термина «русь». Существует, например, мнение, что слово «русь» восходит к имени норманнского (варяжского) племени. Вопрос о происхождении этого названия до сих пор остаётся открытым, и, очевидно, учёные ещё долго будут спорить по этому вопросу и выдвигать различные гипотезы. Так или иначе, но совершенно ясно одно: самоназвание «русь» закрепилось и его наследовал народ, о котором мы и поведём речь.

Но какие народы жили в тот период рядом с восточными славянами? Как складывались их взаимоотношения? Это немаловажные вопросы, ибо с самого начала соседние народы играли большую роль в истории русского народа и его судьбе. Не случайно первое на Руси значительное историческое произведение «Повесть временных лет» (начало XII в.) начинается с; описания того, с кем соседствует Русь, какие реки куда текут и с какими народами соединяют.

Прежде всего обратим внимание на то, что до возникновения государства у восточных славян на территории Восточной Европы не было устойчивых государственных образований. Это в значительной степени облегчало продвижение по ней восточнославянских племён. Северную часть Восточно-Европейской равнины, от Балтийского моря до Уральских гор, занимали финно-угорские, или чудские, племена, с которыми у славян были тесные связи.

Некогда финны обитали гораздо южнее (например, название города Муром, находящегося по юго-востоку от Москвы, финно-угорского происхождения), однако с течением времени они были оттеснены дальше на север славянскими и другими народами. Впоследствии часть финноязычных племён ассимилировалась под влиянием славянской культуры, часть перешла под влияние ислама.

Основными финскими племенами являлись: чудь, жившие в районе Финского залива; весь, меря, мурома и мордва – по верхнему и среднему течению Волги, в верховьях Северной Двины и Камы обитали племена народа пермь (иначе называемые зырянами). Практически все финноязычные племена, упоминаемые в древних русских летописях, сохранились до настоящего времени и даже под своими названиями; весь – под названием вепсы; меря – мари или черемисы; мордва и мурома как одна из ветвей современной мордвы.

На севере и северо-западе славяне соседствовали также со скандинавскими народами – варягами (конгломератом племён, к которым принадлежали будущие норвежцы, шведы, датчане).

К западу от кривичей, в районе Западной Двины, реки Неман и нижней Вислы, жили литовские племена (литва, жмудь, ятвяги и др.), язык которых говорит о том, что они были родственны славянам. Позднее некоторые из них вошли в состав Руси и жили с ней общей политической и культурной жизнью.

На юге славяне соседствовали с Византией (Восточно-Римской империей) – государством, существовавшим в IV–XV вв. н. э. Там же, на юге, и Северном Причерноморье соседями славян были греки. В результате этого соседства, и особенно тесных связей с Византией, восточные славяне, а затем и Русь в начале своей истории испытали на себе достаточно большое греко-латинское влияние.

Особое место в жизни славян занимали кочевые народы – обитавшие на юге и юго-востоке обширной равнины тюркские племена – авары, хазары, болгары (булгары), печенеги, половцы и др. В VI в. авары создали своё государство, объединившее кочевавшее в южных степях племена. Но оно было недолговечным – в начале VII в. Аварский каганат разгромила Византия, и авары (которых славяне называли «обры») были

рассеяны, смешавшись с другими народами. «Погибоша аки обре» – так говорит об этом событии русская летопись. Эти слова вошли в поговорку, широко употреблявшуюся на Руси.

В VII–VIII вв. в южных степях существовали ещё два крупных государственных образования – Болгарский и Хазарский каганаты. После распада Болгарского каганата часть болгар-тюрок перекочевала на Дунай, где была ассимилирована южными славянами. Другая часть переселилась в среднее течение Волги (отсюда и название – болгары), где в X в. создала своё государство – Болгарию Волжско-Камскую. Жившие здесь финно-угорские племена были ассимилированы более сильными болгарами, и с тех пор на средней Волге началось активное распространение тюркских языков. Как считают ученые-этнографы, с волжскими болгарами тесно связано происхождение ряда народов этого региона – чувашей, казанских татар и др.

Хазары также представляли собой смешанный народ, они вели кочевой образ жизни и предпринимали постоянные набеги на славянские земли. Хазарский каганат занимал с середины VII в. территорию Нижнего Поволжья, степи Северного Кавказа, Причерноморья и частично Крыма.

Кроме того, в Приуральских и Прикаспийских степях жили племена печенегов, половцев и др., которые постепенно переселялись ещё южнее и продвигались далее на запад.

Восточные славяне на протяжении многих веков вели самоотверженную борьбу с набегами кочевников, которые волна за волной прокатывались по южным степям из Азии в Восточную Европу. В IV в. на славян наняли гунны, пришедшие из Центральной Азии. На смену им пришли авары, а затем хазары, печенеги и половцы. Хазары взимали дань с приднепровских славян вплоть до конца IX в. Защищаясь, славяне и сами организовывали военные походы против кочевников-грабителей. Как не вспомнить здесь пушкинские строчки из «Песни о вещем Олеге»:

Как ныне собирается вещей

Олег Отмстить неразумным хозарам:

Их сёла и нивы за буйный набег

Обрёт он мечам и пожарам...

Можно сказать, что Русь выросла и закалилась в жестокой борьбе со Степью, кочевниками. Историческая память народа, благодаря устным преданиям, легендам, сказаниям и летописям, сохранила образы реальных и былинных героев – защитников родной земли. С каким восхищением рисуют, например, летописи облик Святослава – прямодушного, сурового и мужественного русского князя-воина. Его слова, сказанные дружине перед битвой с многочисленным врагом: «Да не посрамят земли Русской, но ляжем костью, мёртвые сраму не имут», так же как и полное благородства предупреждение врагу: «Хочу на вы идти», – стали крылатыми и навсегда вошли в отечественную культуру как одни из важнейших духовных ориентиров народа.

Обороняясь или же переходя в наступление, Русь отстаивала свою независимость, свою молодую культуру, одновременно сдерживая проникновение огромных масс воинственных степняков в Европу.

Тем не менее под непрерывным натиском многочисленных кочевых племён и народов с юга славянское население постепенно уходило из лесостепной части Восточно-Европейской равнины всё дальше на север, в лесную зону. Здесь в густых лесах и более трудных природно-климатических условиях возникали всё новые и новые славянские центры, налаживалась хозяйственная жизнь.

Дружины славянских князей предпринимали военные походы не только против кочевников-степняков, но и на берега Дуная, и на Византию, и даже на её столицу – Константинополь (или Царь град, как называли сто русские). Летописи сохранили, например, горделивое историческое предание о том, как князь Олег в знак своего превосходства повесил щит па воротах Царьграда.

В целях успешного ведения оборонительных и наступательных войн, концентрации хозяйственных и людских ресурсов восточные славяне объединялись в племенные союзы, сплачивались под руководством своих князей.

Таким образом, с самого начала формирование древнерусской народности проходило не в национально-замкнутом пространстве, а на открытой всем цивилизационным ветрам (и с юга, и с севера, и с востока, и с запада) огромной территории.

Славяне вели оседлый образ жизни: занимались земледелием, скотоводством и бортничеством (сбором мёда диких пчёл), охотой и рыбной ловлей. Решающую роль в их хозяйственной деятельности играло земледелие. Это убедительно подтверждают результаты археологических раскопок, обнаруживших семена различных злаков (ржи, пшеницы, ячменя, гречихи, проса) и огородных культур (капусты, свёклы, моркови, репы, чеснока и др.), которые выращивали славяне. Именно в поисках новых земель и наиболее благоприятных условий для земледелия устремлялись потоки славянских переселенцев по территории Восточно-Европейской равнины.

В VII–VIII вв. восточные славяне уже составляли значительную часть населения Восточной Европы. Поскольку плотность населения на этой огромной территории была очень мала и отсутствовали устойчивые государственные образования, славянам не приходилось вступать из-за земель в острые конфликты с местными племенами. Кроме того, более высокая, прежде всего земледельческая, культура славян, выработанная ранее в благоприятных природно-климатических условиях юга (в том числе Среднего Приднепровья), оказывала положительное влияние на жизнь и развитие хозяйства уроженцев этих мест – угро-финских и балтских племён. Всё это способствовало мирному сотрудничеству славян с местным населением и в итоге ославяниванию значительной его части.

Земледельческие работы славянам нужно было проводить в определенные и очень сжатые сроки, ибо на севере и в центре Восточно-Европейской равнины лето короткое. Если к этому добавить еще и низкий уровень производительных сил в то далёкое время, то становится понятным, что организация земледелия

требовала не только огромных затрат труда, но и мобилизации коллективных усилий. Поэтому издревле в жизни славян значительную роль играла община – мир (или вервь).

В VII–VIII вв. у славян происходит интенсивный процесс разложения родоплеменного строя. На смену родовой общине приходит соседская, или деревенская (территориальная), община, состоявшая из нескольких семей. Членов такой общины объединяло уже не родство, а общность территории и хозяйственной жизни. Каждая славянская семья в такой общине имела свою собственность: дом, приусадебную землю, скот, орудия труда. Но пахотная земля, места охоты и рыбной ловли, луга, леса и пастбища оставались в общем пользовании. При этом пахотная земля и покосы подлежали разделу между семьями на основе решения общины.

Возникновение семейной собственности постепенно привело к имущественному неравенству. Образовался слой крупных землевладельцев – князей и бояр, в зависимость от которых попадали многие мелкие земледельцы-общинники (по-славянски смерды), бывшие до того свободными. Процесс этот шёл в основном двумя путями. Главный из них – подчинение свободных общинников родоплеменной знати, в том числе в результате передачи князем права на владение землёй своим родственникам, представителям бывшей родовой верхушки и дружинникам (за что последние должны были нести придворную или военную службу). Другой путь – это прямой захват князем и его дружинниками общинных земель и закабаление общинников. Так у восточных славян возникла феодальная собственность на землю – экономическая основа феодального общества, зародились феодальные отношения.

Разложению родового строя и формированию классов феодального общества способствовало также отделение ремёсел от других видов хозяйственной деятельности, быстрый рост городов и развитие внешней торговли, за счёт которой шло обогащение племенной верхушки.

К этому времени относится и появление у восточных славян первой формы государственности – племенного княжения – «военной демократии», Вместо власти, основанной на авторитете и обычаях родовой общины, образуется власть знати, опора которой – военная сила. Во главе каждого племени или племенного союза у восточных славян стоял князь – поенный вождь, предводитель дружины, состоявшей из приближённых князя и княжеского войска. По поручению князя дружинники собирали дань с подвластных племён. Такие походы за сбором дани назывались «полюдье».

Однако власть князей тогда ещё не была наследственной и неограниченной: все наиболее важные вопросы общественной жизни славяне решали на вече (от слова «вещать», т. е. говорить) – общем собрании жителей поселения. Византийский писатель Прокопий из Кесарии в книге «Война с готами» отмечал, говоря о славянах: «Эти племена... не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни человека считают делом общим».

Восточные славяне не знали рабства, в том смысле и в таких масштабах, как, скажем, в Античной Греции или Древнем Риме. Это объясняется прежде всего тем, что их основным занятием было земледелие и рано сложилась собственность на землю. В центре организации всей, в том числе хозяйственной, жизни славян находилась община. Кроме того, они не вели захватнических войн, которые давали бы большое количество рабов. Основным производителем были смерды – свободные общинники, располагавшие своим инвентарём и участком земли, отведённым общиной. Труд рабов использовался, но, как правило, в качестве вспомогательной рабочей силы в богатых хозяйствах родоплеменной знати. Рабов – холопов (или челядь) – также продавали, в частности, в Византию.

Центрами территориальных и политических образований восточных славян были города – большие поселения ремесленников и торговцев, располагавшиеся вокруг феодальных крепостей, опорных пунктов власти князей и обороны от внешних врагов.

Города строились, как правило, на важных торговых путях и на возвышенности, на месте слияния рек, что обеспечивало в о лее надёжную их защиту. Уже к концу IX в. та территории, занимаемой восточными славянами, существовали десятки больших и малых городов. Наиболее крупными из них были Киев, Новгород, Псков, Изборск, Смоленск, Чернигов, Переяславль и др. При этом древнейшие и наиболее развитые из городов того времени – Киев и Новгород – располагались на великом водном пути «из варяг в греки» (р. Днепр), который, по словам историка В.О. Ключевского, был «главным стержнем экономической, политической, а потом и культурной жизни восточного славянства».

Начало государственности русского (так же как украинского и белорусского) народа восходит к эпохе Древней Руси и связано с объединением важнейших центров восточного славянства – Новгорода и Киева. Отсюда и название первого в отечественной истории государства, сформировавшегося в IX–X вв. нашей эры – Киевская, или Киевско-Новгородская, Русь.

Образование древнерусского государства было закономерным результатом длительного социально-экономического и политического развития восточнославянских племён. Признаки зарождающейся государственности обнаруживаются уже в условиях племенного княжения и получают своё дальнейшее развитие в период их объединения в крупные племенные союзы.

Одним из первых таких объединений, как считают некоторые историки, был союз племён на земле полян с центром в городе Киеве. Сохранилась легенда, согласно которой славянский князь Кий и его братья Щек и Хорив с сестрой Лыбедью основали город на высоком берегу Днепра и назвали его в честь старшего брата Киевом. Летописец сообщает, что Кий ездил даже в Константинополь по приглашению византийского императора, который желал видеть в киевском князе своего союзника. После смерти Кия первыми правителями киевского княжества стали его потомки.

Летописи рассказывают также о том, что на севере восточнославянских земель, в районе озера Ильмень, было создано другое крупное объединение племён с центром в Новгороде на реке Волхов. Русский летописец

Нестор, автор знаменитой «Повести временных лет», основываясь на более ранней «Остромировой летописи» (середина XI в.), включил в своё сочинение легенду о приглашении в 862 г. новгородскими боярами варяжских князей Рюрика, Трувора и Синеуса править Новгородом («Земля, наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и володеть нами»). В результате старший из братьев – Рюрик – получил власть над Новгородом и другими славянскими землями в районе озера Ильмень.

По сложившейся традиции с этого времени историки ведут начало русской государственности. В 1862 г. в Великом Новгороде был сооружен памятник «Тысячелетие России», символически обозначивший этот важный этап отечественной истории. Поэре смерти Рюрика, в связи с малолетством его сына Игоря, власть перешла к другому варяжскому князю – Олегу, который в 882 г. во главе новгородского войска и наёмной варяжской дружины направился на юг, обманом захватил Киев, убив при этом правившего там варяжского же князя Аскольда, и объединил территории двух крупнейших славянских племенных союзов. Территориальным и этническим ядром нового объединения, в которое вошли и неславянские (угро-финские, балтские и др.) племена, стал союз полян. Столицей нового объединения, «матерью городов русских» был объявлен Киев, а Олег стал великим киевским князем. Так, согласно летописанию, образовалось древнерусское раннефеодальное государство, получившее политико-географическое название «Русь».

Летописные источники и легенды, повествующие о призвании варягов на русскую землю в качестве первых князей древнерусского государства, явились основанием для возникновения так называемой норманнской теории. Эта теория была выдвинута немецкими историками Байером, Миллером и др., приглашёнными в Россию во времена правления императрицы Анны Иоанновны, ещё в середине XVIII в. Её смысл в том, что славяне якобы не смогли сами создать государство и для этого прибегли к помощи варягов-норманнов.

Против этой теории ещё в XVIII в. выступили М.В. Ломоносов и другие историки. Однако борьба между сторонниками и противниками норманнской теории не утихает до сих пор. Это объясняется главным образом недостатком документальных материалов, противоречиями в имеющихся источниках, большим количеством домыслов и догадок у самих древних авторов, писавших о временах, давно прошедших. Нельзя не учитывать и политический смысл, который «норманисты» пытались с самого начала вложить в эту теорию о якобы изначально присущей русскому народу отсталости и неспособности к историческому творчеству.

Тем не менее сегодня уже есть все основания утверждать, что **весь ход развития восточного славянства, особенно во второй половине I тысячелетия н. э., привёл к логическому итогу – возникновению государства.** Оно было подготовлено, прежде всего, внутренними политическими и социально-экономическими процессами, а также необходимостью организации совместной обороны от постоянных набегов кочевников-степняков. В политической и военной области формирующийся государственный строй Древней Руси использовал и развивал, например, органы управления (князь, дружина, воевода, вече), сложившиеся значительно раньше, задолго до того, как варяжские дружины появились на службе у славянских князей. Не вызывает сомнений лишь сам факт тесных взаимных связей славян и скандинавов, а также участие варяжских князей и их дружин в жизни Руси, в объединении русских земель. В этом смысле норманны сыграли определённую роль и в жизни целого ряда других европейских стран, например, Англии и Франции. Что касается факта призвания варягов на княжение (если он действительно имел место в истории), то он говорит не столько о создании государственности у восточных славян, сколько о происхождении княжеской династии. Ведь учёные так и не обнаружили сколько-нибудь заметных следов влияния норманнов ни в политической, ни в социально-экономической, ни в культурной жизни славян, ни в их языке. Варяги, хотя и принимали активное участие в объединении земель, не могли создать государство у восточных славян хотя бы уже потому, что сами в IX в. ещё не знали государственности.

После объединения крупнейших славянских племенных союзов и создания единого государства под власть киевских князей постепенно попадают и другие восточнославянские союзы и княжества, а также неславянское население (в том числе принадлежащее к иранскому этносу). К концу X в. этот процесс в основном завершается. В результате складывается структура единого государства, состоящего из крупных территориальных образований, управляемых вассалами киевского князя и его наместниками.

Древнерусское государство представляло собой раннефеодальную монархию. Во главе государства стоял великий князь, который опирался в руководстве страной на совет (думу), состоявший из наиболее знатных князей и старших дружинников (бояр), а также аппарат управления, ведавший сбором дани и различных податей, судебными делами и взиманием штрафов. Роль чиновников в этом аппарате выполняли младшие дружинники.

Следует заметить, что великий князь располагал значительными военными силами как для осуществления своей власти над населением, входившим в состав Руси, так и для защиты славянских земель от внешних врагов. Они состояли из дружины самого великого князя и дружин подвластных ему князей. Кроме того, в случае непосредственной военной опасности собиралось народное ополчение, которое возглавляли ближайшие помощники князей – тысяцкие.

Политическое объединение восточнославянских племенных союзов в рамках единого государственного образования имело огромное значение. Оно способствовало их этнической консолидации, формированию единой древнерусской народности и её самобытной и богатой культуры.

Киевская (или Киевско-Новгородская) Русь занимала гигантскую территорию от Балтики до Чёрного моря и от Западного Буга до Волги. С самого начала это было не только крупнейшее в Европе, но и могучее государство, которое длительное время вело успешную борьбу с многочисленными кочевыми племенами, являясь крепким щитом, спасавшим европейские народы от их опустошительных набегов. Эта борьба явилась одним из важных факторов, способствовавших образованию русского раннефеодального

государства.

Летописец Нестор приводит легенду о том, как русичи отказались платить дань могущественному Хазарскому каганату. Они послали хазарскому правителю – кагану – русский обоюдоострый меч. «Каган! – сказали правителю его приближённые, – Эта дань не к добру! Мы добыли её саблями, заострёнными с одной стороны, а их оружие острое с обеих сторон. Когда-нибудь они возложат дань на нас». «Что и сбилось». – с удовлетворением заключает летописец.

Киевский князь и крупный древнерусский полководец Святослав во второй половине X в. совершил поход в низовья Волги и разгромил Хазарский каганат. Дошедшие до нас свидетельства иностранных источников говорят о том, что Киевская Русь пользовалась высоким авторитетом и уважением в окружающем её мире.

Возникновение Киевской Руси по времени совпадает с процессом образования государств, проходившим в IX–X вв. на территории Центральной, Северной и Восточной Европы. Именно в этот период создаются, например, Болгарское, Венгерское, Великоморавское и Древнепольское государства, складывается государственность в Сербии и Хорватии, появляется объединённое Англо-Саксонское (Англия) и Датское королевства.

Таким образом, можно констатировать, что образование государств на всём обширном пространстве Европы проходило практически одновременно. При этом Киевская Русь была среди них одним из первых и крупнейших государств. Как и в других европейских странах раннего средневековья, в Древней Руси формировалось феодальное общество. В целом этот процесс проходил по общеевропейскому типу: от государственных форм к вотчинным (т. е. родовым, наследственным). Однако на Руси он шёл значительно медленнее. Вотчинное землевладение, несмотря на его постоянный рост, особенно в XII – первой половине XIII вв., остаётся всё же второстепенным по сравнению с государственно-феодальными формами. Большинство крестьян-общинников продолжают быть поземельно зависимыми только от государственной власти, представленной князьями и военно-служилой знатью.

В раннефеодальном обществе Руси выделялись два основных класса – крестьяне и феодалы. Каждый из этих классов не был однородным.

Крестьяне (смерды), как уже отмечалось, делились на свободных общинников и зависимых, которые, в свою очередь, также делились на ряд категорий: закупов, рядовичей, изгоев и холопов. Последние были совершенно бесправны и фактически находились на положении рабов.

Класс *феодалов* состоял из представителей великокняжеского дома во главе с великим князем, князьями племен или земель и бояр. В конце X в., после принятия христианства, и особенно в XI в. в этот господствующий класс русского феодального общества стали вливаться и верхи духовенства.

Будучи одним из крупнейших государств средневековья и занимая стратегически важное географическое положение, Киевская Русь имела широкие и многообразные контакты со странами Запада и Востока. В домонгольский период (IX – середина XIII в.) она не уступала в своём культурном развитии большинству стран Европы, причём её культурное взаимодействие с европейскими государствами той поры было обоюдным, взаимовыгодным и равноправным.

Столица древнерусского государства – Киев – в X–XII вв. была одним из крупнейших и красивейших городов Европы. Её белокаменные стены с сияющими на солнце Золотыми воротами, грандиозный Софийский собор, великолепие церквей, княжеских и боярских хором, искусство мастеров-ремесленников вызывали восхищение всех, кто приезжал сюда. Германский летописец Адам Бременский в первой половине XI в. назвал Киев украшением Востока и соперником Константинополя – столицы могущественной Византийской (Восточно-Римской) империи.

У древних славян были религиозные верования, свойственные и другим народам Европы периода разложения родоплеменного строя. Они чтили своих предков и поклонялись им, устраивали в их честь праздники, поминали усопших. Жизнь славян – земледельцев, охотников и рыболовов – целиком зависела от природы. Поэтому с древнейших времён у них сформировался культ земли, солнца, неба, дождя, рек, грома и молнии, ветра, т. е. всего того, что в значительной мере определяло производственную деятельность земледельца. Считая природные явления могущественными живыми существами, они обожествляли их и поклонялись им. У восточных славян было много богов, главными из которых считались Перун – бог грома и молнии, Ярило – бог солнца, Сварог – бог неба и огня, Велес – покровитель скота и др.

Особое место в славянском пантеоне богов занимало поклонение Роду. По представлениям славян, Род, находясь на небе, давал жизнь всему живому на земле. Отсюда и происхождение слов: народ, родня, родители, природа и др. Вполне вероятно, что поклонение Роду отражает наметившуюся у восточных славян тенденцию перехода к единобожию. Славяне верили также в духов добрых (берегинь) и злых. При этом они думали, что могущественные силы есть повсюду: в лесу – леший, в воде – водяной, в доме – домовый.

Таким образом, восточные славяне, как и другие европейские народы дохристианской эпохи, были язычники, т. е. последователи нетеистической религии, основанной на многобожии. Господствовавшая у них дохристианская религия и органически связанные с ней представления, мифы, верования, нравы и обычаи сформировали у восточных славян строгие правила чести, нормы поведения и принципы справедливости, которые в совокупности получили название «правь». От этого понятия произошли русские слова «право» и «правда». Языческое мироощущение восточных славян, их представления об окружающем мире получили яркое художественное воплощение в устном народном творчестве: сказках, пословицах и поговорках, заговорах, былинном эпосе. В целом можно с полным основанием говорить, что дохристианская Русь достигла довольно высокого уровня в сфере духовного развития и в этом смысле была в основном готова к восприятию христианского вероучения.

Однако язычество, порождённое первобытно-общинным строем, не могло удовлетворить феодальное государство, перед которым стояли многообразные и более сложные задачи в деле укрепления

государственной власти, нарождавшегося феодального строя и духовного объединения людей, живших на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины.

Великий киевский князь Владимир I попытался унифицировать разнообразные языческие культуры, господствовавшие у различных восточнославянских племён, но эта реформа не дала результатов, адекватных возникшим потребностям. Поняв выгоды христианства и увидев красоту его обрядности, Владимир обратился именно к нему, отвергнув при этом другие монотеистические религии; иудаизм и ислам. Хотя окончательный выбор христианства был продиктован, очевидно, прежде всего экономическими соображениями, так как именно с Константинополе сходились торговые пути, связывавшие восточных славян со всем средиземноморским миром.

Христианство, как свидетельствуют летописи, начало распространяться на Руси издревле. Легенды гласят, что его проповедовал в славянских землях ещё апостол Андрей Первозванный – один из учеников Иисуса Христа. В «Повести временных лет» рассказывается, например, что Андрей Первозванный, предпринявший в начале нашей эры апостольскую миссию в эти края, побывал в Среднем Приднепровье и установил крест на киевских холмах, предсказав, что здесь «великий город будет». Известно также, что уже в первой половине X в. в Киеве была христианская церковь Святого Ильи. В конце своей жизни, в 957 г., приняла христианство великая княгиня Ольга. Затем её внук – великий киевский князь Владимир I, стремясь укрепить отношения Руси с Восточно-Римской империей, женился на византийской царевне Анне и также принял христианство. Крещение Владимира I и его приближённых состоялось в г. Корсуни (Херсонесе) – центре византийских владений в Крыму, куда он вторгся с войском, чтобы диктовать свои условия византийским императорам.

В ряду важнейших дат в отечественной истории совершенно особое место несомненно занимает 988 год. В этом году Русь, как свидетельствуют источники, по повелению Владимира I приняла христианскую религию. Вызванные им из Византии греческие священники совершали в Киеве и других городах обряд массового крещения людей, «заганивая в реку их, аки стада». Деревянные изображения когда-то почитаемых и могущественных языческих богов при этом сжигали или бросали в Днепр. Сжигались на кострах и другие памятники культуры дохристианской Руси. На тех местах, где раньше стояли языческие идолы и храмы, строились христианские церкви. Нужно сказать, что многие люди не хотели расставаться со своими богами. Они отказывались креститься, плакали, убегали, даже избивали иноземных священников. Но их силой принуждали принять новую религию.

Как видим, христианское вероучение на Руси насаждалось сверху, властью великого князя (в отличие от Европы, где христианство было, как правило, выбором личности). Делалось это на первых порах при помощи византийского духовенства (русская церковь вплоть до XIV в. была под юрисдикцией Константинопольского патриархата). Естественно, что распространение христианства в славянских землях проходило не без борьбы, длившейся многие годы, в древнерусском обществе оно растянулось вплоть до XV в.

И ещё одно важное замечание: поскольку большинство людей не чувствовало необходимости полностью освободиться от старой религии – язычества, то и принятие христианства не всегда сопровождалось раскаянием и внутренним преображением. И всё же, несмотря на эти негативные моменты, крещение Руси в принципе и прежде всего по своим последствиям – одно из величайших событий в духовной жизни русского народа, самым непосредственным образом сказавшееся на его судьбе. Новая вера и новые религиозные представления во многом стали определять национальное самосознание, морально-нравственные и этические нормы, бытовую жизнь народа.

Постепенно, привыкая, люди всем сердцем приняли христианскую религию, хотя и старые языческие верования не исчезли окончательно. Простой народ, даже принявший христианство, ещё длительное время продолжал исполнять языческие обряды. Более того, некоторые из языческих верований и обрядов не только сохранились, но и органично влились в христианство. Например, языческий Иван Купала был преображён в Иоанна Крестителя, а Перун – в образ Ильи-пророка. В культе «святых мест», широко распространённом на Руси, проступают следы почитания объектов природы, в частности, водных источников. С язычеством связана вся декоративная часть деревенской архитектуры, крестьянской одежды, бытовой утвари, а фольклор пронизан фрагментами древних исторических мифов и героического эпоса. Языческими символами проникнуты и сохранившиеся в ряде мест сложные свадебные обряды. Языческая романтика и языческое мироощущение, сохранившиеся в русском национальном сознании, придавали особую красочность и своеобразие русской народной культуре.

До наших дней дошел и общеславянский календарный праздник Масленицы – весёлый праздник проводов русской зимы, весеннего равноденствия и встречи солнца. Сохранившиеся в народе (и даже значительно активизировавшиеся в последнее время) традиции и обычаи гаданий, заговоров, вера в приметы, злых духов, в колдунов, кудесников, исцелителей и магов – всё это тоже следы древней языческой культуры славян. И сегодня многие люди стучат по деревяшке, чтобы не случилось что-нибудь плохое, и в зеркало смотрят, вернувшись домой с полдорога, и чёрной кошки, перебежавшей дорогу, боятся, и стремятся сплюнуть через плечо три раза, чтобы не сглазить, и, увидев человека, идущего навстречу с пустыми ведрами, тревожатся, ожидая неприятности, и т. д. В некоторых городах современной России и сегодня существуют языческие общины, при этом в одной только Москве, по некоторым данным, в них состоят тысячи людей. Таким образом, воспринятое извне новое вероучение, внедряясь в толщу народа, трансформировалось под влиянием традиционных верований и культов. Оно так и не смогло полностью вытеснить язычество в славянской душе и утвердилось в «чистом», ортодоксально-догматическом виде.

Крещение Руси имело большое значение для русского народа, во многом определило его историческую судьбу, особенности культуры, национальный психотип и ментальность. «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты – есть Христианство», – писал в своё время А.С. Пушкин. Таким

переворотом в жизни Древней Руси и было, вне всякого сомнения, принятие христианской религии. Христианство пришло на Русь из Византии в конце X в., т. е. когда уже произошло фактическое разделение христианской церкви на западную, римско-католическую, и восточную, греко-православную (официальное разделение двух христианских церквей произошло в 1054 г.). Именно в восточном, греко-православном варианте и утвердилось христианство на обширной территории Руси. Его отличие от римско-католической церкви заключается, главным образом, в неизменности хранения учения Иисуса Христа и апостолов в том виде, в каком оно было изложено в Священном Писании, Святом Предании и древних символах христианской церкви. Не случайно слово «православие» (от греч. – ортодоксия) на русской почве; приобрело смысл «верное учение» и таким образом противопоставлялось западному римско-католическому христианству.

Обратим внимание также на то, что католическая церковь сразу строилась отдельно от государства, как самостоятельная и самодостаточная структура, а папы боролись со светской властью (правда, с переменным успехом), Православная же церковь с самого начала являлась частью государства, и если пыталась бороться с властью, то неизменно терпела поражение. Кроме того, если западная церковь с самого начала объединяла самостоятельных и разнородных индивидуумов, то православная церковь собирала под своё крыло послушников, членов одной «соборной семьи». В результате под воздействием католической церкви на западе были созданы основы общества, где каждая личность самоценна и самодостаточна, а под влиянием восточной, православной церкви сформирован идеал государства – собора и нации – как одной семьи, где все связаны между собой и представляют ценность лишь как органичная часть единого целого.

Принятие христианства содействовало более быстрому отмиранию пережитков родового строя, ускорило становление и развитие феодальных отношений в Киевской Руси. Оно способствовало единству древнерусского государства, укрепило власть князей и бояр. Церковь, с самого начала ставшая государственной идеологией, учила людей, что великий князь управляет народом по воле Бога («Всякая власть от Бога»). При этом церковь присваивает великому князю все основные атрибуты византийских императоров. И государство, нужно сказать, щедро одаривало служителей церкви за эту поддержку, за проповедь смирения и покорности, которую вела православная церковь среди народа, выделив им десятую часть («десятину») своих немалых доходов. Церковные иерархи – митрополит и епископы – владели землями, сёлами и городами. В результате высшее духовенство, как мы уже отмечали, становилось органичной частью господствующего класса русского феодального общества. Забегая вперёд, скажем, что сложившиеся в тот период взаимоотношения государства и православной церкви определили их принципиальное развитие на столетия.

Крещение Руси имело и большое международное значение, так как ставило Русь в один ряд с другими христианскими народами Европы (к концу X в. почти все европейские государства приняли христианство как государственную религию).

Что касается сферы духовной жизни, то православное христианство внесло в языческие верования и мироощущения восточных славян совершенно новые понятия и образы, новые представления об окружающем, их мире, месте и роли в нём человека. Православная религия изменила весь образ жизни славян, оказала огромное влияние на развитие славянской культуры, духовного облика народа. Так, если в языческом искусстве «плоть» торжествовала над «духом» и утверждалось всё земное, природное, материальное, то христианское искусство воспевало победу духовного начала, утверждало высокие подвиги человеческой души, идеалы и нравственные принципы христианства.

И ещё один важный аспект, связанный с принятием православия. Вместе с христианством на Русь стало широко проникать византийское, а через него и греческое культурное влияние. Однако заимствование культурных достижений Византии, так же как и других стран и народов (например, иудейского Хазарского царства, а через него и арабов-мусульман, язычников-норманнов), осуществлялось на Руси не механически, а на основе их творческой переработки и изменений под воздействием богатых и самобытных культурных традиций восточных славян, эстетических представлений народа. В результате перенесённые на русскую почву духовные ценности приобретали совсем иные черты, начинали, по существу, новую жизнь. Важным фактором передачи и восприятия этих культурных достижений стала письменность на славянском языке.

Созданная византийскими монахами Кириллом и Мефодием во второй половине IX в., славянская письменность, которую они приспособили к сложным и богатым звукам славянского языка, пришла на Русь из Болгарии, прежде всего благодаря распространению и переписке церковных книг. Через славяноязычную литературу, а также греческие книги Русь приобщилась к античной, византийской, ближневосточной, раннехристианской и собственно славянской христианским культурам.

Именно в это время, т. е. уже в XI в., возникает оригинальная русская литература, ставшая, пожалуй, самой значительной сферой русской средневековой культуры, Назовём здесь некоторые из литературных произведений этого периода, дошедшие до нас: «Остромирово Евангелие», «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Поучение детям» Владимира Мономаха, «Повесть временных лет» летописца Нестора. Создание летописных сводов и других историко-литературных произведений – убедительное свидетельство становления древнерусской народности и развития национального самосознания.

В «Повести временных лет», например, которая начинается знаменитой фразой «Откуда есть пошла Русская земля...», содержится глубоко выстраданное поколениями людей обращение к князьям прекратить рознь и распри, не губить междоусобицами землю Русскую, которую приобрели мы и деды наши «трудом великим и храбростью». Вся она проникнута патриотическим настроением и чувством единства Руси. При этом происхождение Руси летописец показывает на фоне развития мировой истории, подчёркивая, что Русь – одно из европейских государств. В другом известном произведении, «Слове о законе и благодати», автор – митрополит Илларион – в яркой публицистической форме также изложил своё понимание места и роли Руси

в мировой истории. Академик Б.Д. Греков так отмечал значение летописей: «Летописи – это один из самых ярких показателей высоты древнерусской культуры. Это не просто погодная запись событий... это законченный, систематизированный труд по истории русского народа и тех нерусских народов, которые вместе с русским народом были объединены в одно Киевское русское государство».

Одновременно в этот период ослабевает культурное взаимодействие Руси с западнославянскими соседями, которые восприняли христианство из Рима и, следовательно, попали в орбиту латиноязычной западноевропейской культуры. Культурные связи с Западной Европой расширяются во второй половине XII-начале XIII в. Это время расцвета романского искусства на Западе и постепенного уменьшения византийского культурного влияния на Русь.

Встреча цивилизаций на территории Древней Русл обусловила взаимопроникновение различных культурных влияний и, несомненно, оставила глубокий след в самобытной культуре восточных славян. Однако, и это имеет принципиальное значение, Древняя Русь, находясь на перекрёстке западной и восточной цивилизаций, не вошла в русло ни той ни другой, а выработала (и выстрадала) свой самостоятельный путь развития. Вся история Древней Руси показывает, что она представляла собой особый оригинальный мир, особый евразийский тип культуры. Это было государство, которое обладало существенно отличающимися от других стран раннего средневековья формами организации политической власти, имело своеобразный тип материальной и духовной культуры, образ жизни и систему ценностей. Одним словом, являлось самобытной, самостоятельной цивилизацией. После распада древнерусского государства достижения и традиции этой оригинальной цивилизации не канули в Лету, а легли в основу становления и развития трёх народов, выделившихся из общерусского этноса – великороссов, украинцев и белорусов.

Среди князей, оставивших заметный след в истории и составивших славу Киевской Руси, следует назвать Владимира I, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Каждый из них внёс большой вклад в развитие и укрепление древнерусского государства. Важный шаг в своём развитии сделала Русь в период княжения *Владимира I* (980—1015). При нём в составе единого государства были объединены практически все земли восточных славян. Упрочилось внутреннее и международное положение Руси. Владимиру удалось решить одну из важнейших задач того времени: оградить молодое русское государство от постоянных и разорительных набегов многочисленных печенежских племён. В этих целях на южных границах Руси была создана целая система оборонительных укреплений. В период княжения Владимира Святославича был создан и первый летописный свод. Наконец, именно при Владимире I было принято христианство. Церковь причислила князя Владимира к лику святых и назвала «равноапостольным». Русский историк С.М. Соловьёв обращает внимание также на такие качества князя Владимира, как добро та, мягкость, щедрость, человеколюбие: «...Постоянно всякий нищий и убогий мог приходиться на княжий двор и получать пищу, кушанье и деньги из казны. Мало этого, князь говорил; «Ведь больные и слабые не могут доходить до моего двора», потому велел сделать телеги, накладывая на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мёд, квас и развозить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» – тем и раздавали всё это. И остался князь Владимир в народной памяти с прозвищем «Красное Солнышко».

Ко времени княжения Владимира Святого – времени единства и силы Русского государства, его успешной борьбы с кочевниками – относится возникновение и развитие нового эпического жанра – героического былинного эпоса, который явился вершиной устного народного творчества. Однако в центре былинного эпоса не великий киевский князь (хотя ему и отводится почётное место), а герои-богатыри, олицетворявшие сам народ. Среди них самый популярный и любимый в народе Илья Муромец, простой крестьянский сын, мужественный и могучий воин-патриот, защитник «вдов и сирот» земли Русской. Идеи, пронизывающие всё содержание былинного эпоса, – идеи единства и величия Руси, патриотизма и служения своей родине, гордость за неё – сохранились в былинах и в последующие времена. На протяжении многих веков они вдохновляли русский народ на борьбу против иноземных захватчиков, вселяя в него силу и укрепляя веру в победу над врагом.

Своего высшего расцвета Киевская Русь достигла при *Ярославе Мудром* (1019–1054), великом русском князе-просветителе, названном так за свою многогранную деятельность. Ярослав Мудрый много сделал для внутреннего устройства государства. Он основал город Ярославль на Волге и город Юрьев (ныне эстонский город Тарту) на земле племени чудь, укрепил южную границу Руси, окончательно ликвидировал угрозу нападения кочевников-печенегов. При нём Киев стал важнейшим очагом древнерусской культуры и крупнейшим ремесленно-торговым центром. По примеру Царьграда (Константинополя) Ярослав Мудрый построил в центре Киева прекрасный Софийский собор, организовал школу, готовившую богословов, философов, медиков и юристов. Великий князь был образованным человеком, много читал и собирал книги. Он повелел переводить книги с греческого языка на славянский, а также переписывать уже переведённые книги и давать их читать всем, кто пожелает. Ко времени Ярослава Мудрого относится и появление первого написанного гражданского правового кодекса, вошедшего в русскую историю под символическим названием «Русская Правда». Дополненная впоследствии его сыновьями, обросшая множеством статей (первоначально их было 17), она стала называться также «Правдой Ярославичей» (её название в оригинале – «Суд Ярослава Владимировича. Русский закон»). Летописец так сравнивает дело Ярослава Мудрого с деяниями его отца Владимира Святого: «Как один вспашет землю, другой посеет, а третьи жнут и едят хлеб, так и Владимир вспахал и умягчил землю, т. е. просветил её крещением; Ярослав засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение».

При Ярославе Мудром существенно расширились политические, хозяйственные и культурные связи Руси со многими государствами Запада и Востока. Короли западноевропейских государств стремились породниться с

великим русским князем, установить с ним дружеские отношения. Достаточно сказать, что сын Ярослава Мудрого Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина IX Мономаха, а дочери вышли замуж за королей Франции, Венгрии и Норвегии.

Ярослав умер в 1054 г., передав пятерым своим сыновьям различные русские города и земли в нераздельное владение, при этом старший сын получил главное – Киевское княжество. По словам летописца, перед смертью Ярослав Мудрый сказал сыновьям: «Любите друг друга, потому что вы братья родные... Если будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть ДРУГ Друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим». Пророческие слова! Оставив Киев старшему своему сыну Изяславу и разделив остальные города и земли между другими сыновьями, он наказал им не выступать из пределов этих земель, не выгонять из них друг друга. Однако, несмотря на этот наказ, после смерти Ярослава в Киевской Руси начались ожесточённые междоусобные войны князей за великий киевский престол и привилегии, за лучшие города и земли, участились восстания городских низов и смердов против притеснений бояр. На некоторое время эти усобицы удалось остановить благодаря усилиям внука Ярослава Мудрого, сына Всеволода Ярославича и византийской принцессы, *Владимира Мономаха*.

Умный, энергичный и мужественный человек, пользовавшийся большим уважением в народе, он, став великим князем (1113–1125), подчинил своей власти всех князей, вновь восстановил и укрепил единство Киевской Руси, дал решительный отпор половцам. С именем Владимира Мономаха связывают появление на Руси знаменитой шапки Мономаха – короны русских царей и знака преемственности власти русских государей от византийских императоров.

Владимир Мономах был одним из самых просвещённых людей своего времени, автором «Поучения детям», «Устава», ставшего частью «Русской Правды», и других работ. В своём «Поучении детям» Владимир Мономах писал, в частности: «Тремя добрыми делами побеждается враг наш, дьявол; покаянием, слезами и милосердием; Бога ради, не ленитесь, дети мои, не забываюте этих трёх дел: они не тяжки... Больше же всего не забываюте убогих, а особенно сирот». При нём была составлена «Повесть временных лет» – источник многих наших знаний о Древней Руси. Как и Ярослав Мудрый, он укреплял международные связи Руси, в том числе используя в этих целях заключение политических браков. Сыну Владимира Мономаха, Мстиславу Великому, ещё удавалось сохранять единство Руси, однако центробежные силы оказались непреодолимыми. После его смерти междоусобицы вспыхнули с новой силой, что привело в итоге к распаду единого государства на несколько самостоятельных княжеств.

К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА

О.А. Жукова

Вместо предисловия

Николай Владимирович Станкевич вошел в историю русской культуры как поэт, философ, создатель известного литературно- философского кружка. «Кружок Станкевича», понятие, которое приобрело устойчивое историко-культурное значение. Отдавая дань памяти и уважения выдающемуся русскому интеллектуалу, группа ученых Института философии РАН под руководством заведующего отделом социальной и политической философии А.А. Кара-Мурзы и заместителя директора ИФРАН С.А. Никольского провела ряд всероссийских и международных научных и мемориальных мероприятий. Они проходили в Москве, Белгороде, Генуе и Нови-Лигуре итальянском городе в сорока километрах от Генуи, где скончался двадцатилетний Николай Станкевич. Подобная культурно-мемориальная и исследовательская программа в отечественной традиции изучения жизни и творчества Н.В. Станкевича была осуществлена впервые. В качестве участника данной программы автор статьи выступила с основным докладом «Философия культуры Н.В. Станкевича» в Русском Доме в Генуе. Настоящая работа продолжает линию рассуждений, представленных в докладе, и посвящена выявлению интеллектуальных предпосылок русского западничества, у истоков которого находится кружок Станкевича.

Рождение философии из духа личности

Николая Владимировича Станкевича в истории русской мысли помнят и почитают как вдохновителя, идейного и нравственного лидера созданного им кружка – как человека, возле которого собралась думающая молодежь России, творчески настроенная, чуткая к искусству, устремленная к философскому поиску истины, красоты, стремящаяся к постижению смысла истории. Кружок Станкевича – крупное, самостоятельное и весьма характерное явление общественной мысли России, чья историко-философская роль определяется, прежде всего, началом западничества – умственного движения, которое получило в русской истории творческое и политическое выражение, оформившись в самостоятельное интеллектуальное направление *русского европеизма*. Местоположение Станкевича в истории русской общественной мысли – совершенно особенное. Молодой человек, в юном возрасте проявивший склонность к сочинительству, получивший образование в воронежском «Благородном пансионе», затем на словесном факультете Московского университета, ставший центром и душой интеллектуального общения неравнодушной к философским проблемам бытия и познания молодежи, продолжает обучение в Германии. Увлекается Шиллером, Шеллингом, Гегелем, читает Фихте и Канта, приобщает друзей к достижениям немецкой философии, выступая в качестве наставника своих почти ровесников, и умирает от туберкулеза, находясь на лечении в Италии, не достигнув тридцатилетнего возраста, оставляя после себя некоторые философические рассуждения и обширную переписку. И начинается жизнь после жизни – каждый из его соратников и друзей в той или иной мере несет на себе «печать» образа Станкевича, развивает сложную драматургию обсуждавшихся идей, насущных жизненных, исторических и социальных вопросов, воплощает их на практике, иногда радикально видоизменяя первоначальные представления и смыслы. Позволим себе привести следующее сравнение: в истории русской философии «ненаписанное» наследие Станкевича, артикулированное не текстом, не абстрактной мыслью, а философией жизни, опытом, способом проживания в культуре, во многом сродни «антропологическому перевороту», совершенному Сократом в истории античной мысли. Афинский мудрец, как известно, не записал ни одной речи, ни одного текста, но приобрел бессмертие через последователей, остался памятен человечеству своим учением и проживанием истины, подобающей философу, задав новый вектор развития всей античной цивилизации, наследницами которой является и европейская, и русская культура.

Пример Сократа – это пример того, как философия может рождаться *из духа личности и им конституироваться*. Прибегнем к ассоциативному ряду. Гениальная формула Ф. Ницше, давшая название знаменитой работе «Рождение трагедии из духа музыки», знаменует переход европейской художественной и философской культуры в ее позднеромантической стадии в область культурфилософской саморефлексии, которая оформляется в самостоятельное, исключительно плодотворное направление – «философию жизни». Однако в формуле Ницше

отражена не только логика происхождения древнегреческой трагедии из оргиастически переживаемой «омузыкаленной» трагедийности бытия, но и логика рождения самой философии жизни в лоне культа «старых богов» немецкой философии, которая уступает место новому богу немецкого романтизма – музыкальному мифологу Рихарду Вагнеру под влиянием его духа.

Метафорический концепт Ницше при переносе на русскую культурную почву придает дополнительные смысловые оттенки интеллектуальному образу Николая Станкевича и указывает, конечно, на романтическую линию его судьбы – судьбы поэта и философа, трагически оборванную ранней смертью. Однако прочитывается и иное сходство – сходство логики рождения концептуально оформленной теоретической мысли – русской философии (у Ницше – жанрово оформленной трагедии) из глубинной, первичной реальности – из духовно-культурного опыта такой яркой личности, как Станкевич (у Ницше – из духа музыки, которую следует понимать онтологически). Другими словами, русская философия и русская философия культуры, в частности, как интеллектуальная практика рождается из космоса личности романтически настроенного интеллектуала-аристократа, увлеченного Шеллингом и Гегелем, подобно тому как трагедия рождается из космоса музыки.

Эта философия настолько же художественна, насколько философична древнегреческая трагедия. Действительно, можно утверждать, что философский опыт Станкевича выстраивается в эстетико-художественном горизонте, прежде всего Шиллера. Характеризуя период 30 – 40-х годов XIX в. в истории русской мысли, В.В. Зеньков-ский справедливо замечает, что «Шеллинг и Гегель оба вдохновляют русскую мысль в рамках шиллеррианства (как и сами в начале вдохновлялись Шиллером)»¹. Станкевич был восприимчивым духом своей эпохи, ее носителем, выразителем и талантливым автором. Как пишет Зеньковский, «это была атмосфера философской культуры; в широких кругах русского общества интересовались и жили философскими вопросами. Об этом много пишет Герцен в своих мемуарах "Былое и думы", – подтверждает свой тезис исследователь, – об этом много рассказывает Тургенев (например, в "Рудине" или "Гамлете Щигровского уезда"). Очень интересно с этой точки зрения, – продолжает Зеньковский, – погрузиться в изучение семьи Бакуниных, с которыми были связаны столь многие выдающиеся люди этого периода»².

В приведенном отрывке Зеньковский не только называет свидетелей жизни Станкевича, но и подмечает существенную деталь: выдающиеся современники Станкевича всерьез заняты воспоминаниями о весьма близких им по времени событиях, с упорным постоянством возвращаясь ко «временам Станкевича», как будто бы от правильного понимания этого исторического момента в жизни русского образованного общества зависит все дальнейшее развитие их собственной биографии, а вместе с тем и судьбы реальных людей и героев, которых они делают предметом своего художественного изображения и мемуарного творчества. Воспоминания о Станкевиче – мотив, звучащий рефреном для многих русских интеллектуалов, в том числе родившихся и многим позже после николаевской эпохи.

Одно из таких воспоминаний, прозвучавших в период зрелости русской философской мысли, в начале XX в., чрезвычайно показательны и симптоматичны, хотя и не принадлежит автору воспоминаний, чью идентичность можно было бы охарактеризовать как однозначно либерально-западническую. Его автор, В.В. Розанов, в статье «Женский университет в Москве», опубликованной в «Новом времени» от 16 апреля 1906 г. и послужившей откликом на телеграфное сообщение, переданное из Москвы в Петербург 14 апреля, где говорилось о проекте женского университета в Москве, рассуждает о роли образования в жизни российского общества. Розанову важна одна мысль, которую он погружает в исторический контекст. Он хочет подчеркнуть просветительскую миссию образованных женщин. «Стране нужны не одни Ломоносовы: стране более, чем Ломоносов, нужно просто образованное общество, читающая и размышляющая масса, деятельные и знающие члены; наконец, стране в высшей степени нужны мягкие нравы, деликатные привычки, человеческие взгляды по всем направлениям и во всех областях»³. Подчеркивая в женской природе такие качества, как трудолюбие и устойчивость, признавая за женщинами популяризаторский талант, Розанов в деле русского образования указывает именно на значение просвещения. В доказательство своей мысли обращается к памятному для всех русских интеллектуалов образу Н.В. Станкевича: «Иной незаметный образованный человек, без печатных трудов и ученых заслуг, распространяет такой образовательный свет вокруг себя, какому хоть позавидовать и Ломоносову.

Вспомним Станкевича... – выдерживает мемориальную паузу Розанов. – Вот пример в мужчине чисто "женственного" влияния»⁴. Под «женственным влиянием» Розанов, конечно, подразумевает великий просветительский вклад Станкевича в дело русской образованности то влияние, под воздействием которого формировалась целая плеяда русских мыслителей и общественных деятелей России 40-х – 60-х гг. XIX в.

Европеизм Станкевича в культурно-философском контексте

Сравнение Станкевича с Ломоносовым не случайно. Научно-образовательная модель университета, созданная умом и волею «русского Леонарда», институализировала систему классического образования в России и дала мощный импульс социальному и культурному развитию державе-гиганту, которая догоняла и, одновременно, соперничала с европейскими странами – во многом остававшимися донорами знаний и технологий для России. Со времен Петра Великого новая европейская империя пыталась встать вровень со странами, реализующими в своем общественно-культурном и политико-экономическом устройстве ценности модерна – светский характер культуры, систему общественного договора, правовую конструкцию государства, защиту прав частной собственности, индивидуальную экономическую инициативу «третьего сословия».

Ломоносовский университет вписывался в культурную парадигму европейского Просвещения, которое дало философское обоснование политико-правовым, научным, социально-экономическим практикам модерна. Станкевич результаты Просвещения воспринял как в русской, так и европейской версии, пройдя через университетскую систему образования в России, слушая лекции в Берлине. Его уникальная роль в культуре определяется, говоря философским языком, *диалектикой общего и особенного*. С одной стороны, общей атмосферой среды, преимущественно дворянско-аристократической, продуцировавшей запрос на творческую личность, способную поддерживать салонное и приватное общение на достаточно высоком интеллектуальном уровне, демонстрировать широкий кругозор знаний по литературе, искусству, музыке, философии, ориентироваться и критически оценивать текущие художественные события. С другой стороны, феномен «кружка Станкевича» определяется силой дарования и особым, душевным складом личности самого Станкевича, талантом общения и дружбы, деликатного наставничества при абсолютной установке взаимоуважения – бескорыстной заинтересованности в *даре другого*. Этот дар Станкевич всегда рад был находить, выявлять и способствовать развитию, демонстрируя незаурядный педагогический такт, даже в том случае, когда необходимо было покровительствовать претенденту, как с сыном воронежского прасола – будущим поэтом Алексеем Кольцовым.

Европейский вектор в интеллектуальном развитии Станкевича и его друзей просматривается отчетливо. Но Европу Станкевич воспринимает, скорее, как культурный образец и источник актуального знания, в первую очередь, знания философского, в котором сконцентрированы усилия по «производству» новых смыслов лучших европейских умов. *Европеизм Станкевича – это культурный, интеллектуально-творческий запрос на смыслы, выраженные искусством, литературой, философией, исторической наукой*. Эти смыслы нужно постичь, интериоризировать и, осуществив творческий синтез, применить к русской жизни. Станкевич не одинок в своем поиске. Его друг Грановский, будущий профессор всеобщей истории, здесь же, в Берлине, изучающий последние достижения гуманитарной мысли, разработает позже методологию исторического исследования, в центре которой поставит вопрос о личности в истории, внутренней взаимообусловленности идей, творческих практик и больших социальных процессов. Переадресуем Станкевичу то, что было сказано Грановским в адрес Аристотеля, который, по словам Грановского, «был только представителем того умственного движения, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Следовательно, он может быть изучаем только в связи с тем целым, к которому принадлежит. Как отдельное явление он почти непонятен»⁵.

Так можем ли мы сегодня обойтись без анализа идейно-творческого наследия Станкевича в истории русской мысли, без понимания того, что он был не только представителем, но лидером европеистского направления в философии? Думается, нет, подобно тому, как современный философ, историк, политик не может обойтись без сочинений Стагирита, «когда дело идет о главных вопросах философии, политической жизни древних или искусства»⁶.

Проводя историческую параллель, мы можем утверждать, что Станкевич важен нам как представитель общественного движения, показавшего творческое возрастание интеллектуальных сил России на ее пути к самой себе, к пониманию своей цивилизационной идентичности, к русскому европеизму. Станкевич принадлежал к поколению людей, которые подготавливали будущее России распространением мысли и просвещения. И эта работа шла по линии литературной, философской, ученой и педагогической деятельности.

Согласно принципу исторического познания, предложенному Грановским, вероятно, самым благодарным учеником и другом Станкевича, обладавшим подобно Станкевичу благородной умностью души, «при изучении каждого великого человека мы должны обратить внимание на личность его, на почву, на которой он вырос, на время, в которое он действовал. Из этого тройного элемента слагается его жизнь и деятельность»⁷.

Личностно-психологические характеристики Станкевича сделали его не только душой общества, но и источником вдохновения даровитых молодых людей. Что же так могло привлекать в Станкевиче?

Видимо, природная мягкость, умная тактичность эстетизировала дружеское общение, стилистически придавая заметный романтический оттенок всему происходящему. Умея привлечь людей особым расположением, Станкевич, по словам И.С. Тургенева, внушал к себе «уважение, граничащее с благоговением»⁸. Тургеневу вторит В.Г. Белинский: Станкевич «никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом потому, что все добровольно и невольно признавали превосходство его натуры над собою»⁹.

Через профессора Московского университета Павлова Станкевич стал шеллингианцем, но воспринял идеи Шеллинга сквозь призму сочинений Шиллера. В общей атмосфере увлечения немецкой художественной и интеллектуальной культурой это шиллерианство в жизни помогло собрать вокруг себя людей, привлечь на сторону своих убеждений тех, кто находился в поиске идеала красоты. Как подчеркнет В.В. Зеньковский, «Станкевич, конечно, во всю свою недолгую жизнь был романтиком, хотя в нем с чрезвычайной силой стала развиваться позже строгая мысль»¹⁰. Был ли при этом Станкевич личностью волевой, целеустремленной, были ли ему близки патриотические чувства, каково было его отношение к религии? Об этом говорит, в первую очередь переписка – самая обширная и значительная по содержанию часть его наследия.

Отпуская сына за границу, родители не переставали беспокоиться не только о его физическом здоровье, но и о том, какое направление принимает его образ мыслей, боясь, видимо, что европейская жизнь может оторвать молодого человека от родной почвы, увлечь модными учениями, поколебать в основах веры. В ответ на родительские вопросы Станкевич счел необходимым сформулировать нравственно-философскую позицию, осветив главные вопросы русской современности – отношение к родине, проблему веры и неверия, сторонних умственных влияний. Своего рода жизненное кредо он выразил в письме от 27/15 января 1838 г., из Берлина. «На счет моего образа мыслей, прошу вас быть вполне покойным, – хоть бы я даже был и не в Берлине. Та религия и та любовь к отечеству, которые могут подвергнуться какой-нибудь опасности от обстоятельства, не стоят ни гроша, и, рано или поздно, должны испытать перелом. Моя религия, напротив, тверда, потому что я получил ее не от девки Параньки, потому что не боялся об ней думать и не боялся знать, что говорено было против нее: она во мне чиста, чужда суеверия и непоколебима. В наше время всякий человек с порядочным образованием и с душой признает ее за основу жизни. – Решительно заявляет Станкевич. – Любовь к отечеству также тверда во мне, – продолжает он, – потому что я люблю в нем хорошее, не считаю нужным восхищаться соложенным тестом, и терпеливо смотрю на недостатки, которые должны изгладиться временем и образованием. – Демагоги всего менее могут сбить меня с толку: я уважаю человеческую свободу, но знаю хорошо, в чем она состоит, и знаю, что первое условие для свободы есть законная власть. В Германии, – развивает свой тезис Станкевич, – при общем стремлении к свободе мысли законная власть уважается больше, нежели где-нибудь, это следствие ее основательного образования. – Вот вам искренняя исповедь в моих правилах, которых ничто не переменит. Есть чувства, которые нельзя сохранить укупоркою – как не засмаливай, воздух пройдет и они испортятся – но если они основаны на прочном убеждении, нечего бояться постороннего влияния. Чтобы быть твердым в своих правилах надобно убедиться в нелепости противных. К этому случай есть везде: шаткому человеку в России также точно опасно жить, как и за границей, – заключает Станкевич. – Я счел за нужное распространиться об этом, чтоб успокоить Вас, однажды навсегда на счет независимости моих мнений»¹¹.

Стараясь еще раз подчеркнуть основную мысль, он в письме от 14/2 февраля добавляет: «...я человек с родиной и с родными, а не пролетный дупель»¹².

Дар общения, прирожденная мягкость и интеллигентность не исключала постоянной умственной и душевно-нравственной работы, что он и демонстрирует в своей переписке. При романтическом облике и врожденном артистизме, даже с некоторыми чертами эстетического дендизма, Станкевич был здравомыслящим, патриотически настроенным человеком с ясно выраженными твердыми убеждениями.

Мужественность его особенно проявилась в течение болезни. До последнего дня в письмах родителям, особенно из Италии, он старается не подавать и намек на исключительную серьезность положения со здоровьем. Наоборот, не желая расстраивать родных, пишет о том, что ему становится лучше.

Пожалуй, одно из самых сильных свидетельств о личности Станкевича – это отношение к нему друзей – тот след, который он оставил в их сердцах и душах, во многом определив направление профессионального пути, задав интеллектуальный и этический образец жизни целого поколения. О нравственном облике кружка Станкевича вспоминает К.С. Аксаков: «Кружок этот был трезвый и

по образу жизни, не любил ни вина, ни пирушек»¹³. По поводу того, как проводила время молодежь, собравшаяся вокруг Станкевича, старший из братьев Аксаковых, лидер славянофилов, сообщает ниже: «На вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба»¹⁴.

Именно Станкевичу, по мнению Аксакова, удавалось гармонизировать полярность мнений и охранять общие суждения от крайних, радикальных направлений в их развитии: «Стройное существо его духа удерживало его друзей от того легкого рабского отрицания, к которому человек так охотно бежит от свободы, и когда Станкевич уехал за границу, – быстро развилась в друзьях его вся ложь односторонности»¹⁵.

Кружок Станкевича как историко-философское явление

Действительно, если мы посмотрим на выдающиеся имена участников кружка, которыми окружен Станкевич, мы увидим эту разницу потенциалов, которая могла быть сдерживаема только очень сильным центром – авторитетом Станкевича. Ментально наиболее близкий к Станкевичу – Тимофей Николаевич Грановский (1813 – 1855), выдающийся русский историк, европеист, профессор Московского Императорского университета, по смерти Станкевича так и не смог оправиться от этой потери, считая, что со Станкевичем отошла не только лучшая часть его жизни, но и его самого. Эту внутреннюю, душевно-братскую, почти религиозную по своей глубине и чистоте, связь Грановского со Станкевичем отметит И.С. Тургенев в своем знаменитом некрологе на кончину Грановского. По его словам, Станкевич имел величайшее влияние на Грановского, и часть его духа «перешла на него».

Пожалуй, именно Грановский наиболее полно выразил в развитии комплекс идей и ту логику европеизации русского общества, как цель, провозглашенную Станкевичем, которую следует понимать как процесс просвещения и воспитания нации, универсализации знаний и продвижения по пути личностной свободы, которая открывается только человеку, укорененному в культуре. К этому образовательно-просветительскому направлению развития идей кружка Станкевича принадлежит и творчество Василия Петровича Боткина (1810 – 1869) – писателя, критика, автора статей об итальянской и немецкой музыке, литературе, живописи, и Януария Михайловича Неверова (1810 – 1893) – писателя, педагога, начальника Кавказского учебного округа (1864 – 1879), ставшего также членом совета министра народного просвещения.

Социально-философская проекция интеллектуального наследия Станкевича прослеживается в творчестве Виссариона Григорьевича Белинского (1811 – 1848), русского мыслителя, писателя, литературного критика, публициста. Показательно, что крайности историософских взглядов, которые находили гармоническое разрешение в присутствии Станкевича, разошлись. Примером чего служат интеллектуально-жизненные стратегии трех выдающихся интеллектуалов, обозначивших линии раскола в политическом и культурном самосознании русского общества. Это имена Михаила Александровича Бакунина (1814 – 1876), ставшего революционером идеологом социализма и анархизма, Константина Сергеевича Аксакова (1817 – 1860), историка и публициста, одного из основателей славянофильства, Михаила Никифоровича Каткова (1818 – 1887), публициста, общественного деятеля, редактора журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», который в 1855 – 1861 гг. придерживался либеральных взглядов, а затем на страницах своих изданий, выступил как ярый сторонник государственного традиционализма консервативно-реакционного толка.

Вторым условием для полноценного исторического анализа, по методологии Грановского, является почва. Интеллектуальной почвой для поколения Станкевича были гегельянские кружки. Они развивались, по определению исследователя русской философии В.В. Зеньковского, в рамках внецерковного эстетического гуманизма. Это направление в 30 – 40-е гг. XIX в. «приобретает новую творческую силу, обнаруживает бесспорную живучесть, как основной принцип русского секуляризма»¹⁶. Как отмечает Зеньковский, «у многих представителей этого течения мы встречаем подлинную и глубокую личную религиозность, которая кое у кого сохраняется на всю жизнь, – но это не мешает им вдохновляться началами автономизма, развивать свои построения в духе секуляризма. В этом смысле не случайно, что почти все защитники секуляризма оказываются в то же время “западниками”, – т.е. открыто и прямо примыкают к западной секулярной культуре и стремятся связать пути русской мысли с проблемами Запада»¹⁷.

Зеньковский указывает также на другую характерную черту этого направления, связывая ее с социально-политическим радикализмом, «в котором по-новому воскресает и своеобразно углубляется “теургическое беспокойство” – чувство ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ход истории»¹⁸. По мнению о. Василия Зеньковского, православного богослова и историка русской мысли, отмеченные черты «образуют идеологию русской внецерковно мыслящей интеллигенции, замыкающейся, по верному выражению одного писателя, в своеобразный “орден” – с прочной традицией в путях мышления, с своеобразной психологией

секты – фанатической и нетерпимой»¹⁹. С таким выводом Зеньковского можно согласиться лишь отчасти. Если Белинский или Бакунин действительно по своим личностным характеристикам могут соответствовать социально-психологическим чертам сектантского поведения, то яркий представитель этого течения Станкевич, чьи воззрения Зеньковский пытается реконструировать под определение «философского ордена» с психологией «нетерпимых фанатиков», никак не подходят.

Тезис о том, что русский секуляризм рос на почве европейского гуманизма и просвещения, кажется бесспорным. Но здесь требуется объективная оценка социокультурных результатов русской секуляризации по европейскому образцу – этой линии просвещенного русского европеизма, ярким представителем которого был Станкевич. Очевидно, что в социальной истории России европеизм в своих научных, образовательных, художественных и интеллектуально-философских формах оказался исключительно значимым и плодотворным, став культурной почвой и предпосылкой модернизации российской политической системы. Это право философской критики своей собственной исторической и культурной традиции русское общество приобретало долго и трудно. Процесс трансформации политической системы и социального порядка был чрезвычайно драматичным. Период умственного взросления Станкевича пришелся на николаевскую эпоху, самое яркое свидетельство о которой, вероятно, принадлежит Александру Ивановичу Герцену (1812 – 1870), мыслителю, публицисту, издателю «Колокола». В главе XXV «Былого и дум», лучшей мемуарной философской прозы XIX в., Герцен вспоминает эпоху кружков как время идейного самоопределения русской молодежи, указывая на причины появления этого сущностного для русской жизни социально-культурного феномена. По словам Герцена, это был ответ на неправду сложившегося общественного порядка в России, на то разложение, которое затронуло аристократический класс и правящие верхи: «Самое появление кружков, о которых идет речь, было естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

О застое после перелома в 1825 г. мы говорили много раз. Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергичное вычеркнуто из жизни. Остальные – испуганные, слабые, потерянные – были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место; они мало-помалу превратились в подобострастных дельцов, утратили дикую поэзию кутежей и барства и всякую тень самобытного достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время их прошло.

Под этим большим светом безучастно молчал большой мир народа; для него ничего не переменилось, – ему было скверно, но не сквернее прежнего, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время не пришло. Между этой крышей и этой основой дети первые приподняли голову, может оттого, что они не подозревали, как это опасно; но, как бы то ни было, этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя»²⁰.

Отмечая определенное сходство в умонастроениях своего круга и круга Н.В. Станкевича, Герцен, тем не менее, проводит границу между философской созерцательностью юных последователей Шеллинга, Фихте и Гегеля и более радикально настроенной молодежью, которая образцом для подражания выбрала дело, начатое декабристами: «В тридцатых годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных тенденциях наших»²¹.

После того как правительство «разобра лось» со студентами-мутьянами, превратив их в политических заключенных и ссыльных, пути русской молодежи стали расходиться. Размежевание отныне пошло по линии исторического самоопределения России, цивилизационного выбора путей ее развития в духе прославянского самобытничества Руси/России, с одной стороны, и универсализма западноевропейской культуры как основы русской цивилизации – с другой.

Герцен пишет: «В 1834 году был сослан весь кружок Сунгурова – и исчез. В 1835 году сослали нас; через пять лет мы возвратились, закаленные испытанным. Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних. Это было самое блестящее время Станкевичева круга. Его самого я уже не застал, – он был в Германии; но именно тогда статьи Белинского начинали обращать на себя внимание всех.

Возвратившись, мы помирились. Бой был неровен с обеих сторон; почва, оружие и язык – все было розное. После бесплодных прений мы увидели, что пришел наш черед серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и немецкую философию. Когда мы довольно усвоили ее себе, оказалось, что между нами и кругом Станкевича опоры нет.

Круг Станкевича должен был неминуемо распуститься. Он свое сделал – и сделал самым блестящим образом; влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромно, – стоит назвать Белинского и Грановского; в нем сложился Кольцов, к нему принадлежали Боткин, Катков и проч. Но замкнутым кругом он оставаться не мог, не перейдя в немецкий доктринаризм, – живые люди из русских к нему не способны.

Возле Станкевичева круга, сверх нас, был еще другой круг, сложившийся во время нашей ссылки, и был с ними в такой же чересполосице, как и мы; его-то впоследствии назвали славянофилами. Славяне, приближаясь с противоположной стороны к тем же жизненным вопросам, которые занимали нас, были гораздо больше их ринуты в живое дело и в настоящую борьбу. Между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин – к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский, был нашим с самого приезда из Германии.

Если б Станкевич остался жив, кружок его все же бы не устоял. Он сам перешел бы к Хомякову или к нам»²².

Это идейное расхождение некогда близких по воззрениям людей стало осевой развилкой в истории общественной мысли России. Западники возглавили линию русского европеизма, а русскость в ее допетровском изводе стала идентификационным маркером славянофилов-почвенников, которые присвоили себе и патриотическую риторику. Идейные наследники Станкевича не удержались на высоте его культурно-просветительского универсализма.

Российское общество входило в эпоху острых социально-политических противоречий, которые обостряли цивилизационные споры и заставляли интеллектуалов вновь и вновь возвращаться к парадигмальной для русской мысли дилемме – Россия и Европа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Т. 1. – Ленинград: ЭГО, 1991. С. 40.

2 Там же.

3 *Розанов В.В.* Русская государственность и общество. Статьи 1906 – 1907 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2003. С. 57.

4 Там же. С. 58.

5 *Грановский Т.Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 462.

6 Там же.

7 Там же. С. 70.

8 *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. Т. 6. – М., 1963. С. 393.

9 *Белинский В.Г.* Собр. соч. В 9 т. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1982. С. 219.

10 *Зеньковский В.В.* История русской философии. С. 41.

11 Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830 – 1840 / редакция и издание Алек. Станкевича. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1914. С. 41.

12 Там же. С. 42.

13 *Аксаков К.* Воспоминание студенства. 1832 – 1835. – СПб., 1911. С. 18.

14 Там же. С. 28.

15 Там же. С. 19.

16 *Зеньковский В.В.* История русской философии. С. 41.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 *Герцен А.И.* Былое и думы. – М.: Захаров, 2003. С. 369 – 370.

21 Там же. С. 371.

22 Там же. С. 371 – 372.

Аннотация

«Кружок Станкевича» – крупное явление русской культуры первой половины XIX в. Кружок связан с развитием важного направления общественной мысли, в котором представлена попытка синтеза ценностей европейского модерна и русской культуры. Настоящая работа посвящена выявлению интеллектуальных предпосылок русского европеизма, у истоков которого находится кружок Станкевича.

Ключевые слова: интеллектуальная история, либерализм, философская культура, русский европеизм, общественная мысль, просвещение.

Summary

«Stankevich's circle» is a large phenomenon of Russian culture of the first half of the 19th century. The circle is associated with the development of an important current of social thought, which presents an attempt to synthesize the values of European modernity and Russian culture. This paper identifies the intellectual backgrounds to Russian Europeanism, at the beginning of which there was a circle of Stankevich.

Keywords: intellectual history, liberalism, philosophical culture, Russian

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.

ПОМЕРАНЦ ГРИГОРИЙ СОЛОМОНОВИЧ

Философ, культуролог и публицист. Автор многочисленных философских работ, распространявшихся Самиздатом и оказавших в 1960—1970-е гг. огромное влияние на мировоззрение либеральной интеллигенции.

О термине «интеллигенция». История слова.

Несколько лет тому назад два достойных человека, академик Александр Панченко и поэт Николай Панченко резко разошлись в понимании интеллигенции... Александр Панченко утверждал, что интеллигенция и раньше немного стоила, а сейчас попросту сошла на нет. Николай Панченко с возмущением отвечал, что интеллигенция была, есть и будет самым лучшим в нашей культуре. Я думаю, они не понимали друг друга из-за неясности термина и, пожалуй, надо добавить, из-за различия мировоззрений... До конца 18 века латинское слово Intelligence означало «разумность». Наиболее интересное неожиданное толкование, которое я встретил в беседе Дэвида Бом с Кришнамурти. Дэвид Бом сводил Intelligence к латинскому Interleger - «между строк». Это сомнительно, с точки зрения чистой филологии, но интересно, что Кришнамурти это подхватил: ведь для него высший смысл всегда глубже уровня слов и всплывает в интервалах между словами. И это понимание во всяком случае интересно, вне зависимости от того, как обстоит дело лингвистически... В конце 18 века во Франции слово «Intelligence» получило новый смысл. Оно стало обозначать слой просвещенных, в отличие от непросвещенных. В этом качестве его усвоили и немцы. На одной из выставок я видел немецкую «Intellegentzeitung», 200-летнюю дату... 1800 года. Что это могло тогда значить? Я думаю, «Газета просвещенных». Газета читателей. Энциклопедия Дидро и де Ламбера, сочинения Вольтера и Руссо. Примерно в то же время из средневекового реквизита было взято слово «нация». Оно означала в средние века землячество студентов в Сорбонне, и никогда не прилагалось к нации в современном смысле государства. Идея нации, идея интеллигенции... Для чего же она понадобилась? Понадобилась потому, что суверенитет короля пошатнулся, понадобилось дать представление о народе-суверене, и этот народ-суверен получил название «нация», и с тех пор нация имеет современное значение. Идея нации и идея интеллигенции вступили в неоднозначное отношение. Французская революция считала себя революцией просвещенных, революцией всечеловеческих идей, и свою нацию рассматривало как ведущую нацию человечества. Напротив, немецкая нация складывалась под знаком романтизма, под знаком народной, прежде всего немецкой, самобытности, под знаком сопротивления Франции. Поэтому Гейне пошутил, что французский патриотизм расширяет нацию, а немецкий ее сужает. Немецкий патриотизм действительно имел оттенок ксенофобии, и нечто подобное бывает и с другими почвенными вариантами патриотизма.

О национализме и патриотизме

... патриотизм можно рассматривать как явление, вырастающее из чувства любви к родине, а национализм - это сумма идей, программа, идеология...

Шутка Гейне заставила меня с сомнением отнестись к попыткам строго отделить патриотизм от национализма. Такие попытки сейчас на каждом шагу бывают, но фактически она не выдерживает критики. Конечно, можно сказать, что патриотизм - любовь к родине, а национализм - ненависть к чужому. Но для ненависти к чужому есть точное слово - ксенофобия. И потом как оторвать национализм от национально-освободительного движения. Мне кажется, различие здесь другое. Скорее, патриотизм можно рассматривать как явление, вырастающее из чувства любви к родине, а национализм - это сумма идей, программа, идеология. Идеология от ума, а ум легче приходит за ум, чем сердце. Но бывает жестокое сердце и с патриотизмом не всегда все хорошо. В годы моей юности принято было считать, что национализм угнетенных наций имеет защитный характер и не так плох, как великодержавный шовинизм. Но исторический опыт заставляет сомневаться в этом. Хотя имперское высокомерие - не сахар, но он редко доходит до такой злобы, как обида униженных и оскорбленных. Психологически это показал еще Достоевский в своих романах, а сейчас мы это видим на примере ряда национальных движений. И, к сожалению, об этом надо помнить сейчас, когда сама Россия чувствует себя униженной и оскорбленной. Из чувства обиды может вырасти все, что угодно. В частности, Гитлер из нее вырос. Приведу пример бунта униженных из истории моего современника Короленко. Товарищ подsunул ему брошюру, в которой восхваляются подвиги Гунты. Примкнув к восстанию Железняка - а это было в середине 18-го века - Гунта свеченным ножом зарезал свою жену-польку и детей, рожденных от брака с полькой-католичкой. Это тот исторический факт, который отразился в Тарасе Бульбе: я тебя породил, я тебя и убью». Ну, у Короленко, сын украинца и польки, с ужасом прочитал эту брошюру и с тех пор захотел отшатнуться от всех кровавых споров. И как он писал: «Моим отечеством стала русская литература». Именно литература. А не Российская империя, которая, к стати, проводила глупую политику запрета украинского языка. То есть, его отечеством стали русские писатели и читатели, в известной степени, русская интеллигенция, находившаяся в оппозиции к

официальному истэблишменту. Чувство имперской вины настолько бросалось в глаза русской интеллигенции, что Федотов в своей «Трагедии интеллигенции» даже употребил слово "миопатия" - отвращение к отечеству. Насколько я могу судить, отвращение к империи исчезало, когда шла война с другой империей, например, в 14-м году. Тогда русская интеллигенция, как правило, была очень патриотична. Но когда возникало национально-освободительное движение, то симпатии интеллигенции раскалывались. В 63-м году, как вы знаете, Герцен выступил на стороне поляков. И сейчас мы видим, что диссиденты, которые привыкли сидеть в лагерях и тюрьмах вместе с бунтарями против имперского гнета, чувствуют их своими, как правило, занимают по отношению к различным националистическим движениям другую позицию, чем большинство русского общественного мнения. Это не чисто российский феномен. Какая-то часть парижских интеллектуалов, исходя из принципов французской культуры - «свобода, равенство, братство» и прочее - стояло на стороне алжирских бунтарей, а местные французы вели с ними вооруженную борьбу. Различие между настроением москвичей и ставропольцев, в особенности, если иметь в виду представителей московской интеллигенции, в первую Чеченскую войну строилось по той же схеме.

И снова об истории термина. Разночинцы и дворяне. Западники и почвенники.

«...интеллигенция - это тот слой нашего образованного общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-церковной власти, ко всему же остальному равнодушный». И это в какой-то степени соответствует тому, что часть интеллигенции о себе самой думала, и это отразилось в понятии «интеллигент» как критически мыслящей личности...

Вернемся теперь к истории термина. После победы романтизма интеллигенция связана с идеологией Просвещения, с устремлением отделить просвещенных, передовых, вышел из моды. В нем был оттенок обособления элиты, а романтизм, наоборот, стремился растворить элиту в народе. Поэтому слово, так сказать, ушло вглубь словаря. Оно есть у Даля, но оно употреблялось только как красивое слово. «Соберите сегодня всю интеллигенцию». Это не означало общественного слоя. «Соберите сегодня всех блестящих, умных, и интересных людей». Социологического значения здесь не было. Но нужда в новом термине появилась после реформ Александра II. До этих реформ доступ в университеты был не очень широко открыт, и образованный человек из нижних слоев, если и попадал туда, то автоматически потом попадал в дворянство. Окончивший университет получал личное дворянство, а дослужившийся до известного чина - потомственное дворянство. Когда же в университет была широко открыта дорога разночинцам, то эта масса разночинцев не растворилась в дворянстве, а сама какую-то часть дворянства растворила в себе. И вот возник новый слой, который надо было как-то назвать. И вот Бабарыкин считал - и хвастался этим - что он первый применил к этому слою название «интеллигенция». Тогда же возникло слово «интеллигент», которого на Западе не было. На Западе есть слово «интеллектуал», есть слово «intellegenzia», но «интеллигент» - такого слова нет. Интеллектуал - это означает нечто иное. И как знак качества возникло слово «интеллигентность». Это уже слово, заключающее в себе некую оценку. К интеллигенции никто не относил священников - их образованность имела византийские корни. Между тем, интеллигент был носителем западной образованности. Победоносцев, который переводил «Подражание Христу Фомы Кемпийского» был вообще очень образованным человеком, ни в коем случае себя интеллигентом не считал, а само слово считал ненужным и манерным неологизмом. И он был не доволен тем, что Плеве, министр внутренних дел, это слово употреблял. Плеве вынужден был защищаться и объяснять, что с полицейской точки зрения это необходимо, как некий объект, с которым приходится иметь дело. Потому что интеллигенция - это тот слой нашего образованного общества - я это прочитал в его характеристике в воспоминаниях сына Суворина - это тот слой нашего общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-православной власти, ко всему же остальному равнодушный. И это в какой-то степени соответствует тому, что часть интеллигенции о себе самой думала, и это отразилось в понятии «интеллигент» как критически мыслящей личности. Интеллигенты веховского направления критиковали суперкритицизм, но популярностью они до революции не пользовались. Это они сейчас очень популярны, а когда «Вехи» вышли, то, по-моему, 98 % людей, участвовавших в обсуждении, высказывались против этого. В 14 году... до 14-го года европейцы полагали, что интеллигенция - чисто русское явление, и «Intelligenza» в словаре Вебстера объяснялось как русские интеллектуалы, обычно в оппозиции к правительству. Но потом процессы вестернизации захватил огромное количество стран, бывших колоний, полукolonий, и всюду возникли, может быть, менее успешные образцы традициями, не обладавшие всеми оттенками, но всюду возникли слои, напоминающие русскую интеллигенцию. Всюду возник раскол на западников и почвенников - в мировой социологической мысли это вестернизаторы и традиционалисты. Так что это совершенно естественная черта в процессе вестернизации: возникает кризис, культура входит в другую культуру. Это как переливание крови не совсем той группы - возникают болезненные явления, не все, что привито, может пустить корни. Одни считают, что все плохо, потому что недостаточно решительно проводится вестернизация, а другие считают плохо, что слишком решительно. Это органическое явление не чисто русское. Чего обычно нет, так это усвоение интеллигенцией некоторых дворянских черт. Этого, конечно, нет в Африке. А в России, где по традиции образованный человек становился дворянином, и некоторые черты дворянского самосознания в интеллигенцию вошло, в частности, отвращение к занятию торговлей. Это, собственно, не органично обязательно для интеллектуала, но чисто русская черта. Но основные черты повторялись.

Специфика интеллигенции.

...В какой-то степени, интеллигент - это Гамлет. Гамлет - это первый тип протоинтеллигенции. Конечно, но был принц, и вообще не относился не к какому особому социальному слою, но слова Гамлета: «Мир пошатнулся, и скверней всего, что я рожден восстановить его»... Вот это вот чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и ты призван как-то это дело исправить - это вот то, что составляет отличие интеллигента от интеллектуала...

Можно отнести к интеллигенции - это уже моя точка зрения - и определенный тип мыслителя, которого Мартин Бубер назвал проблематичным. Чтобы было ясно, о чем здесь идет речь, я сразу назову имена. Бубер делит мыслителей на два типа. Один - это Августин, Паскаль, Кьеркегор. Другой тип - это Аристотель, Аквинат, Гегель. Один тип - носитель кризиса внутри, для которого его собственное бытие вызывает сомнения, становится проблемой. А другой тип - носитель культуры в ее спокойном состоянии, который не сомневается в своей позиции человека, который призван объяснить то, что существует и что само по себе как бы достаточно прочно. В какой-то степени, интеллигент - это Гамлет. Гамлет - это первый тип протоинтеллигенции. Конечно, но был принц, и вообще... не относился не к какому особому социальному слою, но слова Гамлета: «Мир пошатнулся, и скверней всего, что я рожден восстановить его», в других переводах это звучит иначе - даже там «мир вывернулся из своей коленной чашки» и так далее. Вот это вот чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и ты призван как-то это дело исправить - это вот то, что составляет отличие интеллигента от интеллектуала. Интеллектуал знает, что его дело - заниматься своей профессией. Если хотите, для писателя это выразил Флобер: «мы, писатели, делаем свое дело - пусть проведение сделает свое». Вот позиция интеллектуала, носителя культуры, уверенного в том, что его деятельность имеет смысл, а история будет как-то сама происходить. Тогда как для интеллигента характерно чувство тревоги, чувство кризиса, которое в 20-м веке становится все более распространенным, в том числе и на Западе. И когда русские мыслители были на пароходе вывезены на Запад, то они неожиданно узнали, что они - экзистенциалисты, хотя они об этом не думали и термина этого не знали. Завязались личные отношения между, скажем, Бердяевым и Бубером и другими. Они, конечно, примыкали к тому ряду, который начинается с Августина, продолжается Паскалем, Кьеркегором, то есть к линии мыслителей, которые остро чувствуют свое бытие, охваченное кризисом и требующим какого-то личного решения. В художественной литературе это узнавание произошло еще раньше. В художественной литературе Тютчев перенес тютчевское чувство бездны. «Человек, сей мыслящий тростник...» - это цитата из Паскаля. Тургенев написал статью «Гамлет и Дон Кихот», имея в виду не собственно Гамлета и Дон Кихота, а расхожие русские типы. Вообще можно и в древности находить, до времени Аристотеля, даже до времени Сократа эти два различных типа, в том числе и в неевропейских культурах. Однако, в то самое время, когда философский пароход вывез большую часть русских мыслителей на Запад, тех, которые остались, по большей части были вывезены на восток и там погибали, главным философом у нас стал Владимир Ильич и главным подходом у нас стал классовый подход и все, что можно сказать об интеллигентском самосознании, потеряло значение. Западное просвещение, которое интеллигенция несла народу, стало пониматься как буржуазное, как чуждое, враждебное пролетариату. Права личности разоблачались как обман. Страна поверила, что есть надежный выход из всех и всяческих кризисов - диктатура пролетариата. Это есть у Фейербаха: мир - это то место, которое можно переделать - это был приговор интеллигентности - интеллигенты были не нужны, требовались специалисты. Бухарин писал, что мы будем их штамповать, как детали машины. На авансцену вышли порождения критически мыслящей личности - революционеры. Поверив в пролетариат, они привели к власти Смердяковых и Шариковых, которые очень скоро загнали старые партийные кадры под нары. Но свое дело Ленин и Бухарин сделали. Понятие «интеллигенция» было выпотрошено, лишено отсылки к интеллигентности, стало обозначением аморфной массы профессоров и счетоводов, стукачей и их жертв. Настоящая интеллигенция оказалась во внутренней эмиграции. Я чувствовал себя дома в романе Достоевского и на чужбине в советской действительности. Многие находили себя в рассказах Чехова, в лирике Серебряного века. Нашей родиной, снова, как для Короленко, стала русская литература. И мы, вернувшиеся из лагерей и уцелевшие на воле, чувствовали свою реальность, противоречащую языку, в котором укрепилось ленинское понимание, что человек, работающий головой, а не руками - это и есть интеллигент. Вопреки марксистской схеме мы чувствовали, что мы были что-то особое, не совпадающее с каждым человеком, занимающимся умственным трудом. И что между нами и инженерами человеческих душ существует антагонизм. Дело Пастернака, а потом [во времена] Хрущева - писателей и художников, выводили из себя, вызвали желание дать сдачи, и с этого началась моя попытка описать наше общество в терминах отрицательных героев Гоголя и Достоевского. Началось желание изобразить Хрущева в виде поручика Пирогова, которого высекли, а он съел слоеный пирожок и утешился. Как раз на Кубе у него произошел инцидент, и этот эпизод подтолкнул связать его с Пироговым. Потом я согласился, что можно и с Ноздревым его сравнить. Один образ потянул другой и получилась целая картина общества, изображенная через характеры Гоголя и Достоевского. Потом - это было году в 62 - в 63-м, лет через 5 - один из читателей показал, что Бердяев меня опередил - что было его эссе «О духе русской революции», где буквально этот подход есть. Еще лет пять прошло, когда я достал это эссе и прочитал. Оказалось, действительно сходство методов полное, а различия объяснимы изменившимся временем. У Бердяева большую роль играл Хлестаков, но и время было такое - говорили об отмене денег, о мировой революции, при социализме обещали сделать из золота общественные уборные - это Ленин обещал, а Троцкий обещал, что при социализме всякий средний человек достигнет уровня, по крайней мере, уровня Гете и Аристотеля - словом, это была сплошная хлестаковщина. А с 62-го - 63-го года нам ничего этого уже не обещали. И - зато появился новый тип - я его назвал Бернар - ухватившись за слово, пущенное Митей Карамазовым, но мне пришлось дать самому

характеристику этого типа, потому что русская литература его еще не описала. Это был тип, созданный советским техническим образованием. В последствие мне говорили, что можно было поговорить и о Скалозубах, но тут я должен выступить на защиту Бердяева и себя, что, во-первых, в 18-м году Скалозубы еще были у белых, а не у красных, а в 62-м они не возникали. Был отдел контрразведки, и они еще не были такими важными, как сейчас. Метод Бердяева обладал преимуществом живости, красочности, но уже в 62-м году пришлось кое-что придумывать. В любой другой стране надо было бы опираться на тамошнюю литературу, скажем, на французскую или английскую или - это вообще нельзя было построить, потому что во многих странах, где уже была интеллигенция, nascendo возникшая, не было классической литературы, описавшей заранее все типы, возникающие в ходе перестройки. Так что пришлось вернуться к каким-то отвлеченным понятиям, и здесь я опять заново изобрел то, что уже было изобретено, а именно некоторые термины Карла Мангейма, о котором я опять позже узнал. Впрочем, сходство с Бердяевым было глубоким и существенным, а с Мангеймом - более поверхностным. Мы констатируем сходные факты, но на разных уровнях. Чтобы стало ясно, в чем суть дела - для Мангейма Сократ - один из софистов. Мангейм не верит, что можно найти опору в глубине более прочную, чем традиция социальной связи. А я верю. И более того - я знаю это по опыту. Поэтому не полно сходство понятия «свободно парящая интеллигенция» Вебера и Мангейма с моим образом «человека воздуха». Мой образ «человека воздуха» все-таки связан с понятием некой духовной интуиции, близкой к религиозной, которая может быть основой целостного мирозерцания без устойчивой социальной позиции. А у Мангейма этого нет. Мангейм критикует марксистскую схему борьбы классов, между которыми болтается прослойка - как вы знаете, интеллигенция считалась прослойкой. Он подчеркивает, что классовые различия не всегда решают - верно, иногда они уступают первое место национальным, религиозным... - это тоже верно, но интеллигенция для Мангейма всегда остается «перекачиполем». Она вынуждена носиться туда и сюда и к чему-то примыкать. На бытовом западном уровне интеллектуалы примыкали к среднему классу. Как формально примыкали к дворянству русские образованные люди до известного времени. Но русская интеллигенция была свободнее отбыта, чем западная, легче пренебрегала бытом. В ней отчетливо намечалось движение вглубь, опирающееся на сократовского демона. Как вы помните, Сократ говорил, что он прислушивался к своему демону. Демон не в смысле чего-то злого, а к чему-то в глубине самого себя. Мне кажется, что к этому тяготеет и бердяевская философия свободного духа, и шестовская деконструкция всех философских систем задолго до нынешнего деконструктивизма. И когда Антоний Сурожский призывает укорениться в опыте прямых встреч с Богом и мыслить свободно, он продолжает ту же русскую линию.

О разных типах русской интеллигенции

...В эссе, которое я написал в 60-е гг. я ввел различия интеллигентной интеллигенции и неинтеллигентной интеллигенции. Можно воспользоваться идеей Солженицына и говорить о подлинной интеллигенции и образованщине или о русской и советской интеллигенции...

Мангейм определяет интеллигенцию как среду, в которой возникают, сталкиваются и разбиваются друг об друга самые различные мнения. Если это исчерпывает суть дела, то «Вехи» можно понять как призыв к интеллигенции перестать быть интеллигенцией, вернуться к твердой традиционной вере - как сейчас говорят - воцерковиться. На уровне слов такое понимание оправдано и можно подтвердить его десятками цитат. Такое понимание сейчас модно. Но тогда веховцы вели себя не по-веховски. За исключением Семена Людвиговича Франка, который умел найти себе нишу в рамках догмы, они все еретики, все ищут опоры в духе христианства, не связывая себя решениями Соборов. Даже Антоний Сурожский, оставаясь митрополитом, на старости лет решился сказать, что трагедия христианства в том, что решения Соборов слишком много твердо определили, что лучше бы оставить это для свободного личного поиска. И веховская критика интеллигенции остается в рамках истории интеллигенции, в рамках внутреннего развития интеллигентности, ее поворота вглубь, ее признание духовных, но не формальных авторитетов. К этой традиции примыкает и мое понимание интеллигенции как творческого меньшинства, в котором происходит возрождение и обновление ценностей, подорванных стремительными переменами. Таково, по крайней мере, ядро интеллигенции. Но как назвать растущую массу профессионалов умственного труда? В эссе, которое я написал в 60-е гг., («Человек ниоткуда») я ввел различия интеллигентной интеллигенции и неинтеллигентной интеллигенции. Можно воспользоваться идеей Солженицына и говорить о подлинной интеллигенции и образованщине или о русской и советской интеллигенции. Такое деление, хотя и научно не строгое, тоже существует. В Швейцарии я встретился с одной очень милой, к сожалению уже умершей женщиной, еще из первой эмиграции, которая на глазок делила приезжих из России на русских и советских - не по этническому принципу. Я попадал в русские. Она на глазок определяла наличие чего-то такого, связанного с русской интеллигенцией в старом смысле и массовым производством из образованцев нового времени. Но между этими двумя словами довольно отчетливая граница между старой русской интеллигенцией и новым массовым производством. Другое чувство чести. Однако, есть еще вечное различие между людьми типа Кьеркегора и людьми типа Аристотеля, которое можно определить словами «интеллектуал» - «интеллектуал». Эта граница часто нарушается. ... был образцовым ученым, и вдруг весь повернулся к таким «проклятым» вопросам. Ученые Сахаров, Орлов, Ковалев вдруг откалываются от советских норм поведения, бросают наук, становятся диссидентами. Бывали и противоположные переходы. Диссиденты, оказавшись в эмиграции, возвращались к своим профессиональным интересам, к какой-нибудь кибернетике, как Турчин, и остывают к проблемам, перевернув их жизнь на родине. Иногда уровень проблематичности сталкивается еще с чем-то другим. В молодости Достоевского глубины дремали, сердце было захвачено страданиями униженных и оскорбленных, и вдруг на каторге раскрылись такие бездны, которые не закрываются на социальном и на политическом уровне. Страх перед бездной толкает прочь от

призывов к социальному перевороту. Потом ту же переоценку проделали веховцы - спокойнее, без крайностей, с меньшими издержками полемики. Они все прошли через социал-демократию, в ссылках побывали, а потом их захватили другие проблемы. Но они обошлись без крайностей, которых не избежал Достоевский. Без крайностей обошелся, приведу индийский пример, Ауробиндо. Он был сперва яростным борцом за национальное освобождение Индии, а потому повернулся к йоге и стал заниматься духовным и проблемами. Хотя он не отказывался от своей мечты о независимой Индии, но это отступил для него на второй план сравнительно с проблемой освобождения духа. Такие повороты редки. Даже глубокие сомнения в смысле действия достаточно редки. Гораздо типичнее Чернышевский, чем Герцен. И Гамлет не был типичным принцем 17-го века. И князь типичным князем 19-го века. Широкий круг интеллигенций сочувствовал Льву Толстому, видя в нем свою воплощенную совесть. А Достоевский захватил только зачинателей русской философии - это было довольно после. Мода на Достоевского и «Вехи» пришла при мне, и сразу все огрубело. Мода подхватывает внешнее, прямолинейное, сказавшееся на уровнях слов, не сомнения, спрятанные в недомолвках и черновиках, а открытые категорические высказывания. Мода создает культ пророка, действительного или мнимого. Когда я увидел, что солженицынский ум порабощен страстями, что страсти закрывают ему путь в глубину, им же открытый и объявленный, на меня многие рассердились. Захватывало именно то, что меня отталкивало, «пена на губах ангела», как я впоследствии это назвал.

О судьбе советской и постсоветской интеллигенции

...когда надзор попросту уходит свыше, не остается даже той пайки, которую давал гражданин начальник, все захватывают блатные, и многие ээки начинают думать: «как хорошо было при гражданине начальнике», свобода тускнеет, разгорается солнце справедливости, солидарности, права каждого, самого неловкого, неспособного на кусок хлеба...

...интеллигентность не разрешает союза с дьяволом, она требует верности свободе, даже перекошенной и проваливающейся на каждом шагу. Требует поиска равновесия свободы и справедливости. Свобода слова - воздух интеллигентности, она не отделима от верности истине. Верность своему призванию ученого, учителя, врача, режиссера... А если нет политической свободы, свободы оппозиции, свобода слова под угрозой, ядро интеллигенции не может быть партийным...

Становление интеллигенции невозможно без поисков лично ему нужных, лично для него приготовленных, для каждого ... приготовленных для него историей, но требующих того, чтобы искать колодезь в глубину. Счастье, когда встречается сегодняшний колодезь, только что выкопанный, и даже продолжающий углубляться на глазах, но, так или иначе ему приходится искать, и дело каждого - найти свой собственный колодезь. Найти в реальной истории, в жизни, или в литературе. Сегодня волны перемен возмутили у многих внутренне зеркало и те, кто не умеет стихнуть, потеряли этот свой образ, который они постепенно накапливали. Взрыв желанной интеллигентности отбросил ее в сторону. На авансцену вышли новые деятели с киллерами вместо ЧК, с открытым цинизмом вместо идеологии, требовавшие жертв и создававшие аскетов террора. Многие опять соблазнились. Философия соблазнила дух, и опять вышла из моды. Попутчики творческого меньшинства слиняли. Они казались самим себе интеллигентными, когда достаточно было шептать «король гол». Восстанавливать истинные ценности, сломленные в революционной горячке, очищать поруганное они не умели. Это не кризис зерна интеллигенции, просто ветер отсеял ... и стало ясно, что зерна немного. Его и раньше было немного. Что касается зерна интеллигенции, то оно никогда не ограничивалось только критикой. Повторяю, задача интеллигенции - это восстановление ценностей, расшатанных и разрушенных в процессе стремительных перемен. Интеллигенция не может исчезнуть. Интеллигенции нет только в примитивных и архаических обществах, потому что там нет кризиса, потому что там господствуют твердые предписанные ценности. А когда все ломается, когда общественное здание постоянно в трещинах, постоянно в переделке, возникает слой людей, пытающийся связать подлинную связь времен, связать растущую дробность, как выразился Экзюпери, «божественным узлом». Если им ничего не удастся, если постоянное неустройство делается невыносимым, снова и снова всплывает соблазн прыжка в утопию, сколоченную террором. Современное общество все время надо спасать и в воздухе висит соблазн окончательного решения, единой истинной идеи, оправдывающей любые средства. На Западе это можно не заметить. Запад успешно борется с симптомами кризиса, и лечит их паллиативами, по методу проб и ошибок. Но над нами дамоклов меч постоянно и ощутимо висит в воздухе, и нужно постоянное усилие, чтобы не дать одной идее овладеть обществом и стать безумием, idea fix. Такой идеей фикс может стать и свобода - бог либералов - противников утопии. Уставшие о рабства, мы готовы были воскликнуть вместе с героем Лопе де Фигейредо, в пьесе «Лисицы и Виноград», которое я смотрел - вы, наверное, его и не видели: «где та пропасть, в которую бросают свободных людей»? Там Эзопа обвиняют в кощунстве. Если считать, что он раб, то его только побьют, но если считать, что он свободный человек, то его бросят в пропасть. То, что ему дали вольную, было неизвестно. И Эзоп восклицает: «Где та пропасть, в которую бросают свободных людей!?!» Но когда надзор попросту уходит свыше, не остается даже той пайки, которую давал гражданин начальник, все захватывают блатные, и многие ээки начинают думать: «как хорошо было при гражданине начальнике», свобода тускнеет, разгорается солнце справедливости, солидарности, права каждого, самого неловкого, неспособного на кусок хлеба. ... Я вот сейчас вот сидел, просматривал журнал, где опубликовано было старое, десятилетней давности интервью Михника с Гавелом, где они обсуждают вот эту самую проблему, что в период неустройства большое число людей, привыкшее к тоталитаризму, чувствует себя растерянными и обездоленными и тянутся назад, даже в таких благополучных сравнительно странах, как Чехия и так далее. И там это было сравнительно быстро сейчас изжито, потому что быстро наладился новый порядок. Но у нас эта привычка складывалась 70 лет, и она стала второй натурой. Свобода - простор для сильного, способного воспользоваться свободой. Меня свобода не тяготит, потому что я сохранил ясность головы, и я могу

говорить и писать такое, что и сейчас можно... Но если бы я - в мои годы это вполне возможно - был способен только на то, чтобы получать каждый месяц пенсию, то что бы мне дала свобода? Ничего, она мне не дала, дала только то, что пенсия стала в реальной ценности меньше... Так что если свобода не уравновешена законностью, справедливостью, защитой слабого, проигравшего в свободной игре, свобода сильных становится бичом слабых, и слабые всей своей массой поддерживают Левиафана, пожирающего свободу. Я вспоминаю образ Гоббса, представившего государство чудовищем-Левиафаном, которое поддерживает порядок тем, что оно давит все. И вот когда я читал у Гайдара, что каждый человек, который может за свой счет поехать на Кипр, будет за них голосовать, я думал: «Ну и дурак! Ну кто же за тебя будет голосовать! Сколько людей у нас может поехать на Кипр?» Я был готов к свободе, я не дожидался пока мне ее дадут, я издавался в Самиздате, в Тамиздате - у меня три книжки были напечатаны на Западе еще при старом режиме. И в пространстве свободы я не только почувствовал свою силу, я понял опасность этой силы. Еще в 70-е годы я написал, что «дьявол начинается с пены на губах ангела». То есть, когда человек охвачен полемикой, его охватывают, я бы сказал, бесы полемики. И хочется не просто доказать свою правоту, а сделать больно своему оппоненту. Я додумался до этого сперва в первом круге полемики с Солженицыным, а потом внимательно читал письма Достоевского, и нашел там фразу: «Я хотел ударить западников окончательной плетью». *Окончательно ничего нельзя искоренить.* Общество полно противоречий, и всякая идея в какой-то степени может находить почву. Можно только ограничивать идеи, которые в данный момент становятся ложными. А если вас охватывает идея что-то выкорчевать до конца, если вас охватывает то, что я назвал пена на губах» тогда я сочинил такую фразу - около 80-го года - она сейчас иногда цитируется, в какой-то степени вошло в поговорку: «*Наивность представляет добро и зло, как два войска с развернутыми знаменами идут друг на друга. На самом деле добро не воюет и не побеждает - оно светит на всех и охотнее держится на стороне побежденных, а то, что воюет, всегда причастно злу. И чем более яростно оно сражается, тем больше погрязает во зле.*» И дальше вот эта центральная фраза: «*Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело и так до гиены огненной идо Колымы. Все рассыпается в прах - и люди, и системы. Но вечен бог ненависти в борьбе за правое дело, именно благодаря этому зло не имеет конца.*» Приблизительно, так было сформулировано, и я считаю это чрезвычайно важным тезисом, который надо было знать, вступая в полемику. Еще в 70-е годы я написал об этом, и поэтому стиль полемики важнее предмета полемики - это тоже в 70-е годы написал, и это было принято как чудачество. Даже мои друзья это не поняли. Они это поняли сейчас, в последние годы, когда потоки грязи наполнили наши средства массовой информации. Ну вот, дальше произошло то, что рухнула система, которая всех подавляла и захватила территорию тех, которые не были подавлены. А кто не был подавлен? Не были подавлены теневики - они приспособились, они подкупали власти и как-то делали свое дело, не были полностью подавлены преступники... И именно эта коалиция теневиков и преступников оказалась единственной силой, которая созрела в недрах советского общества, которая захватила инициативу, когда все остальные были подавлены, когда инициативы была у них отбита. Помните, инициатива наказуема... Или вы уже эту поговорку не знаете? В этих условиях единственный слой, сохранивший инициативу, теневики и бандиты, они и стали лидировать. И их нравы захватили все общество, сбитое с толку, не способное внутренне сопротивляться. И победила сложившаяся спайка теневиков со слугами закона, которым государство плохо платило, как всегда в России плохо платило. Эта спайка оказалась тем самым новым обществом, которое созрела в чреве старого. Демократия, неопытная и неумелая, на каждом шагу оборачивалась клептократией. Совок к этому не был готов. Он принял бы немецкие порядки, если бы какие-нибудь немцы их ввели и даже научился бы не переходить улицу на красный свет. Но заводить новые порядки, сплотиться в партии борющихся за честный демократический порядок, он не сумел. У него всю жизнь отбивали инициативу, и отбили. Он оказался беспомощен перед властью воров и бандитов. И голосует либо за коммунистов, либо за чекистов.

Туманное понятие интеллигента происходит от сочувствия к слабым, несчастным. «К голодному Бог приходит в форме хлеба, - сказал Ганди, - а когда кусок хлеба вырывают изо рта, приходит дьявол». *Но интеллигентность не разрешает союза с дьяволом, она требует верности свободе, даже перекошенной и проваливающейся на каждом шагу. Требует поиска равновесия свободы и справедливости. Свобода слова - воздух интеллигентности, она не отделима от верности истине.* Верность своему призванию ученого, учителя, врача, режиссера... А если нет политической свободы, свободы оппозиции, когда свобода слова под угрозой, ядро интеллигенции не может быть партийным. Но я и не сторонник и безучастности в политике. Я понимаю позицию итальянского мыслителя Бодлео, вступавшего в диалог с либералами, социалистами, даже с коммунистами... Итальянские коммунисты довольно сильно отличаются от наших - с ними можно вести диалог, - оставаясь сам по себе независим от политических пристрастий. Я думаю, что такая независимость возможна. И в нее входит также свобода от отрицательной зависимости, от ненависти к миллионам, нажитым в финансовых играх... Но это писалось, когда была борьба вокруг НТВ, поэтому я об этом здесь пишу... Свобода от избыточного презрения к грязно нажитым деньгам. Когда Гусинский ссорился с Березовским, мне было противно, и я повторял тогда эпиграмму:

Березовский заказал Гусинского, а Гусинский - Березовского.

Не понятно, начинать с кого, а, покончив - получать с кого.

Но когда государство всеми своими органами обрушилось на оппозиционного олигарха, то я на стороне был оппозиции. Потому что государство без оппозиции способно на преступления гораздо большие, чем преступления олигархов. Сегодня при господстве электронных средств массовой информации, очень дорогих, свобода слова совершенно реальна только для человека, сумевшего нажать миллиард. Достоевский

в свое время называл миллион - он говорил, что свобода реальна, если иметь миллион - но а сейчас надо иметь миллиард. Это свобода Гусинского. Если бы у него не было прихоти завести НТВ, никакой свободы в русском эфире вообще бы не было - все съел бы Левиафан. Свобода слова сегодня практически неотделима от свободы олигарха. И надо помнить, что свобода в Англии началась с гарантии прав лордов. А в России это не получилось, потому что дворянская гвардия, позавидовав вельможам, вырвавшим у Анны Иоанновны что-то вроде шведской конституции. Позавидовала и подала царице грамоту с просьбой самодержавствовать по-старому. Равенство в бесправии показалось справедливее, чем права, которыми непременно воспользуются в первую очередь сильные, оттесняя слабых. Что из этого вышло, хорошо известно - бирюшечина. И у нас есть шанс к этому вернуться, хотя бы в виде ослабленного и гротескного повтора. Интеллигентность - это традиция внутренне свободного творческого меньшинства, ставшего жизненным стилем, поведением личности. Это прислушивание к сократовскому демону, к безымянному переживанию Кришнамурти, чувству встречи, о котором говорил владыка Антоний.

Интеллигентность - это внутренняя готовность к внешней свободе и готовность защищать эту свободу от покушения извне, и от внутренних пороков, от превращения свободы во вседозволенность.

Но дальнейшее развитие темы требует уже новых идей, которые мне сегодня уже не хочется развивать, поэтому на сегодня достаточно, поэтому давайте поговорим.

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА

Александр АУЗАН

Текст лекции

Добрый вечер. Давненько я не был на лекциях "Полит.ру", и понятно, что это не потому, что я как-то манкировал этим важным проектом. Я действительно придаю этому проекту очень большое значение. Я считаю, он играет значительную роль в жизни разных людей, в том числе, в моей жизни. Тема, которую я хочу сегодня вам предложить, навеяна целым рядом обстоятельств. Начнем с того, что ровно в такой апрельский день, солнечный и яркий, в 1930 году замечательный испанский мыслитель Ортега-и-Гассет прочел лекцию «Миссия университета», которая, на мой взгляд, явилась поворотной в понимании того, зачем существуют университеты. Поэтому в каком-то смысле нынешний апрель 2013 года находится для меня в переключке с апрелем 1930 года, хотя мы будем говорить и о тех мыслителях, которые до Ортеги-и-Гассета искали ответ на очень непростой вопрос, зачем существуют университеты. Не секрет, что меня это занимает как человека, который всю свою жизнь связан с Московским университетом, а с 19 ноября прошлого года я просто живу на экономическом факультете МГУ, в очень комфортном здании, практически дворце, который мой предшественник построил для факультета. Но вам-то это зачем? Мне кажется, что вопрос об университетах, как ни странно, становится одним из фокусов общественного и властного внимания. Я напому несколько случайных фактов. Таких как волнения студентов российского Торгово-экономического университета в конце 2012 года, это событие было связано с идеей, что университет надо закрывать, а там 70 тысяч студентов, которых не очень понятно, как образовывать. С другой стороны, мечты власти, и, может быть, и общества насчет того, что пятерка российских университетов должна бы входить в 100 лучших университетов мира, где сейчас только один МГУ им. Ломоносова. Он 50-й по репутационному рейтингу Times Higher Education, 80-й по Шанхайскому рейтингу. А хотелось бы видеть и МГУ на лучших позициях, чем сейчас, и еще несколько университетов там. Но мне кажется, что этот неосознанный интерес к университетам связан еще и с другим - с тем, что они стали играть какую-то непонятную, во многом новую роль в российской, но и не только российской, общественной жизни, в формировании ценностей, и поэтому хотелось бы попытаться для себя и, может быть, для вас разобраться в некоторых вопросах, которые имеют и длинную историческую ретроспективу, и нынешний нерв в обсуждениях вокруг университетов.

Вообще, интерес к университетам, я бы даже сказал, спрос на университеты - это явление, в истории зафиксированное. Когда во время освобождения нидерландских провинций закончилась драматическая борьба Лейдена с армией Альбы, гёзы зашли в затопленный город, Вильгельм Оранский предложил городу на выбор какой-нибудь подарок, например, освобождение от налогов на длительное время. Горожане подумали и отказались от очень разумного для нидерландцев подарка, сказали, что они хотят *университет*. 400 лет спустя аналогичная история случилась на просторах нашей страны - когда Алтайский край собрал невиданно большой урожай, генсек ЦК КПСС приехал, как положено, вручить орден и спросить первого секретаря райкома, а что, собственно, надо: мост, завод... И первый секретарь сказал «университет». Нужны же здания? Есть здания. А нужно же селить профессуру где-то (потому что профессуру из Томска приглашали)? Отдадим дом, построенный для горкома. Оказывается, в 20 веке тоже иногда свершались подвиги выбора по типу лейденского: университет для чего-то нужен. Университеты нужны настолько, что можно отказаться от весьма насущных вещей - от налогового освобождения или от нового моста, нового завода, - для того, чтобы был сделан университет.

А зачем нужны университеты? На мой взгляд, первый раз этот вопрос осознанно обсуждали не тогда, когда создавали университеты (в Европе это примерно с 1088 года, если считать Болонский университет первым), а существенно позже, когда на рубеже 18 и 19 века почти вдвое *снизилось* количество университетов в Европе. Обратите внимание, что тогда это был кризис, связанный с тем, что шел отказ от университетов. Сейчас это кризис, связанный с тем, что у нас очень много университетов, избыток вроде бы высшего образования. И то, и другое вызывает желание разобраться, зачем нужны университеты. Тогда, на рубеже 18 и 19 века, возникло 3 точки зрения, у истоков каждой из них стоял человек очень неординарный. Одну высказал отец политической экономии Адам Смит, вторую - Наполеон Бонапарт, а третью - Вильгельм фон Гумбольдт, который создал, на мой взгляд, неоклассическую модель университета.

Суждение Адама Смита, отца всех экономических наук, от взгляда которого мне потом придется отказаться, состояло в том, что не надо платить деньги профессорам университетов. Им должны платить студенты, потому что тогда понятно, как спрос будет формировать предложение. Естественное для таких ранних экономических моделей суждение. Наполеон Бонапарт пошел по совершенно другому пути. Университеты нужны для того, чтобы производить специалистов по узким профессиям. На это государство готово тратить деньги, но государство должно контролировать эти университеты. А наука - это совершенно другой вопрос; она должна быть отделена от университетов, потому что что там оплачивать в науке - это слишком тонко, слишком непонятно. Наконец, Вильгельм фон Гумбольдт попытался создать альтернативу - и создал в итоге неоклассическую модель университета, где главным является образование, соединенное с наукой, где университет трактуется как содружество студентов и преподавателей, и при этом обладает автономностью, то есть определенной свободой преподавания, и свободой образования.

Поразительная переключка с нынешними дискуссиями! В нынешних дискуссиях я нахожу следы всех трех позиций: и Смита, и Бонапарта, и Гумбольдта. Правда, у Карла Маркса есть замечательная фраза, он сказал: «Гении никогда не делают ошибочных выводов из собственных неверных посылок, они предоставляют это своим ученикам». Идея Смита про то, что надо бы, наверное, спрос замеры деньгами на университетское образование, у нас реализовалось в 90-х годах в очень странной концепции, что образование есть *услуга*, которая может быть измерена как услуга, как услуга оплачена, и прочее. Ну, по Смицу все-таки не так. Это если и услуга, то капитальная, которая создает способности, которые затем приводят к доходу обладателей этих знаний и способностей - все-таки несколько сложнее. Этот взгляд только-только отошел в прошлое. В новом Законе об образовании нет слов про образовательную услугу.

Взгляд Бонапарта виден в варианте современном, - я бы сказал, что это актуальная минфиновская позиция, - представление о том, что должен быть *норматив финансирования* вузов - и тогда вся система выстраивается, потому что если государство платит деньги, то оно должно понимать, за что платит деньги, и контролировать того, кому платит деньги. В чем преимущество, понятно - да, надо производить не только тех, кого спрашивает рынок, и даже иногда совсем не тех, потому что это понимание образования как некоторого социально значимого блага (то есть частного блага, которое доставляет эффекты не только тому, кто получил образование и потом будет грести деньги лопатой, но и *еще кому-то*), потому что должен быть определенный обязательный набор профессий в обществе, особенно, если оно достаточно большое, стремится развиваться и т.д. В начале 19 века «нормативный» взгляд еще бы прошел через экономическую критику, а сейчас вряд ли. Мы понимаем, что на самом деле образование отнюдь не является совершенным рынком, что мы имеем здесь монополию, т.е. государство закупает некоторую деятельность университетов; олигополию, то есть не вполне конкурирующие между собой университеты, которые делят рынки; высокие транзакционные издержки перехода, поэтому здесь нормативы совершенно не ведут к счастью и успеху всей системы. Мне кажется, что этот взгляд мы тоже постепенно переживем, но все-таки где же ответ на вопрос, зачем университеты? Если это не способ производства знания, которое потом человек продает, и тем самым, капитализирует, если это не способ обеспечить некоторую комплексность в обществе, и обеспечить его необходимыми профессиями, то что это такое? Откуда этот взгляд фон Гумбольдта, который очень непросто обосновать? Зачем нужен неоклассический университет с его автономией, с товариществом и т.д.?

Я бы сказал, что леммой к этой теореме - или подсказкой к решению является то, что произошло со школой. Обратите внимание, что отец педагогики Ян Амос Коменский, гениальный чех, который закончил свои дни в городе Амстердаме, - действительно отец педагогики, потому что он создал классно-урочную систему, звонки, учебники. Но когда прошло время, и когда уже не было Коменского, оказалось, что он создал нечто большее, чем классно-урочную систему: он создал *промышленность*, хотя совершенно не собиравшись этого делать. Почему он создал промышленность? Потому что существенная способность разделить труд, создать некоторую организацию, задать некоторый ритм, создать материалы и т.д. Когда люди таким образом сформированы, вышли в жизнь и занялись разными делами, - от них пошли мануфактуры, потом под это уже подтянулся материальный фундамент, и произошла промышленная революция. Не знаю, что больше повлияло на промышленную революцию - факторы, связанные с техническими изобретениями, или с тем, что в мозгах людей сформировалась некоторая система понимания и поведения, которая исходит от отца педагогики, ставшего отцом современной промышленности. Получается, что школа генерирует далеко не только знания.

Думаю, что в Пруссии это понимали лучше, чем во многих других местах, потому что когда Бисмарк, обобщая результаты, сказал, что прусский учитель выиграл битву при Садовой, - он имел в виду то преобразование нации, то *рождение* нации, которое осуществили и школа, и армия одновременно, потому что и школа, и армия оказались мощными механизмами социализации, они совершенно изменили немца, который в 18 веке был мечтателем, не пил пиво, а пил шнапс, был не ритмичен, участвовал в такой типично российской авральской экономике, и никто в Европе не воспринимал немца как опасность: что эти мечтатели могут сделать? Пусть они работают кем угодно, хоть министрами, они свое-то государство не могут создать. К концу 19 века оказалось, что ох как могут создать государство, и не только государство. Во многом это сделала школа.

Поэтому я думаю, что Гумбольдт, формулируя свое понимание университета, который живет сейчас в виде так называемых классических университетов континентального типа, континентальной традиции, был в известной мере под воздействием понимания того, что здесь производится не только знание, а *что-то еще*. Для того, чтобы понять *что*, важны были работы Ньюмена Ясперса, но, думаю, нужен был Ортега-и-Гассет, потому что он в своей лекции «Миссия университетов» сформулировал несколько парадоксов, которые совершенно по-другому смотрятся сейчас с точки зрения того, что стало понятно в науке, прежде всего, в экономической, за последние 80 лет, прошедших после этих парадоксов Ортега-и-Гассета. Я бы свел его богатые суждения к 3 парадоксам. Во-первых, он сказал, что университеты нужны не потому, что студенты разумны, а потому, что они *недостаточно* разумны: иначе бы они обучились сами. Во-вторых, он сказал, что университет среднему человеку пытается дать высшее образование и сделать из него классного специалиста. При этом он неотделим от науки, но у среднего человека *нет никаких причин* становиться ученым. Наука там нужна, но для чего-то другого, потому что очень мало из людей, заканчивающих университеты, становятся учеными. Имея в виду Испанию, он вообще сказал жесткую фразу, что наука вряд ли когда-нибудь будет сильным местом испанской нации. Но, тем не менее, наука в испанских университетах нужна так же, как в германских или британских. На этих парадоксах, мне кажется, зиждется интересное понимание миссии университетов, с которым хотелось бы немножко разобраться в более современной терминологии.

Что, по существу, положил в основу своего понимания миссии Ортега-и-Гассет? Идею ограниченной рациональности, которая стала теорией, признанной и отмеченной Нобелевской премией через 40 лет после

лекции испанца, потому что Герберт Саймон только в 50-е годы выпустил статьи про административное поведение, а Нобелевскую премию за теорию ограниченной рациональности получил уже в 1973. Действительно, эта идея, что люди не боги, что они не всеведущие, с трудом собирают информацию, не обладают бесконечными калькулятивными и интерпретационными способностями, принципиально важна для понимания университета, потому что из этого, во-первых, следует, что фон Гумбольдт прав, что университет вынужден становиться неким товариществом студента и преподавателя, потому что студент не может обучиться сам. Но ключевая проблема университета – это способности студента. Кстати, современная социология это подтверждает. Успешность университета на 40% зависит от качества студентов. В основном, и прежде всего - это качество студентов. Отсюда и проблема отбора в университеты, очень непростая проблема.

Я бы сказал, что именно понимая значимость качества студентов, Ломоносов создал свою модель университета. Когда в прошлом году отмечали 300-летие Михаила Васильевича, очень много говорили правильных и красивых речей, те стихи читали, другие, но мне кажется, что почти не замечали самого главного в Ломоносове. Это был очень свободный человек, свободно перемещавшийся по миру, по наукам, и он создал *бессловный университет в словной стране*. Предыдущая модель «академического» университета была дискуссионной, формировалась в столкновениях между Петром Первым и Лейбницем. Лейбниц уговаривал Петра не делать Российскую академию в 1725 году, он уговаривал его сначала сделать университет, а через 20 лет – академию. Петр, как обычно, торопился, поэтому сделал и то, и другое. А через 20 лет оказалось, что университета нет, а есть туристическое агентство посылке дворянских детей на стажировку в германские княжества и нидерландские провинции. А университета нет, потому что нужно было найти ломоносовский принцип отбора: «Студент тот, кто лучше научается, а чей ты сын? - в нем нет нужды».

Поэтому я бы сказал, что первая важная идея, которая вытекает из принципа ограниченной рациональности, по-своему понятая Ортега-и-Гассетом, - это коренное значение студентов, причем значение не потому, что они высокоталантливы, а потому что они *недостаточно* талантливы для того, чтобы учиться сами, их надо отбирать, их надо вести. Если вы сумели отобрать, вы создали мощную основу для университета. Теперь о втором парадоксе, который связан с наукой. Здесь работает тот же принцип ограниченной рациональности, потому что, по Ортега-и-Гассету, для чего нужна наука в университетах? Ни в коем случае не для того, чтобы студенты становились учеными. Наука дает *материал*, который может давать не только наука, который до науки давала мифология, религиозная догматика, и т.д., материал, из которого строится картина мира. Главная цель университета, говорит Ортега-и-Гассет, - это *поставить человека вровень со своим временем* для того, чтобы он это время понимал и ориентировался в нем.

Может ли это сделать наука? Сама наука не может, потому что наука отличается ровно тем же, чем и отдельный студент, - ограниченной рациональностью. Наука никогда не построит полную и непротиворечивую картину мира: это исключено, это невозможно. Создать картину, в которой люди чувствовали бы себя комфортно, понимали мир, двигались бы в этом мире, ориентировались, и при этом эта картина была бы научной, рационально обоснованной, не содержащей конфликтов, разрывов, белых пятен, *невозможно*. Это только материал для того, чтобы не ученый, а *учитель* создал картину. Здесь возникает угроза ложного решения. Какое ложное решение? Идеологические университеты, потому что если нужно построить единую картину, то ее ведь из чего-то надо строить и при этом как-то надо замкнуть. Строим картину мира и говорим, например, что в основе лежит понимание, что свобода – это главное. А другие говорят: нет, в основе лежит понимание, что семья – это главное, или традиция – это главное, или еще что-то, или вера, или любовь. И мы получаем университеты: либеральные, консервативные, католические, исламские и т.д. Это *ложный белый гриб*, это попытка создать единую картину из наличного материала и замкнуть ее на идеологию, потому что надо же чем-то замыкать, раз наука не справляется с этой задачей.

Почему это решение мне кажется таким близким, напрашивающимся? Потому что должен же человек, несмотря на ограниченность науки, как-то выйти из университета, понимая, куда идти, для чего жить. Но почему оно оказывается, мягко говоря, несовершенно? Опять сошлюсь на то, что было доказано уже после лекции Ортеги-и-Гассета. В 1937 году вышла первая громкая статья Рональда Коуза о социальных издержках, которая потом привела к формулировке теоремы Коуза. Теорема Коуза создала абсолютно иную постановку проблемы выбора, потому что идея, что в социальном мире существуют трансакционные издержки, то есть всегда существует сила трения, означает, что ни один нормативный проект не может быть осуществлен так, как он задуман. Мы всегда имеем мир, в котором несколько проектов могут реализоваться - грубо говоря, либеральный, консервативный, социалистический, православный, мусульманский. Как бы они ни реализовывались, они не будут реализованы в том формате и замысле, как это предполагается. Почему? Потому что трансакционные издержки всегда отличны от нуля, потому что в этом мире существует сила социального трения, поэтому выбор состоит не в том, чтобы найти одно-единственное верное решение, а в том, чтобы непрерывно взвешивать разные сценарии движения. А это требует уже не идеологической рамки для университета, а *культурной*.

Я буду редко показывать слайды до заключительной части, которую без графиков не покажешь, но, с вашего позволения, я покажу, как взгляд, понимание миссии, выработанное Ортегой-и-Гассетом, на основе того, что фон Гумбольдт думал и сделал в классических университетах, стало символом веры для университетов. Это Великая Хартия университетов, статья первая:

Университет, будучи в сердце различно организованных обществ в силу разнообразных географических условий и различий исторического развития, является автономным учреждением, которое критическим образом **создает и распространяет культуру** через научные исследования и образование. Чтобы адекватно реагировать на нужды современного мира, он **должен иметь моральную и интеллектуальную независимость** по отношению к любой политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области **исследований и образования**.

социально значимое благо в виде функций, которые нужны не только этому человеку для его зарплаты и работы, но и каким-то другим людям, как это было положено во французской системе начала 19 века - в наполеоновской системе. Но производят общественное благо, смысл которого - производство и распространение культуры. Я бы сказал, что университеты производят некоторые неформальные институты, системы ценностей и поведенческих установок, которые затем через разное время превращаются в формализованные институты - в системы экономики, политики, торговли и т.д.

Великая Хартия университетов пришла к этому пониманию, и пришла в результате 200-летних размышлений, но нынешний кризис университетов - реальность. Откуда кризис? Я бы сказал, что мы имеем очень тяжелую дилемму, связанную с тем, что когда мы начинаем применять эту миссию к современному миру, возникает тяжелая развилка между тем, что университеты производят определенную культуру, и тем, что они должны производить из среднего человека высокого специалиста. Ровно это мы имеем в России, но не только в России. Я сошлюсь на обсуждения, которые мы сейчас ведем в формах закрытых семинаров у нас на экономическом факультете МГУ. Мы стали звать коллег из других университетов для того, чтобы обсудить проблему, которая малоинтересна широкой публике, - проблему аспирантуры, потому что аспирантура - это и есть *способ производства самих себя*. Это тема и проблема для самих университетов.

Дело, однако, в том, что аспирантура с 1 сентября этого года станет третьим уровнем высшего образования в нашей стране. К этому как-то надо отнестись, как-то это понять. Нам не удалось у создателей закона получить ответ на вопрос, а зачем они это сделали, мы не получили этот ответ, и тогда мы решили его добывать сами. И нам это общение не было трудно, потому что, скажем, на мой взгляд, лучший в России специалист по проблемам образования, Татьяна Львовна Клячко, возглавляющая Центр исследования образования в Академии народного хозяйства и государственной службы, она выпускница нашего экономического факультета. Ирина Всеволодовна Абанкина, которая возглавляет такую же структуру в Высшей школе экономики, - выпускница экономического факультета. Мы собираемся кругом выпускников альма матер и за закрытыми дверями себе пытаемся дать ответы на насущные вопросы. И стала вырисовываться неожиданная картина (я сказал, что буду это называть *теоремой Клячко* после того, как это все будет доформулировано).

Как известно, у нас теперь почти все школьники (иногда все школьники, а иногда *больше, чем все школьники*) поступают в вуз. Но есть страны, где эта цифра еще выше, чем в России, и в целом то, что мы наблюдаем в начале 21 века, - это почти всеобщий доступ к высшему образованию в развитых странах. Что в результате этой всеобщности доступа? Что в результате того, что уже Ортега-и-Гассет видел, когда говорил о массах, которые придут в университет? В результате происходят очень интересные последствия. С одной стороны, уровень студента, конечно, падает. На чем держится, на каких воздушных шарах в этом погружении удерживают себя лучшие по рейтингам университеты мира? Ведущие университеты мира удерживаются не на своих студентах, а на китайских, индийских и прочих - на студентах из тех наций, где по-прежнему поступает не 80% в вузы, а 10%. Они задают уровень, поэтому теперь это борьба за студента. Студент задает уровень университета. Теперь борьба не за мирового профессора, а за *мирового студента*, потому что он должен эту планку держать. Свои уже не выдерживают, они приходят сюда как в очередной класс школы.

Образование начинает проседать. Почему выделился бакалавриат? Надо же общее образование доделать. Школа теперь готовит человека не к жизни, а к поступлению в вуз. А надо же общее образование завершить до того и для того, чтобы сделать из среднего человека специалиста. А магистратура делает ту работу, которую раньше делали все университеты, - делает человека специалистом. А аспирантура? Магистратура не успевает научить человека писать научные работы, поэтому это должна теперь делать аспирантура. У нас

Как видите, здесь научные исследования, и даже образование является *средством*, каналом, а университет - это учреждение, которое критическим образом создает и распространяет культуру. Именно поэтому он должен иметь моральную и интеллектуальную независимость по отношению к политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области исследования образования.

Кстати, на мой взгляд, идеологический университет не имеет этой моральной и интеллектуальной независимости. Он уже свой выбор потенциально сделал - в пользу, может быть, власти, еще не существующей, но вполне определенной, из тех ценностей, которые легли в основу той или иной картины мира. Поэтому, завершая эту часть, которая посвящена тому, как понимать миссию университета, я бы сказал, что - да, выясняется, что университеты производят, по крайней мере, не только частное благо в виде капитализируемого знания, которое можно продать, как думал Смит. Не только

происходит, с одной стороны, опускание уровня, а с другой – рост иерархий, и он будет происходить, то есть вся система по мере расширения демократизации, широкого доступа, она опускается вниз, а количество уровней все время растет. И отсюда возникает ситуация, с которой я и начал сегодняшнюю лекцию, - когда мы перестаем понимать, а где университеты, производящие специалистов, а где университеты, не производящие специалистов? Проблема, которая проявилась для общества во время кризиса вокруг РГТЭУ с теми видео, которые были в интернете, в связи с ответами выпускников университета на вопросы о том, как они понимают мир, для того, чтобы наняться на работу, что они знают по профессии. *Мало* они знают.

Почему это так важно, почему это так существенно? Потому что образование ведь не только общественное благо. Оно обладает еще одним свойством – оно *доверительное* благо, то есть благо, качество которого невозможно установить прямым разговором: даже если вы придумаете министерский экзамен для всех университетов, для всех выпускников бакалавриата, это не дает возможности установить истинный уровень знаний. Это дает возможность создать еще одну настройку на тесты, еще один уровень предварительной подготовки. Качество образования всегда проявляется «потом». И вследствие этого возникает опасность, потому что, конечно, хорошо, что университет производит культуру, но еще хорошо бы, чтобы хирург, который будет вам вырезать аппендицит, был бы еще и специалистом, - кроме того, что он несет определенную картину мира. Это довольно важно, поэтому вокруг этого противоречия начинает структурироваться проблема - и какие решения проблемы напрашиваются?

Понятно, первое решение – давайте мы закроем те вузы, университеты, которые не производят специалистов. Этот вопрос обсуждается очень, я бы сказал, *страстно* и на рабочих совещаниях в экономическом совете при президенте России, потому что, как вы понимаете, половина членов экономического совета при президенте – это люди, которые либо возглавляют факультеты или университеты, либо имеют теснейшую с ними связь. Поэтому там разные идеи возникают, но позволюте, я, возвращаясь к идее миссии, покажу, почему простота хуже воровства, почему простые решения про закрытие плохих университетов не дадут нужного результата. Экономистам это как раз понятно. Смотрите: наша школа выпускает в мир хороших, но не вполне образованных людей. При этом наша экономика и в хорошо образованных людях не очень нуждается, потому что она сырьевая. Возникает проблема *социального сейфа*. Куда девать молодежь, которая еще ничего не умеет, но уже не нужна, что с ней делать? Возможные варианты: тюрьма, армия, университеты. Думаю, что четвертого варианта не существует, потому что четвертый вариант - оставить их на улице, но тогда, скорее всего, тюрьма. Куда денутся люди с большой энергией, не находящие работы, с амбициями? Армию мы тоже воспринимаем как не очень удачный социальный сейф: общество явно не радуется от того, что существует всеобщая воинская обязанность, а на самом деле понятно, почему существует. Нужно же в какой-то социальный институт забрать, чтобы доделать работу школы, тем более, что экономика в себя их все равно не принимает и не требует.

С этой точки зрения выясняется, что плохой университет лучше даже хорошей армии, не говоря уже о тюрьме. Что *реально* производят эти плохие университеты? Исходя из того, что я говорил о миссии университетов, я могу сказать, что они производят средний класс в России. Это очень позитивный продукт массовой *плохой* системы высшего образования в России. Что такое средний класс? Все попытки определить средний класс через доходные характеристики, профессиональные, не очень успешны. Татьяна Михайловна Малева, лучший специалист в стране – и тоже, разумеется, выпускница экономфака МГУ - по этому вопросу, говорит, что это либо сумма поведенческих характеристик, либо самоидентификация. Но это означает, что средний класс – это явление культурное, это означает, что это люди с определенными ценностями и поведенческими установками. Это люди, которые по каким-то причинам пришли к выводу, что не надо пить денатурат, что закусывать надо этим, а не тем, что ездить за рулем нужно трезвым, фитнес находится за углом, а деньги нужно хранить на депозитных счетах, они бывают разные. Являются ли эти люди специалистами? То есть реализовался ли парадокс Ортеги-и-Гассета по поводу того, сделает ли среднего человека высшее образование хорошим специалистом? Нет, не факт. Но создает ли это положительные социальные эффекты? Конечно, потому что даже продолжительность жизни человека, продолжительность активной жизни человека зависит от образования во много раз сильнее, чем от здравоохранения, потому что от этих поведенческих установок мы получаем сбережение населения и его способность к работе.

Поэтому несомненны положительные социальные эффекты. И несомненны высокие социальные риски, потому что диплом не свидетельствует о том, что этот человек в состоянии сделать операцию. И не только в медицине. Не очевидно, что это экономист, который в состоянии дать какие-то квалифицированные советы и заключения, или юрист, который в состоянии вас защитить в суде или что-то сделать с законопроектом. Как решить эту проблему? По крайней мере, не простым способом, не сказать «давайте уберем плохие вузы». На самом деле, вспоминая теорему Коуза, хочу сказать: всегда существует решение, и даже не одно, просто надо их взвесить. Они все недостаточно хороши, но все имеют свои плюсы и минусы.

Например, можно пойти по пути жесткого разделения бакалавриатов и магистратур: нельзя иметь магистратуру университетам, которые не вытягивают на определенный стандарт, - это будет означать, что они выпускают общеобразованных для жизни людей, не являющихся дорогостоящими специалистами. А магистратура уже делает другую работу. Можно попытаться разделить их на высшую лигу, первую лигу, вторую лигу, то есть ассоциации университетов, которые задают определенный стандарт. Вопрос только, будут ли понимать работодатели, что этот человек вышел из первой лиги, а первая лига – это совсем не высшая лига? Можно искать какие-то еще решения, связанные с внешней аттестацией, будь то рейтинги или государственные способы оценки. Решения могут быть найдены - надо только понять, что задача состоит не в том, чтобы уничтожить слабые вузы и оставить только выпуск хороших специалистов, а в том, чтобы сепарировать,

различить. И поэтому я уже не пугаюсь, когда говорят, что будет прикладной бакалавриат, который раньше назывался техникум и считался средним образованием, а теперь будет считаться высшим. А бакалавриат будет, наверное, двух- или трехлетний, и не прикладной тоже, нормально. Это все в духе «теоремы Клячко», - идет опускание всей системы с падением качества и ростом количества иерархических звеньев. Но социальную функцию эти учреждения будут реализовывать.

Для страны, конечно, хорошо, что существует система производства разных отрядов среднего класса. Это спасает страну, может быть, от внутренних будущих неурядиц, гражданских войн, диктатур, переворотов, потому что средний класс придает некоторую стабилизацию, но не факт, что это придаст какой-то драйв, какой-то темп, вектор развития страны, потому что это все-таки будет зависеть от той части системы образования, которая способна производить конкурентоспособный человеческий капитал. Тут я перехожу к заключительной части и вынужден обратиться к графикам. Я начну, с вашего позволения, с этого слайда:

Этот красивый слайд сделан профессионалами из Института «Стрелка», он из нашей совместной презентации с блестящим голландским архитектором Рейниром де Граафом, которую мы делали летом этого года. Это далеко не полный список нобелевских лауреатов и новаторов, родившихся в России. А вот это картинка, что происходило с ними:

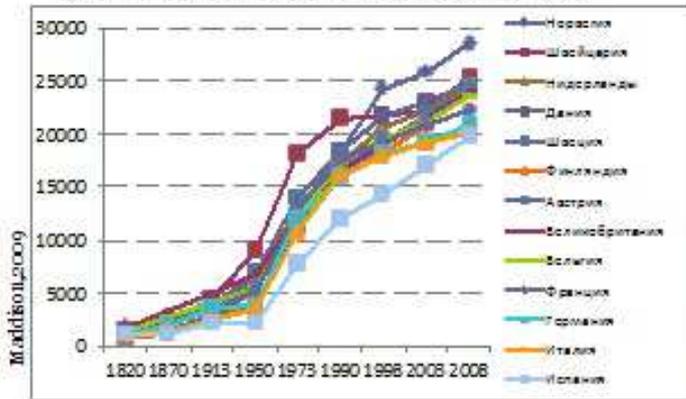
- причем тут можно было бы картинку раскрашивать очень разными цветами по поводу оставшихся здесь, но значительная часть лучших умов страны - они произрастали далее и я бы сказал, в продуктивную фазу вошли за рубежом.

Я скажу о некоторых оценках. Трудно говорить по фундаментальным идеям, проще говорить по изобретателям. Я назову цифру по Владимиру Зворыкину. Он, как вы помните, автор идеи телевидения. Один из лучших макроэкономистов в России, который был одним из моих учителей на экономическом факультете МГУ, академик Револьд Михайлович Энтов оценивает продукт, созданный на основе идеи Зворыкина, в 20 годовых продуктов нынешней Российской Федерации. Я бы сказал, что Сергей Брин с Гуглом пока поскромнее, - я думаю, 5-7 годовых продуктов РФ, но если мы начнем ходить по списку, мы вдруг поймем, что здесь возможности экономической продуктивности гораздо выше, чем в нашей небедной углеводородной экономике. Только вот вопрос: как это все получается? Как получается, что в стране, где непрерывно то делают не очень удачные реформы, то вообще расстреливают и сажают учителей, то, скажем, уже учеников учат чему-то непонятному, почему-то все время рождаются талантливые люди, и мы оказываемся конкурентоспособными в определенных направлениях? Можем мы ответить на вопрос, почему так происходит? Тогда мы ответим на вопрос о том, что в российских университетах, имея эти предпосылки, реализовывать. Я и попробую отвечать на этот самый вопрос.

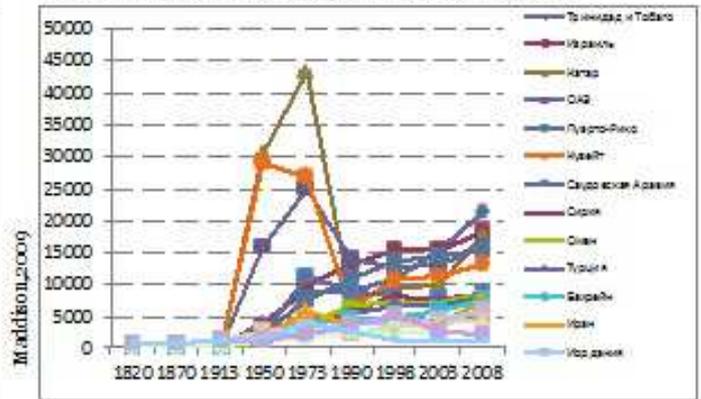
Вот это график, который показывает, что в мире существует 2 траектории: А и В.

Долгосрочная макроэкономическая динамика

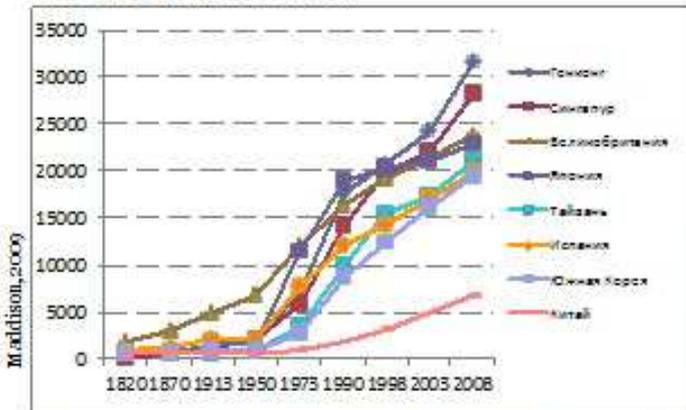
ВВП на душу населения (траектория А)

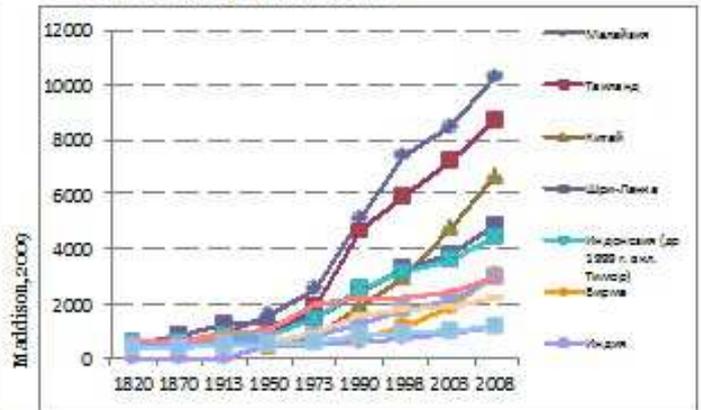
ВВП на душу населения (траектория Б)

ВВП на душу населения

ВВП на душу населения

ВВП рассчитан в международных долларах 1990 г. (Int. GK5, 1990)

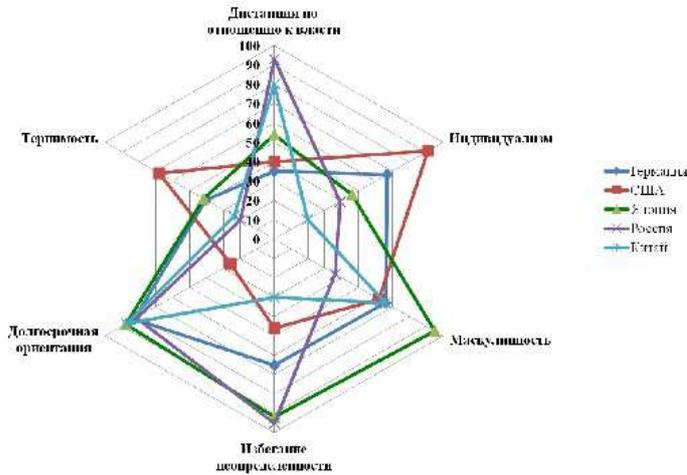
Это работы гениального англо-американского статистика, Ангуса Мэдисона, который умер 2 года тому назад, это так называемые таблицы Мэдисона, которые у нас в МГУ пересчитаны в графики. Есть 2 траектории, и есть 5 стран, которые смогли перейти с низкой траектории, с первой космической скоростью, на вторую космическую скорость. Среди них нет СССР и России: мы не перешли на эту высокую траекторию по валовому продукту на

Социокультурные характеристики по методике Р. Инглхарта

душу населения. Нет там и Китайской Народной Республики, ей пока далеко до этого перехода. Но почему кому-то удастся, кому-то не удастся? Подозрения, которые зародились в последнее время, я об этом говорил в предыдущих лекциях, эти подозрения замкнуты на идею, что есть *социокультурные факторы*, которые удерживают страну в одной траектории или в другой траектории, а их изменение позволяют пересечь таблицу. Что мы можем сказать про эти социокультурные факторы? Прежде всего, они измеримы, они стали измеримы. За последние 50 лет накоплено социометрическая информация по кросскультурным измерениям. Эта методика Рональда Инглхарта, - замер ценностей, то есть правил высокого порядка, по кросскультурным исследованиям:

Социокультурные характеристики по методике Г. Хофстеде

Здесь отображена Россия. Хочу сказать, что экономически успешное направление – это северо-восточный угол. Россия в этом смысле, как обычно, движется парадоксально. Она ухудшает очень высокие показатели, которые у нее были в 1999 году по рациональности, переходя к более традиционным несекулярным взглядам, более религиозным. Но, с другой стороны, она движется в сторону большего предпочтения самореализации, то есть в этом смысле в правильном направлении. А вот это более операциональные вещи:

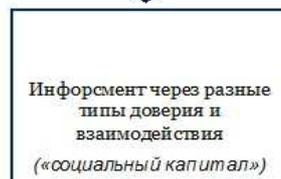
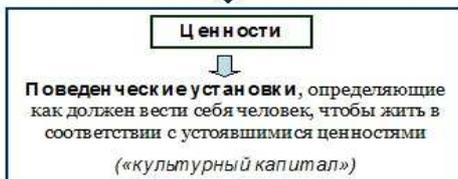
Это замеры по поведенческим установкам, по методике Гирта Хофстеде, голландского социопсихолога. Это сравнение России с четырьмя другими крупными странами. Здесь КНР, Германия, США, Япония. И видно, где лежат отличия. Вот из этого материала мы

можем что-то сказать про то, что могут давать культурные характеристики, ценностные, поведенческие для развития? Наверное, можем, если мы поймем, что мы оперируем, в общем, понятиями, которые могут иметь экономический смысл. То, что я сейчас говорю, - это суперкраткое введение в теорию неформальных институтов:

Неформальные институты: подходы к качественным и количественным исследованиям

Разграничение формальных и неформальных институтов лежит в **механизмах инфорсментации**:

- Институт является **формальным**, если принуждение правила к исполнению является **специализированной деятельностью гаранта**, осуществляемой только им (или устойчивой группой индивидов).
- Институт является **неформальным**, если в роли гаранта правила может выступать **любой индивид, полагающийся**, что рассматриваемое правило **должно выполняться**.

Количественные характеристики социального и культурного капитала могут быть выделены из достаточного массива данных, накопленных за последние 50 лет и поддающихся эконометрическому анализу.

* Институциональная экономика: НИЭТ: Учебник / Коллектив авторов / Под ред. А.А. Аузана. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2011.

Неформальные институты – это институты, которые действуют не потому, что есть специально обученные люди, принуждающие к исполнению правил, а потому, что к этому принуждает сообщество – либо узкое замкнутое закрытое сообщество, либо широкое, состоящее из разнообразных людей. И поведенческие установки могут быть разными, поэтому мы пытаемся ввести, понять не только социальный капитал, но и культурный.

Повторяю, количественно это все измеримо.

Три гипотезы, которые мы с коллегами из Института национального проекта впервые опубликовали (я выступал с этим докладом 2 месяца тому назад на Российском экономическом конгрессе) про социокультурные коды, - это только гипотезы, предположения о том, как одно воздействует на другое:

Неформальные институты: социокультурные коды в экономике (гипотезы)

Сейчас важно вернуться к университету, а для этого, важна гипотеза о конкурентных преимуществах, - что некоторые пары поведенческих коэффициентов дают возможность стране успешно специализироваться на чем-то, где-то позиционироваться, существенна для университетов. И третья гипотеза - о трансформации, про то, что изменение некоторых установок дает экономический переход, трансформацию, изменение траектории страны.

Портрет российского инноватора, взгляд из Германии, США и России

характеристика	плюсы	минусы
восприятие профессии как призывания, а не карьеры	нацеленность на самореализацию, на достижение уникально го результата, высокая креативность	неумение себя «подавать» и «продавать», замкнутость на признании среди узкого круга коллег и друзей
фундаментальное образование советского образца	универсальная квалификация	необходимость адаптироваться к конкретным узко специальным задачам
опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде	способность решать сложные нестандартные уникальные задачи	сложности в решении формальных и рутинных («скучных») проблем, потребность быть «творцом», а не «исполнителем»
радикальный индивидуализм	склонность к трудоголизму и гиперответственность, презрение к признанным авторитетам	отсутствие навыков командной работы, конфликтный характер взаимодействия, неумение перераспределять ответственность, авторитарный стиль управления
короткий горизонт планирования	способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам	отсутствие стратегического мышления, ориентация на решение тактических задач

Социологическое исследование проведено Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Общее руководство – Виктор Воронков. Полевое исследование в России – Ольга Бредникова, Борис Гладарев, Елена Никифорова, Елена Чикадзе; в США – Жанна Атаянц и Ирина Олимпиаева; в ФРГ – Татьяна Бараулина, Валерия Медвежникова и Елена Паршина-Штайн.

Теперь поконкретней, чтобы объяснить вторую и третью гипотезу, смотрите:

Взаимосвязь между характеристиками неформальных институтов и возможностями трансформации

Существует связь между динамикой основополагающих ценностей и количественными показателями социально-экономического развития общества.

Модернизация как социокультурный процесс, в рамках которого происходит:

- укрепление значения ценностей **индивидуализма**,
- переход от традиционных ценностей к **секулярно-рациональным**,
- рост ценностей **самовыражения**,
- снижение **дистанции власти**.

Кроме того, для модернизовавшихся стран характерна **высокая долгосрочная ориентация**.

Культурные факторы модернизации, 2011

Сферы специализации, определяемые культурным профилем:

Высокая маскулинность + низкая дистанция власти

- массовое производство (в химической промышленности, производстве тяжелого оборудования)

Высокая феминность + высокая терпимость

- сервисные виды деятельности;
- консалтинг

Индивидуализм + низкое избегание неопределенности

- инновационный сектор

G. Hofstede, Culture consequences, 2002

Как это может быть применено к случаю России?

В правой колонке - иллюстрация ко второй гипотезе. Мы можем объяснить, почему та или иная страна успешна в массовом производстве, а эта в высокотехнологичном, а эти в инновационной экономике, - с точки зрения коэффициентов Хофстеде. Там есть отчетливые корреляции. Именно поэтому я теперь на разных трибунах уже с цифрами в руках доказываю, что российский автопром не произведет конкурентоспособного автомобиля, но продолжать строительство космических аппаратов мы можем. Вот она картинка, которая показывает: только страны с готовностью соблюдать инструкцию и доводить до конца стандарт могут производить массовую промышленную продукцию, а у нас получается, что одну уникальную вещь делаем хорошо, а 10 одинаковых

делать не способны. Массовое производство не может быть так устроено. Слева перечень характеристик, которые мы с коллегами по МГУ и Институту национального проекта вынули из анализа стран, которые успешно пересекли таблицу - 5 стран, которые за последние 50 лет меняли позиционирование. Это успешные опыты Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура. У них у всех менялись эти характеристики - 2 индекса Инглхарта и 3 коэффициента Хофстеда. То есть мы понимаем: изменения в этих направлениях дают успех. Теперь давайте перейдем к России:

Ограничения и возможности, связанные с социокультурными характеристиками россиян

«-»

•Комбинация высокой *дистанции власти* и высокого *избегания неопределенности* нередко **блокирует изменения**

•Наличие высокой *дистанции власти* и низкой *маскулинности* приводит к **несоблюдению правил** и стандартов

•Сочетание *индивидуализма* и низкой *терпимости* **препятствует сам организации**

«+»

Возможности, связанные с нынешними социокультурными характеристиками:

•**нацеленность на самореализацию;**

•**высокая креативность;**

•**способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам**

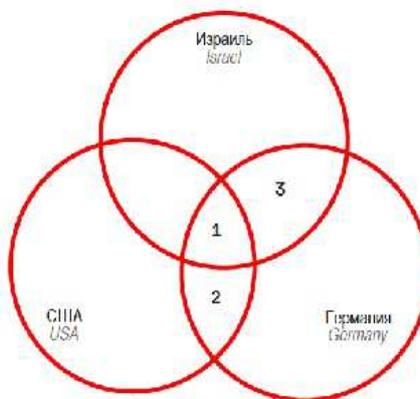
Это портрет, я о нем уже говорил, он был сделан с использованием личного положения, когда я возглавлял Консультативную группу президента по модернизации, мы заказали эти микросоциологические исследования по особенностям поведения наших соотечественников в инновационном секторе Германии, России и США. Таково положение страны с точки зрения социокультурных характеристик:

По опыту успешных модернизаций сдвиги социокультурных характеристик достигаются за 10-20 лет. Инструментами могут быть образование, язык, формы пространственной организации (архитектура, устройство офиса и т.д.), при этом важно использовать существующие возможности и не утратить наличные конкурентные преимущества.

Мы, с одной стороны, имеем характеристики, которые блокируют изменения, не позволяют делать массовое производство, препятствуют самоорганизации, - а, с другой стороны, есть характеристики, которые нам позволяют в определенных нишах продвигаться очень даже неплохо. Вопрос - как можно это все вместе использовать? Секрет модернизации - это вопрос, как вы можете из существующих недостатков сделать достоинство. Теперь давайте вернемся к образованию специалистов. Вот смотрите, это свежий анализ, который был сделан нашими коллегами из Института национального проекта в прошлом году.

Мы посмотрели на те трудовые рынки, где наши соотечественники широко представлены много лет. Это Германия, США и Израиль. Там есть трудовая статистика, есть миграционная статистика. Мы можем посмотреть успешность наших соотечественников. Они потрясающе успешны в IT, математике, физике, химии. Они более успешны, чем те, кто в этой стране родился, или конкуренты из других стран. Это зона абсолютного лидерства тех, кто получил образование у нас. На втором месте - второе и третье по двум странам - лидируют люди из искусства, спорта и медиа, либо люди из медицины и биологии. Это второй эшелон наших преимуществ в мировом развитии, качества человеческого капитала, который здесь производился. А это картинка не наша, это исследование McKinsey про то, что будет со спросом на высококвалифицированных специалистов, прогноз на 2030 год.

Профессиональные сферы конкурентного преимущества выходцев из России

1. Специалисты ИТ, математики, физики, химии
2. Профессии, связанные с искусством, спортом, медиа
3. Специалисты в области наук о живой природе (прежде всего, биологии)

* Источник: исследование ИИП «Общественный договор»

Связь между культурными характеристиками (в частности, *дистанция власти, индивидуализм, долгосрочная ориентация*) и спецификой образовательного процесса и профессиональным профилем находит частичное подтверждение в работах Hofstede, 2002; Leung et al., 2006; Hagerdorn, Purnamasari, 2012; Большая Москва: формирование смысла, 2012.

Спрос на образованных людей, особенно в точных науках, будет расти во всем мире. Это создает возможности для России

Разрыв между спросом и предложением высококвалифицированной рабочей силы, прогноз на 2030 г.

Источники: McKinsey Global Institute, The world at work: Jobs, pay, and skills for 3.5 billion people

Обратите внимание, что в развитых странах дефицит высококвалифицированных людей к 30 году 16-18 миллионов в инженерной специальности и других технических областях.

А вот *вывод*, который я хотел предложить вашему вниманию.

Воздействие культуры и образования на конкурентоспособность экономики

Гипотеза Р.И. Налхарта: формирование ценностей приходится на период ранней взрослости, т.е. период обучения в университете.

Смотрите, что получается. Что фактически делает университет? Университет опирается на культурную рамку, которая уже создана, и эта культурная рамка, задавая ценности и поведенческие установки, способствует одним результатам и препятствует другим. Кстати, почему и с какими профессиями это связано – это тоже исследовалось. Когда есть такие характеристики, как высокая дистанция власти, средний или высокий индивидуализм и наличие долгосрочной ориентации – это характеристика нашей страны, – то хорошо производятся математики. В такой стране формируются математические школы, но хуже производятся юристы и журналисты. Анализ миграционной статистики пока приводит к таким результатам. Значит, мы имеем ситуацию, когда можно нынешние воспроизводящиеся способности в определенной группе специальностей использовать как основу образовательной подготовки, и тем самым производить высококачественный человеческий капитал в мировом смысле.

Это позволяет стране *удерживаться*, но не позволяет *развиваться*, потому что проблема - как реализовать третью гипотезу, как сдвинуть такие характеристики, которые не позволяют делать, например, высокотехнологичные массовые производства? Сошлюсь на гипотезу Инглхарта, что ценности у людей кристаллизуются в ранней взрослости - от 18 до 25 лет. Это возраст пребывания в университетах. Поэтому я бы сказал, что вот здесь, скорее всего, находится позиционирование успешных российских университетов. Если мы помним, что их миссией тоже является культура, не только высокая специальность, но и культура, потому что они на этой культуре стоят, они из нее делают капитальный результат, это делается из *существующей* культурной рамки, действующей в системе образования. С другой стороны, должны несколько сдвигаться те характеристики, которые блокируют желаемые в стране изменения.

Это все практические вещи. Мне интересно, как устроен мир, но мне еще важно понимать, куда двигать один из самых больших факультетов МГУ им. Ломоносова, который устойчиво производил, производит и будет производить элиту для России и ряда соседних стран. Я для себя из предложенного взгляда сделал три вывода. Во-первых, ограниченная рациональность заставляет ориентироваться, прежде всего, на студентов, и МГУ силен именно тем, что этот шпиль - мощный магнит, который продолжает притягивать самых талантливых ребят. Я могу просто цифрами подтверждать, что не преподаватели, а студенты МГУ - это по-прежнему, благодаря действию этого притяжения шпиля, самые талантливые студенты в России, поэтому даже при каких-то изъятиях образования наши факультетские команды выигрывают национальные первенства, сейчас они по финансовому анализу в Лондоне вышли в финал Евразии. Проиграли финал, но они вышли туда! А до этого выиграли национальное первенство у всех конкурентов. Очень хороший стартовый студенческий потенциал студентов в МГУ, поэтому очень важно его поддерживать. Это редкий ресурс, важный.

Второй момент - ну что делать, если нынешняя культурная рамка позволяет производить талантливых математиков, физиков, в мировом уровне конкурентоспособных, лучше, чем экономистов, юристов, журналистов? - я могу сказать, что делать. МГУ по рейтингу Блумберга в 2012 году занял первое место в мире по математической подготовке экономистов. Понятно почему - математические школы в МГУ. Поэтому мы сейчас совместные магистерские программы будем делать с ВМК, биоэкономику с биофаком и прочее. Нужно просто сцеплять эти вещи, чтобы наши талантливые экономисты пошли вместе с зонами прорыва, где накоплен культурный капитал. И третье - раз уж мы производим разного рода элиты - управленческие, исследовательские, академические, - может быть, мы сможем как-то повлиять на некоторые ограничения и характеристики этих элит, например, решить, по-моему, самые тяжелые проблемы, это сочетание высокого избегания неопределенности с высокой дистанцией власти? Это означает, что люди боятся будущего, значит, они сценарно не готовы мыслить, для элит это означает, что они вести никуда не могут, потому что страшно: вдруг там что-то произойдет? Вот эти вещи подвигать можно, не быстро, но, я думаю, лет через 20 при нормальной работе университета могут измениться характеристики российских элит. Спасибо, я закончил.

Обсуждение лекции

Борис Долгин: Спасибо большое. Я бы хотел сначала дать две сноски. Наверное, их надо было дать до, но, с другой стороны, понятно, что только по итогам мы окончательно знаем, о чем же будет лекция. Первая сноска - на лекцию Павла Юрьевича Уварова о том, как вообще возникли университеты в Европе, понятно, что они расширяют какие-то одни пункты из сегодняшней нашей лекции. А другая сноска - на лекцию Михаила Соколова о том, как устроены рейтинги университетов. Да, спасибо большое, было очень интересно, и это очень порождает мысли. Честно говоря, я-то по природе своей куда более скептически относителен МГУ и качества тех, кто туда поступает, в зависимости от факультета, и было немало людей, которым я отсоветовал на некоторые факультеты туда поступать, порекомендовав что-то, на мой взгляд, более качественное, но дело не в этом. Это как бы вопрос некоторой привычки, традиции, отнесения себя к традиции. Несомненно, репутация есть, и кого-то она притягивает, но пойдём по каким-то таким более принципиальным моментам. Если мы исходим из того, что задача такого массового вуза, «плохого» вуза, - это производство культурного человека, там опять-таки сложный вопрос, то, что было сказано по характеристикам, тот ли средний класс, который Татьяна Малева признала бы таковым, есть вопрос, а производят ли они *его* действительно, не стоит ли померить? Это не к лекции, это просто некоторый вопрос для будущих способов измерения качества образования вузов или качества вузов, потому что многих явно не устраивала та пятикритериальность, которую Минобрнауки, при всех возможных симпатиях, предложил. Эти 5 критериев были очень странные: явно они не мерили ни качества производства культуры, ни чего-то другого тоже не мерили.

Если 60% качества вуза - это студенты, то тогда, наверное, опять-таки, это еще одна интересная вещь к этим самым критериям - это необходимость мерить студентов. Там по студентам был только один критерий, которые мерил, собственно, ЕГЭ на входе. Это интересный момент, но опять-таки дальше надо думать о том, как править этот критерий. Это просто некоторые размышления. Дальше, если мы исходим из того, что бакалавриат будет заниматься производством культуры, вообще бакалавриат в целом, то отсюда явная потребность в том, чтобы, вообще-то говоря, убрать или уничтожить, или что-то другое сделать со специализацией в бакалавриате, перепланировать бакалавриат - и четко тогда концептуализировать его как общее образование, а магистратуру действительно, - как некоторое специальное образование, потому что это уже вопрос не качества университета, а того, что вообще-то там сейчас пытаются делать совсем не то. Может быть, есть смысл тогда об этом подумать. Были еще какие-то мысли, но я думаю, что я потом еще о них вспомню.

Вопрос из зала: Конечно, видна ваша мотивация, очень интересные вещи. Вы показали, что есть источник притяжения. Хотелось бы знать, насколько силен социум ваших соратников, которые глубоко задумываются об этом? Окружение. Единицы измерения - это как Александр Александрович скажет. И еще интересно было бы

знать, насколько серьезна деятельность разных комиссий президентских структур? У вас большой опыт. Как, с вашей точки зрения, эта умная и глубокая мысль достигает людей, которые принимают конкретные политические решения? Когда вы встречаетесь с людьми, которые принимают серьезные государственные экономические решения, как они понимают, что такое рыночная цена? Сейчас очень много законов идет и по поводу расплаты за дачную амнистию, сейчас ставится вопрос, что по истечении какого-то времени, если владелец квартиры не может оплатить...

Александр Аузан: Я, разумеется, согласен с тем, что хорошо бы то померить и это померить, несомненно. Всегда хорошо под высказанные мысли иметь возможность это обосновать. Частично это мерилось. И по среднему классу я напоминаю, что мы с Татьяной Малевой вместе участвовали в проектах, поэтому я примерно представляю направление поиска в современной теории среднего класса. Но хочу внести одну поправку - я, видимо, по вашим словам понял, что цифру я назвал неверную. Не 60%, а 40% студенты определяют. А остальные все факторы - 60%. Но 40% - это очень много.

Теперь позвольте к вашим вопросам. По поводу соратников - видите ли, меня немного смущает формулировка «соратники», потому что она предполагает, что есть одна рать, другая рать, и идут военные действия. На мой взгляд, идут некоторые поиски, и, разумеется, есть разные взгляды. Поэтому что я бы сказал об отношении к этим взглядам? Да, я излагал эти взгляды, во-первых, я их излагал ученому совету и профессорскому собранию родного факультета, я какие-то вещи оглашал на совете ученых советов МГУ, я делал доклад на встрече 30 классических университетов - и получил поддержку и понимание в частности от декана экономического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, профессора В.Д. Базилевича, который назвал этот взгляд возможной основой для развития классических университетов, что для меня было очень важно. Есть выпускники нашего факультета, с которыми я много разговаривал, потому что, во-первых, с ними интересно разговаривать, во-вторых, они занимают разные видные позиции в разных местах: в бизнесе, во власти и т.д. И они, по крайней мере, охотно обсуждают эти постановки, а я хочу сказать, для нас нормальная вещь, когда один выпускник нашего факультета Сергей Михайлович Игнатьев будет заменен на этом посту выпускницей нашего факультета Эльвирой Набиуллиной. Я обсуждаю это с нашими выпускниками, которые стали стэнфордскими и йелльскими профессорами. Не могу сказать, что они все согласны с этими подходами, - они все *обсуждают* эти подходы. Кто-то готов работать дальше над этими стратегиями, кто-то предлагает подумать над чем-то.

Теперь о воздействии на власть. Я бы сказал, что, когда власть что-нибудь делает, мы нередко получаем следы наших собственных взглядов 5- или 10-летней давности. Не принимаю аргумент, что власть все равно приняла решение и будет это делать, поэтому давайте ей поможем, чтобы она сделала что-нибудь менее вредоносное, потому что власть взяла нашу прежнюю недодуманную идею. Если мы считаем, что это неправильно, нужно срочно формировать другой взгляд и убеждать. Вопрос о том, как вообще взгляд превращается в какое-то решение, сложный. Я уже на прежних лекциях отвечал, что в опыте моего общения с президентами за последние 10-12 лет были случаи, когда убеждаешь главу государства в том, что нельзя делать этого, *пока эта предпосылка не сделана*, имея в виду, что нужно эту предпосылку обеспечить, они выслушивают, соглашаются *по-своему*: «Ах нельзя делать? Значит, не будем делать, потому что эту предпосылку я создавать не намерен». Поэтому власть на то и власть, принимающая решения, чтобы, исходя из тех проектов, которые предлагаются, выбрать то, за что они готовы нести ответственность, потому что это *их решение*. Это не означает, что я соглашаюсь с решением, - я просто говорю о том, как иногда происходит. Мы считаем, что мы убеждаем в том, чтобы что-то сделать, а на самом деле мы даем кусочек картины мира, и исходя из этой картинки представитель власти теперь будет действовать противоположным образом, но *исходя из этой картинки мира*.

Про бакалавриат, про специализацию. В нашем бакалавриате никаких специализаций давно нет. В МГУ на экономфаке мы перешли к системе 4+2 в 1991 году. Я думаю, что, может быть, МГИМО еще в это же время переходил, но думаю, что мы первые перешли. Мы отчетливо ставим задачу дать универсальность образования, которая потом реализуется в наших магистерских программах, которых как раз много, их 17. Факультет большой, на факультете 2500 студентов, но все равно 17 - это значительный набор магистерских программ. Поэтому означает ли это, что весь бакалавриат одинаковый? Нет, конечно. Поэтому то, что мы сейчас попробуем сделать, такой дифференцированный подход, различие не по специальности, а по *уровню* студента: надо сильному студенту дать возможность звездной траектории, поэтому мы начинаем проект, он называется «Первая группа». Мы попробуем сформировать группу из победителей всероссийских олимпиад. Учебную группу на 1 курсе. У нее будет свой научный руководитель, это профессор Принстона, наш выпускник, очень сильный экономист и математик. Но извините, я увлекаюсь.

Борис Долгин: Нет, ну, проблема бакалавриата, думаю, интересует достаточно многих.

Вопрос из зала: Глеб, студент. Ярослав Кузьминов недавно предложил передать функцию общего образования из университета в школы, как вы к этому относитесь? И второй вопрос, не стоит ли государству консолидировать финансовые ресурсы на подготовку математиков и физиков, чтобы готовить их на мировом уровне?

Александр Аузан: По первому вопросу наши взгляды с моим давним товарищем здесь противоположны, потому что школа, на мой взгляд, перестала справляться с этой задачей, в частности, потому что она включилась в подготовку к вузу. Повторяю, это не столько результат каких-то ошибок в реформах, а той всеобщей демократизации образования, которая всюду идет в развитых странах, это должно было произойти. Падение происходит и в школе, потому что я хочу напомнить, что и школа в начале 20 века не была всеобщей,

она была не все 10 классов, теперь 11. Поэтому по мере такой демократизации там тоже возникала эта проблема, поэтому когда мы начинаем думать: Боже мой, в гимназии-то было и то, и се, - я подразумеваю, что тот процент населения, который проходил классическую гимназию в России, - это было несколько процентов населения. Понятно, что за 100 с лишним лет демократизация привела к тому, что падает конкурентный уровень, и в школе тоже. Поэтому думаю, что придется дотягивать общее образование, и бакалавриата. Ведь когда мы не можем исправить школу, мы осознаем, что мы получаем этих студентов, талантливых, но недоученных, значит, мы должны эти программы развернуть, чтобы из них потом можно было сделать специалистов мирового класса.

Вопрос, не стоит ли сконцентрировать ресурсы на их подготовку, - я бы сказал, что эти ресурсы уже сконцентрированы. Обратите внимание, чем отличаются те факультеты МГУ, которые не поддаются тиражированию? Ведь есть такие факультеты, как химический или биологический, географический, ВМК. Чем они отличаются? Это факультеты, где за десятилетия накоплено колоссальное лабораторное оборудование. На химическом факультете работает больше 1000 человек, у нас порядка 720 на факультете, плюс человек 200 совместители, а у них сильно больше, под 1,5 тысячи, потому что лабораторные корпуса, многочисленное накопленное оборудование - это накопленный потенциал. Флотилия спутников МГУ, которая летает у МГУ, 3 супервычислителя, которые стоят на ВМК, - это результаты государственных инвестиций. Поэтому я бы сказал, что как раз правильно двигаться там, где эти сравнительные преимущества созданы.

Но означает ли это, что не нужно вкладываться в подготовку экономистов и юристов? Не означает. Отдать эти профессии на рынок? Вроде бы соблазн есть (да, у нас примерно половина студентов контрактные, а половина бюджетные). Но произойдет падение уровня. Падение уровня не потому, что человек с деньгами всегда глупее, а потому что не каждый умный поступающий имеет деньги для того, чтобы поступить на эти специальности. У нас начнется деградация. Я вас уверяю, что эти профессии позарез нужны нашим драйверам мирового роста. Я приведу очень простое доказательство. 13 февраля 2013 года - я считаю, что это исторический день в МГУ, я все время повторяю, что с этого дня я преподаю именно в Московском университете, при том, что я преподаю там с 1982 года, - в этот день в МГУ начался проект межфакультетских курсов. 107 курсов, которые читаются для студентов не своих факультетов. Из 17 000 студентов, которые слушают эти курсы, 3000 слушают курсы по экономике, это наши курсы. Спрос! Вот у меня в моем курсе основ институциональной экономики 20 факультетов, но преобладают ВМК и мехмат, географический факультет, геофак - это естественный факультет с серьезным оборудованием и прочим, с завязкой на космос. Надо понимать, что это особая публика. И, кстати говоря, наибольшее количество наших экономистов, кто пошел на естественные факультеты, пошли на 2 факультета - на биофак и на вычислительную математику и кибернетику. Мы это обсуждали, мы обсуждали это и с ректором, и с деканами, поэтому мы стали строить там, где протоптанные дорожки. Почему мы хотим построить биоэкономику как магистратуру с академиком М.П. Кирпичниковым? Потому что наши студенты идут потоком туда. Чтобы биоэкономика возникла как прорывная отрасль, нужен человек одновременно с экономическим и биологическим образованием. Нельзя снизить бюджетные инвестиции подготовки экономистов и юристов. Потому что задача, которую нам надо решить, - нам надо создать такую экономическую науку, которая способна работать с биологией не только инвестиционный паспорт проекта, а про глубинные вещи.

Вопрос из зала: Константин. Мы все учились чему-нибудь. Все зависит от студента и от преподавателя. Про студентов вы рассказали. А вот преподаватели, вот даже в 70-х годах, участвуя в закрытых институтах, у нас преподаватели ездили в Америку читать лекции, их приглашали. Какой процент ваших преподавателей приглашают в Америку, Германию, Францию?

Александр Аузан: Значит, тут ответ будет более сложный, чем со студентами. Могу сказать, что у нас большой процент ездит за границу, но, в основном, это Европа, а не США, потому что у нас очень тесные кооперации с университетами Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Италии, причем лучшими. От Гумбольдтского в Берлине, до трех миланских университетов. Хотя, конечно, в экономике лидируют американцы. У нас есть программы двух дипломов с американским университетом Джорджа Мэйсона. Это тот университет, где преподавал Василий Павлович Аксенов, он силен двумя вещами: humanities и космос, потому что он работает с НАСА. Я бы сказал, что нормальная траектория у нас выглядит, конечно, не так, что наших преподавателей переманивают, чтобы они читали лекции. С европейскими университетами кооперация работает, но так, чтобы за ними охотились, - этого нет. Но охотятся за нашими выпускниками, которые делают профессорские карьеры там. Есть проект, который мы сейчас реализуем, проект Foreigner, мы просто с тем сообществом нашей профессуры ведущих университетов Америки и Европы, наших выпускников, мы с ними связались, и они начинают с сентября читать курсы в нашей магистратуре. 3 курса каждому: 2 на английском, 1 на русском.

Их мотивация очень интересна. Наша мотивация понятна, зачем нам искать японца или американца, когда у нас есть свои выпускники, которые достигли такого уровня? Здесь ниже издержки понимания того, как здесь учат, зачем учат, как устроен один из старейших университетов. Но их мотивация связана не только с тем, что они хотят помочь родному факультету, но и рекрутировать учеников. Это сильнее у профессуры, уехавшей в Америку, чем у тех, кто уехал в Европу. Повторяю еще раз: математических школ в Англии и США нет. Они есть во Франции, Германии, России. Это означает, что получить экономистов с хорошей математической подготовкой легче здесь. Поэтому, я понимаю, что он обучит 20 человек, а одного увезет. Пусть. Я считаю, что это нормальные обменные отношения с преподавателями, которые присоединяются к тому, что делают наши преподаватели. По-другому формируется в старых университетах преподавательский состав и в новых, потому что новые набирают - знаете откуда? От нас. Я все время повторяю, что если вы хотите закончить Высшую

школу экономики, вы правы, потому что это очень хороший университет. Но если вы хотите быть *профессором* ВШЭ, то вы должны закончить экономический факультет МГУ. И сейчас молодые профессора ВШЭ – это выпускники МГУ. Мы умеем производить профессию. А для новых университетов это проблема, они их ищут на рынке. Там люди со своей достижительностью, со стремлением пойти в бизнес, они не любят длительных академических траекторий. Поэтому молодежь-то у нас подрастает конкурентоспособная, и у нас за профессором идет доцент, и у нас работает команда, а когда приводится человек извне, у него есть курс, конечно, а где команда, которая с ним работает и работает со студентами? Поэтому это совсем другие традиции. Опять не хочу сказать, что то, что у нас, – это хорошо, а то, что в новых университетах, – плохо, потому что это опять нехорошо по отношению к нашим коллегам, которые 20 лет назад создали ВШЭ. Нет. Просто это опять по Коузу, ну нет единственно правильного решения. Есть разные варианты со своими плюсами и минусами...

Вопрос из зала: А процент-то какой?

Александр Аузан: Экономисты ниоткуда не ездят в Америку преподавать. Они либо уезжают в Америку и преподают там, и этот процент маленький. Это, я бы сказал, на выпуск 2 человека, и они делают там карьеру, и теперь мы пытаемся их вернуть. Я не знаю, какой вы профессии принадлежите, я говорю о своей экономической профессии. Я вас уверяю, что примерно та же ситуация и в других европейских университетах, потому что доминирование в мэйнстриме американское. Они либо съедают этих людей, они просто кормятся людьми, которые воспитаны в других странах, но не приглашают их. Я читал в американском университете по программе двух дипломов, но это не тот случай, это не означает, что Америка не обойдется без моих лекций. Поэтому у нас сейчас так. И будет так, если мы не сформируем свои школы и направления, потому что я полагаю, что сейчас мы конкурентоспособны в основном по математической подготовке, и поэтому Америка съедает наших учеников, выпускников, а вообще, хорошо было бы сформировать свои научные школы. Я полагаю, что они сформируются в ближайшие 10-20 лет. Это медленное дело, их весь 20 век рушили у нас в стране.

Борис Долгин: В продолжение того, о чем вы уже говорили, такой вопрос об идентификации. Представим себе экономический факультет лет через 10. Предположим, вам удастся сделать с ним все, что вы хотите в течение этих 10 лет. Как бы вы хотели, чтобы позиционировался экономический факультет МГУ по отношению к соседям: к ВШЭ, к РЭШ? Как бы вы видели специфику?

Александр Аузан: Посмотрим на конкурентов, с которыми на самом деле все сложнее. Мы находимся, скорее, в симбиотических отношениях, и это очень важно, потому что, например, РЭШ – это сейчас лучшее учебное заведение, которое готовит магистров. Лучшее в каком отношении? Для ухода на Запад. Для тех, кто хочет работать потом в Принстонском или Йельском университете, лучше всего закончить РЭШ. Но откуда бакалавры, которые идут в РЭШ? Наш факультет там представлен примерно так же, как Физтех и мехмат МГУ, то есть это симбиотические отношения. То же самое с Высшей школой экономики, там другой симбиоз. Наша профессура в значительной степени все время переходит туда, реализуя очередное поколение идей в ВШЭ. Тем не менее, в чем различие позиционирования? Экономфак МГУ традиционно формировал элиты. Так было и в СССР. Когда я приезжаю в соседние страны, всякий раз мне говорят: профессор, вы будете встречаться с выпускниками, эти люди хотят поужинать с вами, эти люди возглавляют банки, министерства.

Именно поэтому у нас на факультете экономика и управление вместе, они соединены. Потому что мы людям должны давать одновременно картину мира и некоторые навыки для того, чтобы этим распорядиться. Мы намерены эту историческую специализацию и развить, то есть не преобладание, скажем, в бизнес-структурах, не обслуживание экспертных запросов правительства, не производство сырого материала для западных университетов, а доминирование в пространствах России и соседних стран, доминирование, потому что мы конкурентоспособны, и мы обыгрываем здесь и американские университеты, потому что у МГУ есть 5 зарубежных филиалов, а теперь будет 7, и 3 из них – это филиалы с экономическим факультетом. С кем мы конкурируем в Казахстане, Азербайджане, Украине? Мы конкурируем с американскими, турецкими, британскими университетами. Мы выигрываем эту конкуренцию за право формировать эти элитные слои в исследованиях, в управлении, в госслужбе и т.д. Я думаю, мы останемся доминирующим производителем профессуры, это обычно для магистерских, для профессорских университетов. То есть значительная часть профессуры для наших конкурентов будет выходить от нас – это хорошо, это нормально.

Вопрос из зала: Спасибо огромное за такую интересную лекцию. Соломатина Наталья. Я преподаватель в плохом-плохом университете. Поэтому тут ряд вопросов. Во-первых, немного насчет математики. Знаете, есть такой взгляд, что в странах, где была гуманитарная система, лучше всего изучают математику, музыку. Мне кажется, что это немножко не тот путь. Там высокая дистанция власти. Почему вдруг математика? Мне кажется, надо пересмотреть это. Может быть, тут какая-то ошибка, и она может много стоить. Дальше, вы говорите, что бакалавры должны быть культурным пространством, – все правильно, но если вы дадите такой лозунг, то это будет черте что. Представляете, бакалавры придут, и будут учить культуре так, как сейчас учат. Тут надо быть очень выдержанным и сделать все-таки культуру, не хватает глубины, чтобы это было интересно, чтобы это был глубокий курс, чтобы они в нем прошли все, иначе тогда мы вообще убьем образование. Дальше, знаете, вопрос еще такой, звучит не очень, мне спиральная динамика очень не нравится. С точки зрения этого роста моральных ценностей, ценность власти, ценность как самоэффективность, на этой почве, понимаете, мне кажется, что этот Лоухэм, который в стране, так сказать, будет самым эффективным. Это тоже очень важная вещь, именно изменение ценностей морального плана. Это следующее, потом дальше. Насчет того, что математиков готовить. Математики – это прекрасно, но у нас колоссальный пробел, что у нас нет нормальных менеджеров. Мало того, в Советском Союзе никогда не

изучались хорошо гуманитарные науки. Я – тот человек, который с техническим образованием преподаёт социологию, психологию, социальную психологию, и так как техническое образование было, как-то получилось, что образование я получала сама, и сделала это поглубже, как мне кажется. Ещё один вопрос. Не надо ли убрать сначала трансакционные издержки маленькие? Что такое переход на магистратуру? Вы думаете, самые умные идут? Нет, не самые умные. А дальше диссертации – это же вообще кошмар, что придумали. И таких – ну очень много.

Александр Аузан: Я буду коротко отвечать, потому что вопросы очень хороши, они ещё показывают, что я, видимо, не хорошо объяснил. Смотрите, когда я говорю о культуре, я говорю о культуре в лотмановском смысле, то есть не про то, что люди должны учиться всюду искусству, музыке, рисованию, а о производстве смыслов, о ценностях и поведенческих установках. Поэтому, когда я говорю об обучении бакалавров, что это не специализации, это, тем не менее, профессиональная подготовка, но она универсальная. Я могу сказать про наших бакалавров: они пользуются очень большим спросом у «большой четверки», консалтинговые компании просто охотятся за нашими бакалаврами. При этом, когда я спрашиваю: а вам нужно, чтобы они стали магистрами? – они говорят «нет»: им просто нужно, чтобы их готовили универсально. Дальше их дообучат. Они очень хорошо меняют сферы деятельности, делают карьеру, благодаря универсальности образования. Поэтому отсутствие специализации – это универсальное образование. Почему я так радуюсь проекту межфакультетских курсов? Потому что универсализм не должен замыкаться экономикой. Очень хорошо, что студент МГУ теперь обязан записать за время обучения в свой список 4 курса с других факультетов. Это очень правильно, это универсализм. МГУ использует свое преимущество, что мы вместе имеем такой широкий спектр.

Борис Долгин: Близкие подходы исповедуют и некоторые другие вузы. Андрей Зорин то, что разрабатывал для Академии народного хозяйства и госслужбы для факультета госуправления, эти подходы очень близки.

Александр Аузан: Да. Но если бы в Академии народного хозяйства был химфак, биофак, географический факультет, биолого-почвенный, факультет наук о материалах и т.д., то *тогда* эти подходы были бы очень близки. Мы просто работаем в принципиально другом спектре. И это не наша заслуга, а это исторически накопленный результат первого из российских университетов. Про математику – да, конечно, можно сказать и так, что эти характеристики часто встречались в тоталитарных и авторитарных государствах, и сейчас встречаются. Эти культурные характеристики по-прежнему при нас, потому что инерция довольно серьезная, причем есть ли это результат политических режимов? Не знаю, это сложный вопрос, откуда они берутся. Я ведь говорю о том, что, во-первых, наборы предпосылок для этих профессий по-прежнему сохраняются. Может быть, потом они исчезнут, но пока это есть, и поэтому это и надо пока использовать, одновременно сдвигая.

Борис Долгин: Случилась путаница, потому что вопрос был об общем уровне владения предметом.

Александр Аузан: Давайте я скажу то, что чувствую эмпирически. Проблема, конечно, есть. Наши математики 30-го августа проводят тест, и это при том, что у нас вступительный экзамен. Мы живем по закону о двух университетах, мы проводим вступительный экзамен по математике, мы отбираем прежде всего по дополнительному испытанию по математике. Причем в один день по единой программе пишется математика на все факультеты МГУ, где есть прием по математике, от мехмата до Высшей школы бизнеса. Просто разные результаты дают основание для зачисления на разные факультеты. Потом мы проводим тест 30-го августа, наши математики, после чего они приходят с прогнозом и говорят: прогноз отчисления на первую сессию – 25 человек, или 40 человек из 500, которых мы набираем. Но проблема, с которой уже я столкнулся, – конечно, уровень школ, подготовка математическая. Даже не в России – в России есть школы, которые готовят очень неплохо, в совершенно неожиданных местах. А вот Украина, Казахстан, я уж не буду говорить о других республиках, более удаленных, великая проблема ребят, которые приходят оттуда, – они не вытягивают математику. Мы что только ни пытались делать, они сами это понимают, говорят: ну, нет в Луганске такой математической подготовки. И, к сожалению, очень часто это кончается отчислением. Поэтому то, что в целом просел уровень математической подготовки, особенно в тех пространствах, откуда просто люди уезжали в другие страны, но, по-прежнему, немалое количество людей с очень хорошими способностями и очень неплохой подготовкой, – нужно ли это все сохранять, хороший ли это фильтр? Фильтр просто замечательный, просто самый хороший. Это фильтр на обучаемость, поскольку проблема ограниченной рациональности студента, как и любого другого человека, ключевая в университете, математика дает очень хороший тест. Про ценности и сдвиги ценностей, кстати, я не ответил на вопрос про цены, про рыночные цены.

Рыночная цена – это для экономистов не проблема, но в нормативном понимании это проблема. То, что меня поражает в российском высшем образовании, – смотрите, установлен законодательный запрет там, где готовят бюджетников, где бюджет дает деньги на подготовку специалиста, и одновременно набираются контрактники, опускать цену ниже цены бюджета, потому что с рыночной ценой происходят вещи странные, например, бюджетная норма, выделенная, – 60 тысяч рублей в год на подготовку экономиста-бакалавра. Для МГУ это просто капля в море, мы реально тратим в районе 300 тысяч рублей в год, но не будем про это говорить. Знаете, сегодня со мной говорил декан одного из экономических факультетов одного из крупных российских городов, говорит, у нас и контрактники есть. Я говорю: а почему у вас они? – Не как у вас, конечно, не 10 тысяч долларов, а 45 тысяч рублей. Нам, конечно, не хватает. То есть вы бюджетные деньги перекачиваете на подготовку контрактных студентов? Ну, вот так.

Поэтому чудеса, которые происходят, я могу объяснить только одним. Какая рыночная цена? Это несовершенный рынок, это в известном смысле вообще не рынок, с монополиями, олигополиями, поэтому тут могут быть такие неожиданные сюрпризы ценовой динамики, тут парадокс Гиффена может работать когда *выше цена, тем выше спрос*. Тут многое может быть. Видите ли, ведь что такое хорошо, что такое плохо – это

очень сложный вопрос, поэтому я хочу вернуться к этим самым характеристикам. Это хорошо ли иметь ценности рационально секулярные - или лучше традиционные? *Неизвестно*. Это выбор человека, нации, общества и прочего. Мы можем сказать одно - что если люди в такой-то стране руководствуются такими-то ценностями, и у них такие-то поведенческие установки, то это будет иметь вот такие *экономические* последствия. Поэтому если мы хотим жить так, а не так, то это может потребовать изменения в ценностях и поведенческих установках. Будет ли это *правильно*? Не знаю, это открытый вопрос. Вам либо нужно будет отказаться от желания производить собственные конкурентоспособные машины, либо поменять отношение к стандартам, которые неприлично в России соблюдать.

Про трансакционные издержки – конечно, их нужно убирать там, где их можно убрать. Как вы понимаете, с помощником президента по этим вопросам я обсуждал не только эти вещи, но то, что Закон о высшем образовании, вступающий в силу, некоторые весьма странные решения по аспирантуре принял, у нас слово «соискатель» законом уничтожено. Спокойно, все будет восстановлено! Аспирантура в академических институтах тоже чуть не рухнула, потому что раз это образовательная деятельность, нужно иметь образовательную лицензию. А у ФИАНа нет образовательной лицензии, значит, он должен закрыть аспирантуру. Шибко быстро делали. Нужно ли снимать такие трансакционные издержки? Нужно. Как можем, снимаем. Поэтому соискательство будет восстановлено, аспирантура в физических институтах сохранится и т.д.

Вопрос из зала: Виктор. У меня к вам есть два вопроса: вопрос первый, не должен ли университет, высшее образование идти в школу? Вы говорите, что очень низкое качество абитуры, при этом понятно, что как ценности формируются в возрасте 18-25, так некоторые умственные умения должны формироваться в школе. И если мы попытаемся формировать их в университете на младших курсах, ничего хорошего из этого не получится. И второй мелкий частный вопрос по поводу МФК. В программе многих факультетов есть экономика. По моим воспоминаниям 10-летней давности это довольно ни о чем. Не надо ли исправлять то, что уже есть, а не создавать новое?

Александр Аузан: Значит, по первому вопросу. Очень тяжелый, трудный вопрос, Потому что по логике вроде бы *должен* идти в школу, но *может* ли? Я приведу разговор с одним из наших выпускников не в России, который там ключевую позицию занимал и объяснял мне, говорит, мы вот сделали совместный университет с Британией, поставили два входных условия: математика и знание английского языка. Привезли британскую профессуру, и выяснили, что не можем набрать достаточное количество ребят в школах, которые достаточно знают математику. Он возглавлял колоссальную очень богатую госкомпанию, и он сказал: «Моя компания, конечно, может сделать университет, но она не может поднять школы: это слишком много». Вот я бы сказал то же самое про университеты. Куда могут прийти университеты? Могут ли они прийти в *значимое количество* школ? Не могут. Мы ровно этот вопрос обсуждали в понедельник с ректором и представителями других ведущих университетов в области экономики и менеджмента. У нас было заседание комиссии по школам, ассоциации ведущих университетов России по экономике и менеджменту. Моя позиция состоит вот в чем: на мой взгляд, наша задача – не поднять уровень в школе для того, чтобы, например, они легче поступали к нам, а заниматься совершенно другими вещами, причем, скорее всего, на базе каких-то факультативных школ. У нас ЭМШ (экономико-математической школе) 45 лет будет, мы в мае будем отмечать. Это школа бесплатная все 45 лет, где студенты преподают школьникам. ЭМШ учит, как сдавать экзамены? Нет. ЭМШ учит, как жить, когда вы сдадите экзамены, и для чего жить. Поэтому там читаются курсы одновременно про поэзию серебряного века и что-нибудь математическое.

Я считаю, что задача университета в школах – формировать вот эти вещи, так же, как и олимпиады. Есть олимпиады, которые надо проводить для отбора. А у нас в это воскресенье на факультете будет III открытый чемпионат школ по экономике. Знаете, чем он отличается? Мы категорически не хотим давать какие-то льготы по результатам, потому что он не для этого проводится. Он проводится для того, чтобы люди показали не только индивидуальную, но и командную конкурентоспособность, потому что жесткие рейтинги плохи тем, что люди разучаются сотрудничать. А во-вторых, это делается не для того, чтобы поступить, а для того, чтобы жить было значимо и интересно. Я сторонник того, чтобы делать другие олимпиады, другие факультативные школы, это мы можем. Потому что фактически при нынешних дистантных технологиях, при тех возможностях, которых 45 лет назад точно не было, можно это сделать. А прийти в значимое количество школ, по-моему, нельзя.

Теперь про преподавание экономики. Во-первых, не наш факультет преподает экономику на ваших факультетах, поэтому мы сейчас обсуждаем ровно этот вопрос с ректором. Я говорю: мы можем это делать, мы попробуем это сделать. Это просто, потому что 39 факультетов, ну извините, это сколько людей нужно? В принципе, мы могли бы это попробовать, но это все равно МФК не заменит, потому что в межкафедретских курсах, есть выбор между 10-ю экономическими курсами, которые мы даем, еще парочка экономических курсов дается факультетом госуправления, парочка – Московской школой экономики. Выбор, который важен для студента 4 курса или 1 года магистратуры, потому что ему вот это нужно, одному нужна экономика предпринимательства, а другому нужна интеллектуальная собственность, курс, который мы тоже читаем. Эти заточенные курсы мы можем дать только в каких-то кусочках, если начнем преподавать другим факультетам. Я согласен с вами, что экономика должна быть значимой и интересной внутри МГУ, но это не решит вопроса специализации, а это уже вопрос. Как мне сказал декан ВМК, Евгений Иванович Моисеев, «мы же знаем, что многие выпускники ВМК потом получают экономическое образование, давайте что-нибудь попробуем сделать параллельно». Для того чтобы применять свою прикладную математику, им не хватает экономического

образования, и не ликбеза, а довольно заточенного. Поэтому магистратуру надо делать, а под это чтобы сориентироваться, нужны курсы другого уровня, чем ликбезовские.

Борис Долгин: А нужны ли тогда эти якобы ликбезовские, которые, если я правильно понимаю, я сейчас не буду говорить об МГУ, но как бы естественнонаучные, точнее, вводящие естествознание для гуманитариев, и гуманитарные для представителей иных специальностей, нередко и те, и другие читаются бывшими научными коммунистами или кем-то примерно того же рода?

Александр Аузан: Вообще, самая тяжелая проблема – это кто читает и как читает. Высшая школа экономики предложила ввести ЕГЭ по экономике, чтобы мы могли преподавателей экономики в школах поддержать. Идея, может, и правильная, но кто же в школах будет преподавать экономику? Кадров-то нет. А значит, начнется дикая профанация, страшная порча мозгов. Поэтому я выступил с неожиданным и альтернативным предложением, сказал: а давайте мы лучше географию введем как ЕГЭ. География – штука более или менее бесспорная и сильно полезная для экономиста. Знание географии позволяет распределение ресурсов понимать. Это исторически сильная специальность в школах. Я понимаю, что она тоже не в лучшем виде, но легче преподавать во всех школах географию, наладить, усилить, чем ввести экономику.

Валерий Аджиев: Я автор статей на Полит.ру о мировых университетских рейтингах. Не кажется ли вам, что вся эта проблема миссии университета, а так же их конкурентоспособности не только на пространстве российско-среднеазиатском, она в значительной степени зависит от общей ситуации в России? Ситуации социальной, политической. Соответственно, этот миф, что в нашей стране физики... Как выпускники нынешних университетов пользуются спросом в разных капиталистических странах – это миф, потому что внутри России сейчас умные абитуриенты и их родители знают, что учиться на современную физику смысла нет, потому что в России возможность работать на мировом уровне ограничена. Если человек имеет исключительный талант, он может потом уехать на Запад, но внутри России физик-эмгэушник очень часто заканчивает в качестве программиста. Соответственно, сама эта очень хорошая программа, но провисает она в воздухе, потому что общество, власть и население не готовы к этой прекрасно обрисованной миссии современного университета, и российское образование обречено в обозримом будущем быть замкнуто на себя само и на это постсоветское пространство, а вот выход за рубеж – это для штучных талантов, которые, безусловно, есть. Есть университеты российские, которые дают базовое образование на высоком уровне, но уже научить современной физике здесь почти некому.

Борис Долгин: А можно уточняющий вопрос? Что следует из вашей гипотезы? Нужно поднять руки и сдаться?

Валерий Аджиев: Просто надо понимать, что в обозримом будущем не нужно замахиваться на эти 5 мест в мировых рейтингах. Нет сейчас конкуренции у западных университетов с российскими, вопрос вообще так не стоит. Российское образование сейчас очень замкнуто в себе.

Александр Аузан: Если позволите, во-первых, я ведь говорю не о своих каких-то там внезапно сформировавшихся представлениях, а о расчетах. Вот это рынки, это все статистические расчеты на достаточно больших массивах. Да, мы можем говорить, что это волна, инерция предыдущего времени, но, пардон, а почему же инерция предыдущего времени, когда это совсем не наши исследования, которые показывают, что есть такие зависимости не для России, а для разных стран? Нет математических школ в Англии и США. Нет и не было. Есть во Франции, Германии, России. Это факт. При том, что мы понимаем, что есть прекрасные, например, школы в области права, экономики и т.д. Существуют такие зависимости. Можно понять почему? Мы в научном смысле ровно этими вещами занимались для того, чтобы дать ответ на вопрос. Теперь по поводу того, существует ли сейчас спрос, во-первых, штучно – не штучно? У нас, по моей прикидке, до кризиса 2008 года примерно каждый 5-й мой выпускник уезжал работать либо в Западную Европу, либо в Северную Америку. Это штучно? Это не штучно, это конкурентоспособность. Если говорить об инженерных профессиях, то расчет Маккинси я бы подтвердил еще одной вещью. У нас сейчас Бауманский университет поставляет инженерные кадры в Европу. Европа не очень сейчас справляется с подготовкой кадров в тех количествах, которые нужны. По крайней мере, эта тенденция до 2010-го года сохранялась.

Теперь относительно того, есть конкуренция или нет. Поскольку я много общаюсь с коллегами по этим поводам – рейтинги, связи с европейскими университетами, вы поинтересуйтесь, что германская или швейцарская профессура, испанская или, например, австрийская говорит о тех или иных требованиях к рейтингу. Например, потрясающий момент. Я понимаю, откуда взялся уровень требований в рейтинге к доле иностранных студентов, это правильно. Потому что это ключевой вопрос конкурентоспособности. А вот откуда показатель доли иностранной профессуры, работающей в университете? То есть чем больше доля иностранной профессуры, тем лучше университет. Дорогие мои, это модель университетов в одной стране мира – в США. Она формируется и всегда формировалась за счет иностранной профессуры. Я же не спорю, может быть, это очень разумно для такой модели, но почему же мы или Германия должны разогнать свою профессуру и набрать китайцев для того, чтобы соответствовать этому рейтингу? На самом деле, ситуация не в том, что кто-то замыслил что-то дурное против нас. Нет, просто этот костюм сшит не для нас – он сшит по другой модели. Поэтому что мы обсуждаем с теми же ведущими европейскими университетами? Вместо того, чтобы ругать международные рейтинги, которые сделаны по англосаксонской модели, надо просто делать рейтинги по континентальной модели. Марбургский университет, по-моему, отказался рейтинговаться. Я считаю, что наша вина в том, что мы просто не делаем рейтинги, которые настроены на эту модель университета, потому что в данном случае различия существенные.

В чем они состоят? Англо-американский университет – это, прежде всего, научно-исследовательский университет, который еще и образованием занимается. Континентальный университет – это образовательное

учреждение, которое производит элиты в стране. И это не только у нас. Это масштабное образование, где наука – инструмент, подпорка для картины мира. Это *другая модель*, и для этой модели нужны другие измерители. Поэтом когда, скажем, убирают англосаксонские университеты, то МГУ оказывается на 3-м или 7-м месте, когда это идет по Европе.

Александр: Мы живем в сырьевой стране. И спроса на такое количество умных образованных людей в нашей стране нет. Я слышал такую цифру, что около 50000 ученых ежегодно уезжает из страны за рубеж. Более того, даже в прошлом году скорость отъезда увеличилась. Какой смысл, как экономиста я вас спрашиваю, нам готовить, ковать кадры, чтобы результат получил кто-то другой?

Александр Аузан: По поводу того, зачем это все делать, давайте посмотрим. Во-первых, я бы привел фразу, которую академик Кирпичников любит цитировать, декан биологического факультета МГУ. На обсуждениях в Европе по вопросам разного рода биотехнологий, которые, в частности, вытесняют старую энергетику, регулярно замечали бывшего министра нефти Саудовской Аравии, шейха Ямани. Его однажды спросили, что он делает в таких обсуждениях, когда его страна плавает в нефти. Он ответил, что каменный век на земле закончился не потому, что закончились все камни. Причем заметьте, что страны, гораздо более обеспеченные сырьем, озабочены такого рода поиском модели будущего. На самом деле, отъезды, конечно, сейчас не увеличиваются по простой причине: рецессия в мире, все сейчас не нужны. Я говорил, что каждый примерно пятый из моих выпускников уезжал, – это было до 2008 года, а сейчас попробуйте найти рабочее место, это тяжело. Там для своих рабочих мест нет.

Если говорить о том, что действительно мы топим мир мозгами, то к этому обстоятельству можно относиться двояко. Первое – то, что мы природные наши ресурсы отдаем наружу, мы уже считаем нормальной экономикой. А если у нас есть такой ресурс, как креативный потенциал, если он является нашим экспортным ресурсом, то проблема тогда не в том, что они там работают, а проблема в том, что продукт полностью остается там, а мы остаемся без этого результата. Поэтому здесь я вижу два возможных решения. Не знаю, какое из них более фантастическое. Когда, скажем, футболиста известного по трансферу передают в «Арсенал» из «Зенита», то там денежные схемы работают так, что «Зенит» доволен, «Арсенал» доволен, Аршавин был доволен. Первый вопрос, нельзя ли создать систему роялти? Если это наша специализация, то, может быть, мы способны тогда позиционироваться в этом?

Борис Долгин: То есть, ум как природный ресурс?

Александр Аузан: Ум, только не как природный ресурс, потому что все-таки ум как природный ресурс – это *на входе* в образовательную систему. Он во многом утрачивает свою природность при прохождении образования. Поэтому это один вариант поиска, а второй вариант состоит в том, что если мы можем это делать, означает ли это, что мы можем это делать только для наших соотечественников? Или у нас эти системы настроены так, что мы можем производить этот продукт из иностранцев? Хочу заметить, что доля иностранцев, причем из стран, не связанных с нами исторически, у нас в МГУ растет. Не говоря о евроазиатской части, у нас – я в советское время не встречал там Южную Корею, Турцию. Из Латинской Америки в советское время была только Куба. В этом смысле, некоторая привлекательность наших моделей образования для мира существует. Вопрос, можем ли мы это разработать, или нет? Тогда это один из источников производства культивированных мозгов.

Но есть еще и третий вариант, – вариант сделать эти идеи внедряемыми внутри страны, но это самый трудный вариант. По последним расчетам, чистое время модернизации – 50 лет. Мы, конечно, не в нуле находимся, потому что у нас модернизационные процессы при Петре Первом начались, поэтому можно ли (где умные идеи внедряются хорошо в промышленность? в траектории А) перейти с первой космической скорости на вторую? Сколько времени это занимает? Переход занимает 20-30 лет, это длинный переход, поэтому будет ли в оптимистическом сценарии внедряемость этих идей в стране? Будет, но точно не через 5 лет, это точно. Это я могу сказать с высочайшей вероятностью. Что делать, пока мы движемся, надеюсь, по правильному сценарию, пока не возникла внедряемость здесь? Два варианта – либо система роялти, либо подготовка иностранных кадров и рента на этом, либо сосуществование того и другого.

Борис Долгин: Есть четвертый вариант, которого можно опасаться: зачем готовить слишком умных? Не стоит ли чуть меньше вкладывать в это дело, раз все равно не для себя готовим?

Александр Аузан: Понимаете, какая штука? Тут все равно есть риск, поскольку они ведь такие, какие есть, не только благодаря системе образования, а благодаря некоторой социокультурной рамке. Поэтому когда победителей всероссийских олимпиад пытаются сходу вместе с семьей иностранные компании пригласить и увести из страны, университеты тут еще и ни при чем – просто действительно очень талантливые ребята. Поэтому я-то считаю, что мы скорее участвуем в конкуренции – какого рода? Если к 2015 году МГУ не сможет развернуть широкую магистратуру для региональных университетов, я скажу, что произойдет. В 2015 году произойдет первый выпуск бакалавриата по обязательной схеме 4+2 – и куда денутся эти люди? Магистратуры строятся долго, их нельзя построить за 4 года, *нельзя*. Значит, они уедут в Европу, в Америку, в Австралию. В этом смысле мы уже находимся в некотором вынужденном варианте, когда если мы хотим сохранения этих людей для страны, то и после школы мы должны эту штуку развернуть, и после бакалавриата мы должны попробовать эту сеть растянуть, сделать. Поэтому я не хочу сказать, что я уж совсем оптимистически на это смотрю, но я считаю, что это все равно, что сказать, ну давайте мы разрушим трубопроводы, и пусть они нашу сырую нефть таскают ведрами, потому что это слишком способствует их экономическому процветанию, – я бы этого не делал.

Вопрос из зала: Дмитрий Исакин, врач и маркетолог. У меня вопрос насчет социальных сейфов. Очень интересная тема, я так понимаю, что это в совете обсуждается. Вы назвали три возможных варианта путей для школ, если закрыть эти университеты.

Александр Аузан: Есть доклад Татьяны Львовны Клячко еще пятилетней давности, где эти три сейфа названы. В данном случае я использую ряд идей, которые мы обсуждаем вместе, потому что мы с Татьяной Львовной находимся в некотором диалоге. Про те же математические школы считала она, а вот факторы искали мы.

Дмитрий Исакин: Там тюрьма, армия или университет. А почему других-то путей нет? Например, рабочие на заводе, на стройке, дефицитные специальности.

Александр Аузан: Как справедливо говорилось, у нас экономика так устроена, что она спрос предъявляет либо на низкоквалифицированный нестатусный труд, который заполняется мигрантами, и надо сказать, что они лучше работают, чем выпускники нашей школы, это тоже надо осознавать. Это опять к вопросу о соблюдении стандартов, инструкций, потому что наш выпускник школы (и не только школы) не очень соблюдает стандарты и инструкции. А в этих простых работах важно не придумать что-нибудь неожиданное, а убрать от сих и до сих. Поэтому, вообще говоря, предложение мигрантов более конкурентоспособно, чем предложение наших школьников. Не говорю уже о том, что не то, что у них отнимают эти рабочие места, но они туда и не собираются особенно. С высококвалифицированными рабочими все сложнее, у нас нет училищ, которые готовили бы рабочую аристократию, - их нет. Они сохранились только где? Единственная система, где эти училища сохранились, - это колонии, исправительно-трудовые лагеря, потому что там действительно готовят квалифицированных рабочих, только их потом не берут по понятной причине. На самом деле, что пытаются сейчас делать, и что доказывает такой факт погружения всей системы? Техникумы объявят высшим образованием, это будут прикладные бакалавриаты. Вдруг статус высшего образования привлечет людей, которые будут на самом деле мастерами, а не инженерами? Может быть, потому что в целом тренд системы такой - проседание в результате демократизации.

Дмитрий Исакин: Я где-то пару лет назад прочитал о концепции Кузьминова насчет мигрантов и рабочей силы. Он сказал, что нужно всем гражданам России дать высшее образование, а рабочие специальности будут занимать мигранты.

Борис Долгин: Это не была его концепция, вы что-то неточно прочитали.

Александр Аузан: Насколько я знаю его взгляд, он говорит о том, что когда достигается определенный уровень поступаемости в университеты, то возникает проблема конкурентности, поэтому он говорил о том, что нужно привлекать иностранных студентов для того, чтобы поднимать уровень, что мы должны конкурировать с американскими, британскими университетами за студентов. Американский студент не представляет такого большого интереса, как китайский, индийский, вьетнамский, латиноамериканский, потому что там отбор идет из маленького процента населения, и это люди с хорошими стартовыми данными. Посмотрите, кто сидит в библиотеках ночью в сильном университете в Европе или в Америке. Кто там всю ночь сидит и работает? Китайцы, индийцы. Я хочу сказать, следует ли из этого, что они все такие? Нет. Я, увы, нередко отчисляю китайских студентов, которые за деньги учатся у нас, потому что они не демонстрируют возможности работать день и ночь. А от студентов МГУ этого хочется ожидать: талантливости и работоспособности.

Борис Долгин: Спасибо большое

Дж. Сартори

* Так названа одна из глав книги Джованни Сартори "Пересматривая теорию демократии" (Sartori G The Theory of Democracy Revised. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N J., 1987. Part One The Contemporary Debate. XIV, 253 p.; Part Two. The Classical Issues. 542 p.). Мы публикуем из этой главы лишь два небольших отрывка. В них, как нам кажется, ярко выступает пафос не только всей книги, но в значительной мере, пожалуй, и всего творчества автора, который принадлежит ныне к числу крупнейших американских политологов-теоретиков.

Научная деятельность Сартори начиналась на родине, в Италии. В 50 — 70-е годы он был одним из лидеров "флорентийской школы" политических исследований. С 1976 г. ученый живет и работает в США, где он возглавил кафедру социологии политики Стэнфордского университета. Его теоретические труды, в том числе и представляемая нами книга, — весьма заметное явление научной жизни, и не только Америки. Редакция журнала, стремясь содействовать выяснению потенциального спроса отечественного читателя на наиболее значительные произведения современной политологической литературы, в данном случае учитывает и то, что в издательстве "Прогресс" рассматривается возможность выпуска книги в русском переводе. — Ред.

МЕНЬШИНСТВА И ЭЛИТЫ

Уже довольно нами сказано о "большинстве" — во всем множестве вкладываемых в этот термин смыслов. Пора теперь заняться "меньшинством" — и не только множеством смыслов термина, но и переизбыточностью [реальных] обозначений: политический класс, правящий (господствующий) класс, элита (элиты), властвующая элита, правящая элита, руководящие меньшинства, руководство и ряд других. Это обилие наименований никоим образом не означает, будто термин "меньшинство" обладает (по сравнению с "большинством") тем преимуществом, что каждому его смысловому значению соответствует одно имя. Наоборот, богатство наименований лишь добавило путаницу к сумятице: "Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием" (Zuckerman A. The Concept "Political Elite": Lessons from Mosca and Pareto. — "Journal of Politics" 39 (1977): 327).

Приступая к наведению порядка, заметим для начала, что все вышеприведенные выражения относятся к той или иной конкретной меньшей части, а не к "меньшинству" как артефакту демократических процедур (такому, например, как проигравшая на выборах часть голосующего населения, или меньшая часть парламента) Далее. Когда политический аналитик обращается к исследованию вертикальной демократии, его интересует не всякое возможное реальное меньшинство, а лишь такое, которое складывается в ту или иную контролируемую группу. Разумеется, религиозные, этнические, языковые и иные меньшинства играют важную роль в политике; но значимость в функционировании вертикальной демократии они приобретают лишь в том случае, если выступают в качестве политической контролирующей группы. Итак, объект нашего исследования мы можем обрисовать следующим образом: это — мера и характер (modality) политической контролирующей власти, коей обладают группы численностью менее половины того социума (universe), в отношении которого такая власть осуществляется. Нет нужды говорить, что ресурсы политической власти могут быть неполитическими (экономическими или иными). Необходимо в связи с этим иметь в виду, что контролирующая власть является политической в том случае, когда ее ресурсной базой служит политическая инстанция (office), и/или во всех случаях, когда она действует через каналы политики и влияет на решения тех, кто делает политику (...)

Еще одно упреждающее замечание касается разницы между вопросами: "что такое контролирующее меньшинство?" и "кто принадлежит к контролируемому меньшинству?" Первый вопрос выводит на концептуальную проблему, второй — на эмпирическую. Концептуальная задача — выработать определение "контролирующих групп", имея в виду их характеристики, причем различающимся между собой группам дать, соответственно, различные названия. Эмпирическая проблема — установить, существуют ли в действительности контролирующие группы, а также выяснить, кем и что контролируется. От концептуального анализа мы требуем принципиальной схемы (a framework) и/или типологии, эмпирическая же задача состоит в том, чтобы выявить, какая контролирующая группа существует в том виде, как она определена, т. е. задана вмененными ей характеристиками. Неумение усмотреть и четко различить концептуальный и эмпирический запросы, как и неумение заняться ими в должном порядке: прежде концептуальным, чем эмпирическим, — породило "теоретическую литературу об элитах и власти, ... вязнущую в невообразимой путанице" (Giddens A., in: Stanworth P., Giddens A. (eds.). Elites and Power in British Society. Cambridge, 1974, p. IX).

Критерии для выделения контролирующего меньшинства многочисленны. Два из них — первостепенной важности. Первый критерий — альтиметрический: контролирующая группа является таковой потому, что располагается — по вертикальному разрезу строения обществ — "наверху". Соответственно, мы можем сказать, что во всяком обществе власть находится у высшего властвующего класса. Согласно альтиметрическому критерию, предполагается: кто наверху, тот и "властвует" — предположение, основывающееся на том мудром доводе, что власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху. Может последовать возражение, что наш критерий работает благополучно, покуда перед нами пирамида власти, и не столь благополучно, когда перед нами "стратархия" (...), т. е. конфигурация власти без вершины (нестрогая и усеченная пирамида). Альтиметрический

критерий, однако же, применим и к стратархии при условии, что каждая страта (слой общества. — Ред.) будет иметь собственную "вершину" (и что будут приняты в расчет вытекающие из этого сложности). Заметим же, что в свете альтиметрического критерия всякое общество представляет собой стратархию и что складывающаяся в итоге стратократия может быть либо сконцентрирована в одной вершине, либо распределена между различными вершинами.

Альтиметрический критерий сводит дело к оправданию фактического положения вещей: кто наверху, тот наверху, а кто там находится — тот и "могуществен", он обладает властью и властвует. Но может ли этим все и исчерпываться? Средневековые и общества феодального типа основывались на том принципе, что каждый должен жить сообразно своему собственному статусу; однако уже в средние века были подвергнуты разбору и толкованию принципы *valentior*, *melior* и *sanior pars* (могущественнейшей, лучшей и разумнейшей частей. — Перев.). А старый режим был ниспровергнут как раз во имя того ценностного критерия, согласно которому вертикальная структура (*fabric*) общества должна быть вверена ведению достойнейших (признанных таковыми). Согласно этой более выигрышной точке зрения, некто не потому оказывается наверху, что обладает властью, а как раз наоборот — лицо обладает властью и находится наверху потому, что того заслуживает. Итак, другой критерий — критерий заслуги (*a merit criterion*).

Как эти два критерия переводятся на язык нынешней терминологии и как они ею выражаются? Поскольку возобладал в конечном счете термин Парето — элита (через посредство Лассуэлла, как мы увидим /... /), важно понять, почему Парето взял этот термин и как он его себе мыслил. В его "Трактате" ("Трактат всеобщей социологии". — Ред.) весьма четко сказано, что аттестация "элита" относится к людям высшего уровня "компетентности" ("*capacity*") в своей области деятельности (...). Но ближе всего к полному определению этого понятия Парето подошел в более ранней своей работе (...): "Эти классы ["люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества" и/или "так называемые высшие классы"] составляют элиту, "аристократию" (в этимологическом значении слова: *aristos* - лучший) Покуда сохраняется устойчивое социальное равновесие, большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами — неважно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть" (...).

Несомненно, Парето остановил свой выбор на термине "элита" потому, что вместе с этим словом во французский и итальянский — два его родных языка — вносилась латинская коннотация *eligere* (слово подразумевает отбор, выбор с разборчивостью), а с нею вместе, хотя и опосредованно, изначальный смысл греческого *dristoi* — лучшие по достоинствам (не по рождению). Таким образом, вводимое Парето понятие является в первую очередь качественным, а имплицитно становится альтиметрическим. Без сомнения, эта импликация дает ключ к паретианскому "круговороту элит". В самом деле, когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем состояние устойчивого общественного равновесия; когда они оказываются разведены — наступает неравновесие, порождающее круговорот: элиты "де-факто", т. е. альтиметрические, вытесняются элитами "по способностям", т. е. подлинными элитами. Хотя, таким образом, и можно сказать, что концепция Парето была и меритократической, и альтиметрической, тем не менее оба критерия связаны между собой именно в таком порядке, и победителем у Парето в конечном счете всегда в истории оказывается элита по способностям, а не элита у власти.

Лассуэллу, я полагаю, более, чем кому-либо другому, термин "элита" обязан своим утверждением в качестве общепринятой категории, применяемой при обсуждении конструкции, которую мы вслед за ним стали называть "моделью правящей элиты". Лассуэлл, однако, воспринял у Парето слово, но не понятие. Качественная коннотация термина "элита" у Лассуэлла исчезает. Одно из типичных для него определений гласит: "Политическая элита есть высший властвующий класс" (...). Это чисто альтиметрическая коннотация. В других случаях элита просто совпадает у него с "обладанием властью", как, например, в следующем определении: "Элиты — это обладающие наибольшей властью" (...). Здесь, как всякий легко убедится, налицо коренная трансформация концепции Парето — трансформация, достоинству которой противостоит не меньший недостаток. Достоинство — аналитического свойства, оно состоит в аналитическом преимуществе — в возможности отделить альтиметрическую характеристику (или охарактеризовать по признаку власти "де-факто") от качественного охарактеризования. Недостаток — семантического свойства: почему надо говорить "элита", совершенно не имея в виду того, что этот термин значит, т. е. выражает в силу своей семантической значимости? Далее, если "элита" уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой же термин мы употребим, когда эти характеристики будут иметься в виду? Таким образом, семантическое искажение, описав круг, возвращается, чтобы породить, в свою очередь, искажение концептуальное (...).

Если бы я сейчас взялся конструировать, или реконструировать, общую схему, в рамках которой формулировки губят ядро концепций, это завело бы меня слишком далеко. Позволю себе просто закрепить в форме резюме развиваемые выше положения. Во-первых, нашим предметом является контролирующая власть контролирующих групп. Представляется, что в данной формулировке лучше, чем в какой-либо другой, концентрированно выражена суть проблемы. Во-вторых, если мы хотим дальнейшего усовершенствования концепции Парето с помощью Лассуэлла и, наоборот, если мы хотим подправить Лассуэлла с помощью Парето, тогда следует проводить различие, как терминологически, так и концептуально, между властной структурой и элитной структурой. Не все контролирующие группы являются по определению либо в силу той или иной необходимости "элитными меньшинствами" (в паретианском первичном смысле); они могут представлять собой просто "властные меньшинства" (в лассуэлловском смысле). Коли так, будем их так и называть; ибо если не провести разграничения в названиях, неизбежно окажутся перепутаны и оба явления. Пора приступить к нормативному определению демократии как системы управления. Хотя к этой проблеме редко обращаются непосредственно, именно она обнаруживается за

нашим отношением к оценке руководства. Являются ли элиты и руководящие меньшинства необходимым (или даже не необходимым) злом или же они представляют собой насущное и благотворное достояние? В конце концов альтернатива такова: придавать ли меньше значения руководству или ставить его значение высоко?

Ряд авторов, высказывающихся в пользу второго варианта, внушительны как по своей протяженности в историческом времени, так и по незаурядности состава. Из древних не кто иной, как Фукидид, напоминает нам, что величие Афин достигло высшей точки при Перикле именно потому, что "его высокое достоинство, одаренность и прославленная честность позволили ему самостоятельно руководить людским множеством" ("История Пелопоннесской войны"). Когда более двух тысячелетий спустя мы у себя начали все заново, Брайс подытожил опыт своего времени в следующем лаконичном изречении: "Пожалуй, никакая форма правления столь не нуждается в великих лидерах, как демократия" ("The American Commonwealth", 1888). Еще около полувека спустя (...), после падения демократии в Италии, Германии и Испании де Мадариага писал: "Вопреки внешней видимости, либеральные демократии даже в еще большей степени, чем иные, более авторитарные формы правления, зависят от руководства; ибо... их естественная тенденция к ослаблению пружин политической власти (authority) должна уравновешиваться более высоким уровнем авторитета на стороне их руководителей" (Madariaga S., de. Anarchic ou Hierarchie. P., 1936, p. 56). В те же годы Карл Маннгейм пришел к тому же заключению: "Недостаток лидерства в прежнем либеральном массовом обществе можно диагностировать как результат перемены к худшему в отборе элиты... Именно эта общая недостаточность руководства предоставляет группам с диктаторскими амбициями благоприятную для них возможность" (Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction., L., 1940, p. 87). Линдсей в одном классическом тексте 40-х годов, когда вторая мировая война была на переломе, размышлял: "Чтобы устоять, демократия должна будет использовать и приспособлять к делу любое и всяческое умение, знание и руководство, какое только сможет оказаться в ее распоряжении. Без знания и умения, дальновидности и руководства невозможно содержать этот сложный взаимосвязанный мир, в котором мы живем. Всякое возведение в культ некомпетентности способно лишь привести к катастрофе (Lindsay A. D. The Modern Democratic State. L., 1943, p. 261). Тема возникает вновь у В. О. Ки, автора, который наилучшим образом отстаивает тезис о благоразумии электоратов: "Решающий элемент, от которого зависит благополучное состояние демократического порядка, складывается из убеждений, норм (standards) и компетентности тех, кто в пределах данного порядка выступает носителями влияния, лидерами мнения, политическими Активистами... Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку и катастрофе, то это идет именно отсюда" (Key V. O. The Responsible Electorate. — In: Public Opinion and American Democracy. Cambridge, Mass., 1966, p. 558). Со своей стороны, Дэниэл Белл высказывается об этом так: "Всякая оценка способности общества справиться со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа" (The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, p. 204). Вее, кто нами процитирован (а их ряд можно еще долго продолжать), — это авторы, пользующиеся уважением. Вряд ли можно сомневаться в том, что их слова правдиво отражают урок, извлеченный из опыта и из поистине длительного, глубокого, а часто и болезненного процесса обретения знаний. Между тем, однако же, если взглянуть на теорию демократии в целом, то нельзя сказать, чтобы идея, проповедуемая в приведенных цитатах, вошла в нее, обретая теоретический статус; высокая оценка значения руководства остается чем-то побочным, не вызывая значительных теоретических последствий. И это — совершенно безотносительно к нападкам антиэлитистов. В предшествующих главах я подробно останавливался на взаимодействиях между инертностью фактов и напряженностью идеалов, и моим лейтмотивом была мысль о том, что демократии нужен как реализм (осведомленность в фактах), так и идеализм (ценностное воздействие на факты). В соответствии с этим, а также последовательности ради, я теперь ставлю вопрос: как же проявляет себя вертикальная проблема демократии, будучи поверяема на этих оселках? Ответ прост: она никак себя не проявляет. Очевидный факт состоит в том, что идеалы демократии остались в большей мере тем же, что они представляли собой в IV в. до н. э. (за одним важным исключением: стала "цениться" отдельная личность (...)). Но это исключение не имеет касательства к настоящему рассуждению). А если идеалы демократии — это все еще в основном греческие ее идеалы, то, значит, они адресуются к прямой, а не к представительной демократии. Это означает, что и сегодня деонтология и ценностное воздействие демократии апеллируют только к горизонтальному измерению политики. Конечно, были и у греческого полиса магистраты (латинское наименование. В Афинах это были архонты, в Спарте — эфоры и т. д. — Ред.), и он обладал некоторой минимальной вертикальностью. Однако сравнивать вертикальное измерение античной полисной демократии с вертикальным измерением представительной демократии национального масштаба — все равно что сравнивать венецианскую колокольню с Эверестом. Поразительный факт, стало быть, состоит в том, что мы создали представительную демократию — сотворяя тем самым то почти-чудо, которое Руссо объявлял невозможным, — без ценностной опоры. Мало того, что воздвижение крупномасштабной вертикальной демократии не вдохновлялось соответствующим идеалом; те идеалы, что имеются, — как мы это вновь обнаружили в 60-е годы — могут за одну ночь превратиться в "боевой клич" против представительной демократии. Наименьшее, что можно сказать: демократия в вертикальном своем измерении по сей день остается без-идеальной; и хуже всего то, что в наших идеалах она легко обнаруживает идеалы ей враждебные.

Очевидно, что прямая демократия (будь то в прошлом или в настоящем) не нуждается в ценностном воздействии по вертикали, для которого в ней и места нет. Но должно быть столь же очевидно, что мы давно и окончательно переросли греческий трафарет. Сколько бы мы ни преуспели в возрождении малых образований прямой демократии, остается фактом, что такие — непосредственные — демократии могут лишь входить в качестве частей в более крупные единицы, являя в конечном счете микросоставляющие одного

большого целого, которое всегда есть непрямая демократия, строящаяся на вертикальных процессах. Если дело так и обстоит, то следует ли нам указанные процессы предоставить их стихийному (merit), "грешному естеству"? Может ли, соответственно этому, наш подход к будущему строиться просто на оживлении идеалов прошлого — идеалов, которым чужды проблемы представительной демократии? Именно так, по всей видимости, считают антиэлитисты и, говоря более общо, новые левые, ибо как суть, так и предлагаемое ими средство воплощения их идей составляет простой, в чистом виде, возврат к горизонтальной политике и ее широкое развертывание.

Опасаясь быть неверно понятым и пытаюсь — пусть даже тщетно — этого избежать, подчеркну, что если существует (а она существует) слишком лицеприятная литература о демократии, где проводится мысль, что мы показываем себя настолько хорошо, насколько позволяет человеческое несовершенство, то такого взгляда я не разделяю. Если бы я не испытывал неудовлетворенности тем, как работают наши демократии, я довольствовался бы демократией в дескриптивном (описательном) определении ее — как диффузной, открытой системы контролируемых групп, конкурирующих между собой на выборах, и, таким образом, избивал бы себя от труда продвигать разработку нормативной проблемы в том направлении, в каком я сейчас ее продвигаю.

В дескриптивном плане, я сказал, демократия есть выборная полиархия. Но чем ей должно быть? Если полиархия есть фактическое положение вещей, то какова же, соответственно, ее деонтология, каково нормативное положение вещей! Вопрос, по сути, не только в том, способна ли в конечном счете представительная демократия работать — и, оправдывая соответствующие надежды, работу свою улучшить, — не неся в себе собственного ценностного воздействия; вопрос, причем даже еще более настоятельный, в том, как она может продолжать работать, сталкиваясь с тем ценностным воздействием, которое все более обесценивает вертикальное измерение.

Это обесценение с очевидностью удостоверяется текущим состоянием нашей лексики. Группу слов, характерным образом адресующую к вертикальному измерению, составляют термины: "выборы, избрание" ("election"), "элита" ("elite") и "отбор, подбор" ("selection"). Все эти термины изначально понимались в смысле оценочного просеивания. "Избрание" означало на протяжении примерно пятнадцати веков качественное выделение, отбирание — как, например, в слове "избранные", т. е., на языке протестантизма, призванные Богом. Слово "элита" производно от того же корня и было пущено в оборот (когда слово "аристократия" утратило первоначальный смысл и стало просто обозначать сословие) именно для обозначения "лучших", *aristoi*, отборной части (это и было, как мы знаем, то значение, в котором Парето взял данный термин на вооружение). Термин "отбор, подбор" (...) постепенно подключается к термину "выбирать, избирать" (когда слово "выборы" становится специфическим термином для обозначения акта голосования) в передаче идентичного значения: отбирание, избрание, выбор по признаку совершенства или пригодности. В нынешнем языке политики все эти коннотации либо утрачены, либо подвергаются нападкам. Термин "выборы, избрание" сведен к одному лишь значению — простого акта голосования. "Отбор, подбор" означает уже едва ли что-либо большее, чем простое волевое предпочтение, — да и то лишь когда его не толкуют превратно, в предосудительном смысле, как проявление "дискриминации". Следовательно, на нашем языке "избранные" — это просто лица, которые в результате голосования прошли на должности; а слова о том, что избранные должны быть "отобранными", скорее поразят наш слух как избыточная синонимика, чем будут восприняты как ценностно значимая оговорка. Наконец, "элита" сначала преобразуется Лассуэллом в нейтральное слово, а затем у нынешних антиэлитистов становится словом бранным. В обоих случаях термин "элита" — вопреки самому смыслу его существования — ассоциируется с властью имущими и/или с привилегированными.

В указанных трансформациях можно усмотреть органическое продолжение того идеологического извращения языка, которое так хорошо проследил и проиллюстрировал Оруэлл (...) Но если это и верно в отношении позднейших эксцессов, все же трансформации, о которых идет речь, главным образом отражают горизонтально-ценностное видение политики. Как бы то ни было, мы оказываемся в порочном круге, который, ускоряясь, превращается в порочный водоворот. При отсутствии ценностных коннотаций мы получаем ценностный вакуум; а когда положительное слово инвертируется в негативное, мы остаемся с лексикой, которая только предубеждение и может выражать. В конце концов дело оборачивается тем, что реальность, за неимением годных к соответствующему употреблению слов, остается аксиологически невоспринятой. Из этого порочного водоворота нельзя вырваться, если вновь не ввести в оборот (to the fore) аксиологический элемент, что, в свою очередь, можно осуществить, лишь восстановив выражавший его язык. Начну с "отбора, подбора". Здесь дело отнюдь не безнадежно: это только в политике — что весьма показательно — термин если и не искажался, так превращался в нейтральный (...) Многие, кто пользуется терминами "избрание" и "отбор, подбор" как взаимозаменяемыми, в любых неполитических областях [дискурса] автоматически переключаются на оценочное значение. Научному учреждению, чтобы быть научным, требуется "подбирать" свой штат.

Предполагается, что "подбор" кандидата на место в академии означает, что выбранный является лучшим. Когда фирма набирает работников, она осуществляет их "отбор", а иначе, вероятнее всего, в скором времени выбывает из сферы бизнеса. Неужели же демократическая политика — дело настолько простое или в корне настолько отличное от других происходящих в обществе процессов, что здесь отбор есть нечто излишнее либо даже греховное? Если же все-таки нет, то пусть мое первое аксиологическое определение прозвучит так: Демократия должна представлять собой селективную (основанную на избирательности, отборе, подборе. — Ред.) систему конкурирующих избирательных меньшинств. Пусть оно будет сформулировано также и по-другому, еще короче (и симметрично дескриптивному определению): Демократия должна представлять собой селективную полиархию.

Если вдуматься, "селективная полиархия" — выражение уже само по себе сильное, полное смысла. Тем не менее нельзя рассчитывать, что его смысловая наполненность легко заговорит и сама обо всем расскажет. Чтобы плыть против приливной волны языкового убожества, требуется постоянное усилие. Поэтому я теперь собираюсь сменить направление атаки и рассмотреть ту же проблему под углом зрения проблемы равенства. Ясно, что наш способ трактовки вертикальной проблемы демократии решающим образом зависит от того, как мы трактуем понятие равенства. Впрочем, данная связь становится не столь ясна, если привести тот довод, что равенство, представляя собой важнейшую ценность горизонтальной демократии, в силу этого как раз тем более не является и не может являться важнейшей ценностью вертикальной демократии (для которой такая ценность — свобода). Пусть даже так, но я все-таки хочу задаться вопросом, может ли понятие равенства — и каким образом — вписаться в вертикальное измерение.

Монтескье повторял уроки Платона и Аристотеля, когда писал, что "принцип демократии извращается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но и тогда, когда утверждается дух предельного равенства и каждый хочет быть равным с теми, кого он выбирает себе в правители". Таким образом, добавлял Монтескье, "демократия должна избегнуть двух крайностей: духа неравенства, ведущего к правлению одного человека, и духа предельного равенства, ведущего к деспотизму одного человека" ("О духе законов", кн. VIII, гл. II). Руссо, хотя и был его противником, высказывал похожую мысль, утверждая, что "это явно против законов природы — как бы мы их ни определяли, — чтобы... глупец руководил мудрецом" ("Рассуждение о неравенстве", заключительная фраза). Но дело в том, что, как бы мы ни определяли глупца и мудреца, мы постоянно кому угодно даем оценку: "так себе" (not "worth much"), или, напротив: "превосходный" ("first rate"). Применяются критерии, которые дела не решают. (Не вдаваться же в тонкости критериев совершенства, чтобы констатировать, что люди таким вот образом ранжированы.) Поскольку люди являют огромное разнообразие, индивид сплошь и рядом мерит другого на свой аршин. Тем не менее мы все-таки непрестанно судим и оцениваем других как людей превосходящих, равных или низших качеств. Означает ли вышесказанное, что мы очутились в царстве, откуда равенство изгнано? Нет, необязательно. Я бы, скорее, выразил суть дела так: устремлять ли движение к равенству в направлении высшего, или же низшего уровня — вот какой ныне перед нами выбор.

Когда доходит до этого выбора, антиэлитисты фактически, пусть даже непреднамеренно, нажимают на акселератор уравнивания в направлении низшего уровня, ибо ценят только горизонтальную концепцию демократии, на чем явственно основывается их позиция. Но вот действительно ли "элитисты" обосновывают каким-либо адекватным образом противоположный выбор — движение к равенству в направлении высшего уровня? Это поистине интригующий вопрос. Поскольку так называемые элитисты не представляют собой группы, которая каким-либо образом держалась бы вместе, и так как мы не знаем даже, какой критерий определяет элитиста как такового, у нас остается вместо путеводной нити лишь одно: возможность проследить за тем, кто в каком значении (значениях) употребляет термин "элита". Я уже отмечал в данной связи, что Лассуэлл изменил значение, в котором термин фигурировал у Парето, превратив "элиту" в чисто альтиметрическое понятие, определяемое как "обладающие наибольшей властью", "высший властвующий класс" или "власть имущие данного государства" (...), и что это — серьезное, семантическое изменение. По всей вероятности, Лассуэлл свел термин "элита" к значению "обладающие властью" ради Wertfreiheit, т. е. ради соблюдения принципа свободы от оценочных суждений; даже если так, все же, придавая "элите" нейтральную коннотацию, он взял на себя излишний труд, и при этом сам создал трудность; он взял на себя излишний труд, т. к. мог воспользоваться каким-либо из уже существующих нейтральных терминов. У Моски, термин "политический класс" вполне свободен от оценочности. Властвующая группа, контролирующее меньшинство, власть имущие — все это тоже свободные от оценочности термины. Трудность же он создал, по крайней мере для теории политики, тем, что введенное им переопределение лишило этот терминологический ряд единственного остававшегося в нем ценностно нагруженного термина.

Если элитам, специфически политическим элитам, определение дается просто по признаку обладания властью или по альтиметрическому основанию, то уже само по себе такое определение мешает рассмотреть противоречие между элитными качествами (и стандартами), с одной стороны, и властными позициями (неравномерно уподобляемыми элитным позициям) — с другой. В результате от исследователей элит ускользает фундаментально важная искомая истина — а она не в том, что существуют власть имущие, и не только в том, плюральна ли властвующая элита (элиты) (согласно теории элитного плюрализма. — Ред.), а в том, в конечном счете, представлены ли в лице власть имущих элиты подлинные или лишь выдаваемые за таковые. (Интересно отметить, что все это, равно ускользая от элитистов и антиэлитистов (...), составляло, однако, предмет серьезного интереса Ч. Райта Миллса, который четко различал властвующую и интеллектуальную элиты и нацеливал поиск на постижение подотчетности первой по отношению к второй. См. Mills Ch~W. The pauses of World War Three. N. Y., 1958, chap. 7). Итак, скрытый смысл, который неизбежно таит в себе лассуэллианский подход, состоит в конечном счете в том, что этот подход либо бесосновательно вмещает ценностное достоинство элиты всякой властной структуре, какая только существует, либо обесценивает все то в ней, что может таким достоинством обладать, либо, наконец, совмещает в "нечестивом союзе" то и другое. Отсюда мы можем прийти к безраздельному освящению статус-кво или, наоборот, к полнейшей его профанации. В первом случае наилучшее оправдание для своих нападок находят антиэлитисты, во втором — их естественные предшественники. В обоих случаях мы грешим смешением факта с легитимностью, а в принципе также и тем, что выхолостили ценностное содержание ценностной проблемы.

Вернемся к проблеме выбора между направлениями к высшему или же к низшему уровню в движении к равенству. Мы остановились на том, что если антиэлитистская позиция может способствовать (каковы бы ни были намерения) лишь уравниванию по низшему уровню, то интригующий вопрос в том, действительно ли

предполагаемых элитистов заботил противоположный выбор — движение к равенству в направлении высшего уровня. Отчасти на вопрос уже отвечено: лассуэллианская школа, если судить по ее теории элиты, не проявляет такой заботы. А остающаяся часть ответа такова же, поскольку в последние десятилетия в теории демократии упор всюду делался на горизонтальной демократии; а чем больше демократия мыслится нами единственно в горизонтальном измерении, тем больше мы имеем (перефразируя Маркузе) одномерную демократию, которая соответствует в высшей степени обедненному одномерному равенству.

Конечно, в публикуемых работах авторы продвигаются вперед — от "равенства власти", понимаемого как горизонтальное равенство (равная власть демоса), к "равенству возможности", т. е. к равенству, предполагающему вертикальные процессы. Однако равные возможности указывают на некоторый начальный момент, на исходное, а не конечное состояние. Если нас интересует, какой ценностный смысл несет в себе каждый тип равенства, то, думается, равенство возможности, оправдывая продвижение, выход в люди (an emerging), не обязательно придает такому выходу в люди ценностное качество. Представляется поэтому, что равенством, которое решающим образом качественно определяет (centrally qualifies) вертикальные процессы и технологию демократии, является "равенство по основанию достоинств", т. е. аристотелевское соразмерное равенство. Для того чтобы равенство понималось как возвышающая ценность соответствующая такому назначению максима такова: равным — равное (The same to sames), иными словами, каждому — по его заслугам, способностям или таланту (...)

Сформулированное выше нормативное определение гласило: Демократия должна представлять собой селективную полиархию. Его можно теперь дополнить следующим определением: Демократия должна представлять собой полиархию по основанию достоинств. Нас может оставить равнодушными довод, что уравнивание неравных талантов не являет собой справедливое, но представляет несправедливое равенство. Однако уж вряд ли можно подвергнуть нападкам тот аргумент, что равенство по основанию достоинств (соразмерно компетентности) благотворно для общества в целом, тогда как равенство по основанию недостоинств (неравным — равное положение) есть равенство, выполняющее вредную службу, коллективно пагубное равенство. По формулировке Роулса, "социальное и экономическое неравенства должны быть приведены к такому порядку, (а) при котором можно с разумным основанием ожидать, что оба вида неравенства пойдут на пользу каждому, и (о) при котором оба они затрагивают положения и должности, открытые для всех" (Rawls J. A. A Theory of Justice. Cambridge, Mass., 1971, p. 60). Что ж, если бы все было приведено к такому порядку, это была бы достаточно выразительная картина полиархии по основанию достоинств. Развернутое выше изложение вызовет, наряду с прочими, и то нареkanie, что на слишком уж абстрактном уровне это изложение парит. Вопрос, который особенно необходимо поставить, чтобы придать аргументации известную конкретность, таков: равенство [по основаниям, применяемым] в соотношении с кем? А чтобы ответить, я намерен обратиться к понятию референтной группы, точнее — к элите (в исходном значении термина), понятой как референтная группа. Связь здесь та, что термин "элита", выражая идею "достойный избрания", указывает тем самым на референтную группу — и именно ценностную референтную группу. (Заметим, что, как и в случае с "отбором, подбором", термин "элита" оказался лишен ценностного значения только в сфере политики. Когда мы говорим, например, об элитах интеллектуальных, исходная коннотация остается). Стало быть, на вопрос: "равенство в соотношении с кем?" — можно ответить: в соотношении с ценностными параметрами элиты. Подразумевается, что конкретные элиты вовсе не состоят из власть имущих (из тех, кто фактически составляет политический класс) и не совпадают с ними. Отнюдь: при подходе, основанном на использовании референтных групп, конкретные группы находятся под постоянным пристальным наблюдением; с них снимаются "эталонные данные", формируемые на основе их добродетелей, если — и только если — у них есть добродетели. Мы можем резюмировать суть дела так: Равенство конкретно вызывает возвышение, ценностное продвижение, будучи увязано с "элитой", — если [последний] термин толковать в смысле референтной группы, включив его в референтную теорию элит.

Поскольку мы проделали в этой главе немалый путь, воспроизведем нить нашего рассуждения. Когда мы начинаем рассматривать демократию как систему управления, мы сталкиваемся с проблемой контролируемых групп и руководства. Один способ отношения к проблеме — признание того, что власть распределена неравномерно, что существуют властвующие группы и что они, по всей вероятности, будут существовать и впредь. Это можно назвать реалистической позицией; и мое возражение по данному поводу состоит не в том, что тут что-либо не так с фактической стороны (empirically), а в том, что такая позиция оставляет все как есть. Противоположный способ отношения к проблеме виден на примере антиэлитистской позиции; и здесь мое возражение сводится к тому, что отдельным достижениям полемического свойства в активе антиэлитистской позиции противостоит намного более серьезная ущербность ее по части глубины. Не должно быть заблуждения на тот счет, что, ценностно развенчивая меритократию (термин, обозначающий политико-социологическую и социально-философскую концепцию, отчасти развиваемую и Дж. Сар-тори, а по буквальному содержанию знаменующий идею (идеал) власти, основанием для приобщения к которой служили бы достоинства, заслуги. — Ред.), мы получаем просто-напросто иммеритократию (т. е. прямую противоположность идеалу меритократии, — Ред.); ценностно развенчивая отбор, подбор, мы получаем просто неизбирательность (disselection); а ценностно развенчивая равенство по основанию достоинств, мы получаем просто равенство по основанию недостоинств.

Если сориентировать обсуждаемый предмет на перспективу, то уместно поставить вопрос: откуда исходят уже существующие и надвигающиеся новые угрозы демократии как политической форме? От какого-либо вида "правления меньшинства"? Не думаю. Ибо очевидный факт состоит в том, что все демократические правительства — некоторые в большей, некоторые в меньшей степени — переживают убыль авторитета (age in loss of authority) и находятся под натиском непомерного количества требований, которых не в состоянии

принять к выполнению. Кстати, перегруженность не означает большого объема управления. Хоть первое, может быть, и облегчается вторым, все же одно отнюдь не обязательно предполагает другое. И так, мы живем в условиях демократии, постоянно испытываемой затор, находящейся под давлением с разных сторон, характеризуемой низкой способностью к управлению, т. е. нестойкостью в отношении предъявляемых ей требований и слабой способностью к принятию и осуществлению решений. Для 60—70-х годов наиболее типичны были нерешительность, недальновидность и чрезмерные расходы (...) Не во всем приведенный перечень вызывает непременно неудовлетворенность. Фактически все это убедительно свидетельствует — вопреки противоположным утверждениям перфекционистов, сторонников концепции участия и популистов, — что представительная демократия вовсе не подделка, вовсе не такая политика, где народ лишен своей власти. Ибо все это подтверждает, до какой степени представительная система связей максимизировала момент отклика (responsiveness). Однако отклик, отзывчивость — лишь один из элементов представительной системы управления.

Правление, которое просто уступает требованиям, просто соглашается, — такое правление оказывается в высшей степени безответственным, не оправдывающим своих ответственных обязательств. Тот, кто представляет, несет ответственность не только перед кем-то, но и за что-то. Можно в этом смысле сказать, что представительство по самой своей сути складывается из двух составных элементов: отзывчивости (отклика) и самостоятельной ответственности. И чем более системы управления становятся отзывчивыми на что-то в ущерб своей ответственности за что-то, тем вероятнее мы окажемся с плохим управлением или вообще без управления. А это, опять-таки, значит, что чем дальше мы зашли в отзывчивости, тем сильнее необходимость в самостоятельной ответственности — в чем реально и состоит руководство.

Мы, таким образом, возвращаемся к вопросу, с которого начали, а именно: является ли руководство неотъемлемым элементом демократии. Старая, но ныне с новой энергией высказываемая точка зрения состоит в том, что в руководстве есть нужда лишь постольку, поскольку остается второстепенной роль народа. Этому охотно аплодируют. Если бы, однако, те, кто выступает с изложением такой точки зрения, сами в нее верили, тогда почему бы не заменить руководителей "администраторами", назначаемыми по жребию? Подождем, пока такая альтернатива будет поставлена на испытание, а я тем временем завершу свое резюме.

Осуществляя у себя демократию, определяемую как выборная (elective) полиархия, мы не обращаем тем самым к налаживанию "хорошего" функционирования системы, т. к. соперничество на выборах не обеспечивает качества результатов, а только демократичность способа их достижения. Остальное же — то, насколько ценен конечный результат, — зависит от качества (не только от отзывчивости) руководства. Однако, хотя сплошь и рядом признается жизненно важная роль руководства, тем не менее оно получает в теории демократии лишь весьма незначительный статус. Мой поиск вертикального нормативного определения представляет собой попытку продвинуться в решении данной проблемы. С этой целью я предложил референтную теорию элит и два кратких (shorthand) определения, которые, по замыслу, должны усиливать друг друга, а именно: демократия должна представлять собой (а) селективную полиархию и (б) полиархию по основанию достоинств (заслуг). Как выразился Джон Стюарт Милль: "Когда нам хочется иметь хорошую школу, мы не сбрасываем со счетов учителя" (...) Многого или немногого стоят данные предложения, в любом случае не уйти от сути проблемы, заключающейся в том, что вообще теория демократии не спроецировала равенство как ценность на вертикальное измерение. Если бы было вообще возможно свободное от руководства общество, мы могли бы поистине радоваться; в этом отношении мы в последнее время славно себя показывали. Ну, а если отсутствие руководства или безлидерство — все-таки отнюдь не выход, тогда наше нынешнее принижение элит или опасения перед ними представляют собой анахронизм, который не дает увидеть стоящие перед нами проблемы и грозящие опасности. Чем больше мы теряем из виду демократию так систему управления, тем больше осложняются наши затруднения и тем неотступнее они нас одолевают.

«Целенаправленное истребление элиты опасно для общества»

*Существует масса вещей, которые мы – русские про себя знаем, это нечто идущее из глубины нашей сущности, что нас всех объединяет: вечная надежда на царя-батюшку, вера в особый путь России, наша уже почти легендарная лень и прочее. Откуда это в нас? И почему мы не можем преодолеть этого в себе? Возможно, потому, что истоки – в далеком прошлом и слишком глубоко, на генетическом уровне, в нас укоренились эти истины. Вообще, несмотря на все уроки истории, люди продолжают с завидным постоянством наступать на одни и те же грабли. Раз, второй, третий... Возможно, мы не умеем правильно учиться? А что можно увидеть, если правильно посмотреть через призму истории на современную действительность? Об этом **E-xecutive.ru** беседовал с **Наталией Басовской**.*

E-xecutive.ru: *Что дает человеку знание истории? Не секрет, что сегодня многие, особенно молодые люди, часто спрашивают: «Зачем мне знать, что было когда-то?»*

Наталия Басовская: *Очень жаль, эти вопросы говорят о недостатке просвещенности и развития интеллекта. У нас с этим, конечно, неблестяще. В любом обществе интеллектуальная элита – не самая многочисленная, но все-таки ее значимость, внимание к ней влияют на все остальное общество. Для чего нужно знать свою историю? Такой вопрос означает, что человек не чувствует себя частью человечества, и это плохо. Не будет ни настоящего успеха, ни настоящего авторитета у того, кто не видит дальше собственного носа. Вот мы стараемся в РГГУ преподавать курс «История мировых цивилизаций» отнюдь не только историкам, а студентам самых разных специальностей, чтобы они знали, из чего состоит мир, как он развивался. Тогда не так просто будет их одурачить разной дезинформацией, и они меньше будут упираться в якобы неразрешимые вопросы. Пути мировой цивилизации на сегодня довольно отчетливо представлены, не все объяснено, но описано хорошо. И если человек дал себе труд обогатить себя этим описанием, он принципиально отличается от того, кто ничего не знает, все открывает заново и попадает в любую ошибку с легкостью. Потому что человечество прошло огромную дорогу. В давние-давние годы я слушала лекции одной дамы дореволюционного образования и происхождения, профессора Кучборской в МГУ, и она говорила: «Человек, читавший «Илиаду», отличается от человека, ее не читавшего». И она права. Все это простыми словами объяснить трудно, но расширяется горизонт мышления. Кем бы ты ни был: экономистом-юристом, менеджером, строителем, если ты – просвещенный человек, то, услышав какую-то новость или анализируя какие-то события вокруг себя, ты воспринимаешь это не просто как ящик, в который бросили очередной кусочек информации, а ты воспринимаешь это – воспользуемся современными образами – как компьютерная программа, которая начинает с этой информацией работать. Ты ее осваиваешь, трансформируешь и приходишь к каким-то выводам. Таким может быть человеческий мозг, а может и не быть. Читавший «Илиаду» и не читавший. Представляющий, допустим, XX век, как события вчера у нас во дворе или как первое столетие в истории человечества, которое принесло ужас двух мировых войн. Первую мировую изначально называли «Великая война», и, когда она завершилась, все мыслящие люди называли себя потерянными поколением, они говорили: «Наша жизнь загублена, этой бойней, бессмысленной, потому что смысл был только для высших-высших финансовых тузов и правителей. Наша жизнь загублена, но она не потеряна напрасно, потому что теперь люди увидели, какой это ужас, и больше мировых войн не будет». Промежуток между Первой и Второй мировыми войнами – двадцать лет, вообще срок не исторический. А это означает, что прямым учителем жизни история не является. Я не зря сказала про компьютерную программу, историческая информация требует переработки, раздумья, анализа, сопоставления, она – пища для ума и учитель в этом смысле. Моя бы воля, я бы предписала людям всех специальностей обязательно изучать мировую историю и родную как часть мировой, тогда ты ее понимаешь, как контекст, для того, чтобы и в профессии потом оказаться интереснее. Вот что такое история. Лекарство от тупости, коротко говоря.*

E-xecutive.ru: *Как история влияет на мировоззрение личности и нации?*

Н.Б.: *Это влияние совершенно очевидно. Точного момента, когда родились нации, мы не знаем, но предпосылки для этого создаются в XIV-XV веках, а в XVI-XVII веках нации уже сложились, и национальное чувство, национальное самосознание играло очень большую и весьма позитивную роль в становлении и продвижении цивилизации дальше. Чувство патриотизма вызвало многие прекрасные явления и поступки, высветило нам замечательных людей. Вот патриоткой Франции была Жанна Д'Арк в XIV веке. Богом не Богом, но посланная немислимыми силами во Францию, она сформулировала понятие «милой Франции». Вот это чувство любви к родине, гордости за нее*

формируется на рубеже Средневековья и Нового времени. Затем подвергается всяческим испытаниям в войнах, противоречиях, но странно, испытания и укрепляют эти чувства и это отношение. Поэтому чувство национального не надо называть тупым национализмом. Оно естественно, оно нормально, оно не связано с формулой крови. Каждый в нашей многонациональной стране, каждый, выросший в контексте русской речи, русского языка, русской культуры, он, конечно, в самом нормальном широком гуманитарном смысле – русский. И хотя перегибы в национальном вопросе очень опасны, но он не отжил свое, он нужен. Вот допустим в Западной Европе мои любимые объекты для изучения – англичане и французы – только к концу Столетней войны, в середине XV века поняли, что тут французы, а тут англичане. До этого они были просто подданными двух разных королей. И сознание их разности породило, например, в Англии интерес и любовь к своему языку, именно на рубеже XIV-XV веков Генрих IV впервые произносил тронную речь на английском языке. До этого там при дворе говорили только по-французски. Появился Чосер, создавший и оформивший английский национальный язык. Французы тоже стали сознавать, что они французы. И впереди у них у каждого была большая непростая история. Но само по себе это чувство самости, самоидентичности – естественно и нормально. Когда-то нам внушалось на основе выдуманного марксизма (это не Маркс, марксизм, который преподавали в советское время, такая придумка схематическая), что все нации скоро отомрут, и будет единая общность. Сегодня мы понимаем, что, по крайней мере, для обозримого будущего этот вопрос не актуален. Поэтому развитие национального, без национализма, – нормальный двигатель жизни цивилизации, жизни общества.

Кстати, до отмирания государства тоже далеко. Его надо не уничтожать пролетарскими руками, как учила та же догма, его надо развивать и совершенствовать. И быть с ним (государством) в здоровых отношениях. На самые цивилизованные рубежи понимание этого уже пришло, не идеально, но пришло. Мы пока в пути. Каждый делает свое: государство организует, управляет как менеджер, а не как властитель. Гражданин делает свое – работает, платит налоги, соблюдает законы, только желательнее как можно более толковые. Это договор. В этом смысле я недалеко ушла от просветителя Монтескье, который в категориях своего XVIII столетия примерно об этом говорил. Давайте договариваться, а подход «правитель и маленькие букашки» оставим древности. Для Древнего Египта с его поголовным рабством (там все были рабы, кроме фараона) это нормально. Нельзя имя фараона произносить – за это смертная казнь, и поднять голову, когда его проносят мимо – тоже смертная казнь. Пройдено столько тысячелетий, что подход должен очень сильно измениться. Должны быть цивилизованные отношения между государством и теми, кого оно организует, защищает, теми, кем оно управляет. Каждый делает свое. И быть надо взаимно уважительными. Ни сверху не должно быть ни окрика, ни расправы по недоказанным делам, ни «бандерлогов». Вон как обиделась именно просвещенная часть нашего общества, выяснилось, что это некорректно и так не надо. И, конечно, я против свержения государства. Свергнешь одних – придут другие и еще хуже. Биться надо за урегулирование отношений. И этому учит история. Как много можно оттуда на эту тему подчерпнуть – и неудачных, и удачных примеров, и подумать над ними, и увидеть, что этот процесс вечный, что тоже помогает более спокойно воспринимать действительность, без истерик. Такие кризисы и, к несчастью, войны – это свойство социума.

Но все-таки именно XX век на почве двух мировых войн начал думать о том, что этому надо сопротивляться. Пока, правда, плохо получается, но это же впервые в истории человечества. До этого война была абсолютным нормативом. В Средние Века даже христианская церковь объявила вопреки учению Христа, что есть два вида справедливой войны и стала поддерживать войну против неверных и войну за права своего сюзерена или против неверного вассала. А XX век стал от этого уходить, так давайте ползком, медленно двигаться к тому, что войны вообще не надо. Это не скоро случится. Но, наверное, случится. Если человечество выживет, то война как способ решения вопросов уйдет. Но оно может до этого времени не дотянуть. Ну и что? Значит, судьба такая.

Мир стал глобальным, и либо мир весь выживет в своих ошибках, несчастьях, катастрофах, экологических провалах, либо весь исчезнет. Победителя как в Средние века быть не может. Все: технологии, коммуникации, экология, химия, физика, вооружения – сделали мир и в этом ужасном смысле глобальным. И глобальная война мир просто уничтожит. И я думаю, это удержит государства. Как удерживала гонка вооружений, приводила к сдерживанию конфронтации, так и сейчас очевидность глобальности угроз, наверное, сдержит. А вообще кто его знает. Читайте историю, думайте над ней.

E-xecutive.ru: Каждая ступень развития общества, каждый строй, наверное, формирует определенный тип сознания людей...

Н.Б.: От этого подхода по формациям современная история отказалась. Хотя он удобный как старые домашние тапочки, сунул туда ноги – и полный комфорт. Было здорово: пять общественно-экономических формаций и человечество как по ступенькам шагает... Благодать! Потом начались трудности как со всякой придуманной схемой. Понятие «рабовладельческий» к Древнему Востоку, например, практически не применимо, в нашем историческом прошлом тоже не было никакого настоящего рабовладения, патриархальное рабство – это как сегодняшние плохие отношения в семье. Не укладывается. Понятие «феодальный» тоже оказалось трудноопределимым. Так что сейчас перешли к другим терминам, не располагают эти ступени как лестницу. Есть Древнее общество, есть Средневековое общество. Также условно. Потому что Средние века на Западе – понятно, что такое: это время между античностью и Возрождением, а что такое на Руси Средние века? Условность, просто одна из двух патриархальных эпох. Вы правильно задали вопрос про сознание. Но все-таки стихийно-материалистический марксистский подход есть и в этом вопросе. Эпоха, цивилизация влияет на сознание. А сознание на нее? Все революции начались в головах людей. Сначала в головах, а потом они перетекают в действие. То есть здесь найти прямую зависимость нельзя. Сознание человеческое и окружающий контекст, в котором он живет – и уровень технологий, и форма государства, политические структуры – все это сплетено в такой единый ком, что пронумеровать их нельзя. Маркс писал, что прежде чем писать и сочинять стихи, заниматься искусством, человек должен есть, пить и одеваться. Правильно. Но выясняется, что если человеку совсем нет возможности писать, сочинять стихи и заниматься искусством – он тоже чахнет, как без еды и питья. Вспомним наших пращуров, знаменитые палеонтологические пещеры в Западной Европе – Ла-Мут, Альтамира... Какая там живопись! Первообытные люди, вечно голодные... Потому что это – люди. И этот ком – сознание и контекст – очень трудно разделим. Условно, в процессе анализа, можно делить, но, в конечном счете, это некая единая субстанция. И эпоха влияет на сознание, и сознание влияет на эпоху. Вспомним Байрона. Он один, в одиночку повлиял на целую эпоху. Не эпоха на него. Конечно, она имела значение для его идеологии, сознания. Ощущение утраты свободы – крушение революционных мечтаний. Но потом он столь же активно повлиял на свою эпоху. Один. Породив целые движения, потоки сознания в Европе. В России – больше, чем у себя на Родине. Россия позже, чем западные страны вышла на просторы нового времени, и она отреагировала на него более чутко. Лермонтов, Пушкин, Вяземский, все, кто мог, переводили, увлекались Байроном. Один человек со своим индивидуальным сознанием повлиял на целую эпоху. Возможно это? Возможно. А это значит, что сознание не плетется позади материальной жизни.

E-xecutive.ru: *Общественный договор... У нас в России до сих пор все ждут царя-батюшку, который придет и все решит. Откуда это идет? Это явно не элемент современного мышления.*

Н.Б.: Это точно идет из нашей истории. И нам потребуется много времени, чтобы это ушло. Эта установка естественна для русской истории, русского общества абсолютно. Есть два пути развития взаимодействия общества и государства. Современные западные государства – назовем их условно демократией, в том числе и США, ибо это перенесенная Европа, – формировались под воздействием римско-германской традиции, а мы получили другой контекст для становления российской цивилизации, русские земли жили в других условиях. И если на Западе было влияние колоссального античного наследия, передовой цивилизации и сильной, прочной германской общины, то мы попали под византийско-ордынское влияние. А что это такое? Византия – последний обломок античности, римская цивилизация, перенесенная в неестественный для нее Восток и там сильно трансформированная восточным деспотизмом, в том числе и жутко сильной центральной властью. Орда – это орда, и абсолютная власть хана, как нечто божественное, тоже естественна. То есть русские земли получили заметное влияние этих двух факторов. А Запад получил не влияние, а результат слияния, синтеза наследия великой цивилизации и... Не зря писали «молодые германцы, молодая кровь...», просто очень хороший момент был для их прихода на территорию бывшего Рима. Они были ровно на пороге рождения государства, у них был слегка ветшающий родовой строй. В это время народы чувствуют себя сильными, уверенными и относительно свободными. И это все слилось с античностью. А русские земли на той же наивной ранней фазе испытали влияние абсолютной обожествленной власти императора из Византии, там даже церковь подчинена была императору (и Петр Первый потом то же самое сделал в России), и ордынское воздействие. Я согласна, что говорить про какую-то власть орды, иго – это неправильно, но воздействие было. Итак, два влияния, не определяющих, но сильных, которые действовали в одном направлении. Орда сознательно принижала рождающуюся государственность в русских землях, потому что отношения между ними – это не отношения абсолютного подчинения, а вассальные. Русские земли стали вассалами ханов, это то, что им было надо, – платите и все. Но для того, чтобы вассалы регулярно платили, нужно было

приносить крепнущую местную власть. Вот, например, интуитивно-гениальная идея хана – чтобы князья бились друг с другом за ярлык, за право быть главным. И это очень ловко их сталкивало, разъединяло. А тот, кто пребывал в орду, с желанием понравиться, должен был нести мешок с овсом за ханским конем. Вот где принижение-то. Это вообще свойство восточных цивилизаций, у них свои особенности, но их традиция абсолютной власти и поголовного рабства коснулась своим мощным крылом русских земель. Затем еще одна вежа. Конец средневековья – начало нового времени – это пора абсолютистской монархии. Абсолютизм был и в западных странах – Людовик XIV, Генрих VIII, Филипп II Испанский, но в России он медленнее преодолевался. Она вступила в XX век с таким странным архаизмом – в виде абсолютной монархии, потому что слишком глубокие корни имела абсолютная власть в нашей стране. И постепенно формировалось такое моральное поголовное рабство – «Приедет барин, барин нас рассудит». Парламента в западноевропейском смысле не было. В результате всех мыслящих рассмешил современный государственный деятель, который сказал: «Парламент – не место для дискуссий», попав ровно пальцем в небо. Парламент – это именно место для дискуссий. И такого места, где встречаются сословия, где они спорят, в России не было, а окрепло и задержалось, включая XX век, абсолютное крепостное рабство. Ведь такой зависимости крестьян в основном на Западе не было, она была мягче и короче, а тут абсолютное фактическое рабство на восточный манер и задержавшаяся абсолютная власть без ограничителей в виде парламента. В западных странах парламента были начиная со Средних веков: Парламент в Англии, Генеральные Штаты во Франции, Сейм в Польше Кортесы, даже в Испании при всем абсолютизме были Кортесы... А боярская дума – это не парламент, это королевский совет, диван, великие и невеликие визири, сидящие вокруг правителя. Восток. Но поскольку Россия все равно Европа, это будет преодолено. Но не при нас.

E-xecutive.ru: *Мы часто на протяжении всей нашей истории оглядывались и равнялись на Запад. И в новейшей истории эта тенденция сохраняется. Откуда это идет? К кому ближе Россия – к Европе или Азии?*

Н.Б.: Европа нам ближе, мы европейцы. Хотя большая часть территории – это Азия, определяющие центры российской цивилизации, культуры и политические центры – европейские. И обладавший неким звериным чутьем Петр Первый, насильственно переодевая современников в западное платье, отрезая бороды, правильно уловил это ощущение «европеистости». И оно в нас очень сильно и никуда не уйдет, азиатами нам уже не стать. Другое дело, что в силу особенностей нашего менталитета, традиций, культуры мы, русские, очень быстро впадаем в эмоциональное желание, во-первых, все получить быстренько, а во-вторых, подражательно что-то сделать. Это печально, это вовсе не нужно России. У нее своя великая культура, своя великая цивилизация, и делать все равно как там, вплоть до форматов телевизионных шоу – это смешно. Причина проста – недостаток общей культуры. В свое время Юрий Михайлович Лотман, наш великий культуролог и филолог, говорил о том, что беречь надо интеллектуальную массу в российском обществе. Слишком много репрессий и преследований коснулось ее, истребляют всегда лучших. И на фронтах второй мировой войны больше гибли лучшие, это Дарвин еще писал: «нельзя естественный отбор перенести прямо на людей, потому что те, кто лучше других, благороднее, честнее, порядочнее, как правило, идут в конфликтах впереди других и первыми прогибаются». А потом же еще революция и серая масса (да, забитая и несчастная) все определяет... Приношение элиты, ее целенаправленное истребление очень опасно для общества. Отсюда это тупое подражательство. Нам не хватает духовной элиты, в том числе и потому, что историю не знают. Нынешнее министерство образования плохо сознает слово «гуманитарные». Подняв флажок инноваций, никогда не произносят слово «гуманитарный» – это сулит нашему обществу большую беду.

E-xecutive.ru: *Но мы не просто ориентируемся на Запад, нет, часто можно наблюдать примеры настоящей русофобии. Раз наше, значит, хуже по определению. У нас нет почтения к собственной истории, например. Посмотрим на Москву: в последние годы исторические здания планомерно уничтожаются и заменяются новоделами. А что происходит с русским языком...*

Н.Б.: Я не знаю ни одной нормальной страны на Западе, где развесили бы вывески на чужом языке. Почему у нас «шопы», «стриты», «маркеты»?.. Вот это ужасно. А причина та же – нет чувства меры, нет того, что дает культура. Я не к тому, чтобы все назвать «лавками» и «трактирами». Но мера должна быть. Примите то, что стало общеевропейским, и не перенимайте сугубости американские. Древние греки считали меру – высочайшей культурной целью, достижением, они поклонялись ей. Все от бескультурья. Это так нудно, то, что я говорю, но это факт. Когда есть общая высокая культура, появляться то тонкое, но очень важное, что называется вкусом. И все уже понимают, что это безвкусно – развесить такие вывески. Иногда встречаются приятные, с юмором названия, а просто так переименовать по-американски, построить все

основные массовые зрелища по телевидению тоже по-американски... Это очень глупо. Но имеет и еще одно объяснение помимо уровня культуры.

Долго, на протяжении всех лет советской власти, нам в закрытой стране казалось, что там, за занавесом, – рай. Запретный плод. Я, когда впервые приехала в Америку в 1989 году, сказала зарубежным коллегам, что многие мои сограждане думают, что здесь рай. Господи, что с ними было, как они хохотали, что у них «paradise», потому что у них свои проблемы. Но был создан образ: далеко-далеко за морем лежит какая-то счастливая страна... Это очень грустно. Результаты любых ошибок и преступлений (а железный занавес – это политическое и культурное преступление) потом надолго вызывают перекосы. А, как известно, перешивать сложнее, чем шить. Мы много перешиваем, и это опять результаты прожитой нами истории. Она такова. У каждого народа свои трагедии. Например, история религиозных войн во Франции, XVI век, – реки крови, жестокости, или война Алой и Белой розы в Англии, это вся вторая половина XV века. Другое дело, что Россия развивалась с ином темпе, и наши беды пришли позже (это естественно, мы не получили великого толчка от древней цивилизации) и преодолеваются позже и труднее поэтому. А контекст-то общий, и мы в нем слегка отстаем. Это все болезни роста, это пройдет. Уверена. Как ни странно, очень хорошо зная мрачные страницы истории человечества, я остаюсь оптимистом, потому что вижу результат. И образование всегда выживает, и культура из пепла как птица феникс возрождается. Это тоже свойство человечества. Историю мы изучаем не для того, чтобы напрямую на ней учиться, а для саморазвития, самосовершенствования и еще потому, что не можем не изучать. Человек так устроен – не интересоваться прошлым он не может. Для него это так же естественно, как дышать.

E-xecutive.ru: Почему сегодня общество и политическая элита в основном несколько пренебрежительно относятся к гуманитарным наукам?

Н.Б.: А у нас что, интеллектуалы у власти? Великий предатель – речь. Человек скажет несколько слов, а уже можно приблизительно представить уровень его развития и культуры. Слова-паразиты, полуматерные присказки – это же показатель. Не интеллектуалы. Я думаю, что в чистом виде интеллектуал у власти – вещь редкая, хотя и случающаяся, и очень трудная. Например, мог ли чем-то управлять в обществе, кроме совести людей, Андрей Дмитриевич Сахаров? Думаю, что нет. Это не его дело. Но менеджеры, стоящие наверху, должны иметь пул таких интеллектуалов вокруг себя. А они окружают себя льстецами, лжецами, рабами, которые поселяют их в вымышленный мир их величия, и теряют связь с реальностью полностью. Надо сменить прослойку между правителями и обществом. Но это трудно. Потому что эта категория людей, свита, она такая шустрая, она сама прорывается наверх, закрепляется там и внушает правителю мысли о его величии, а он и доволен. Человек слаб.

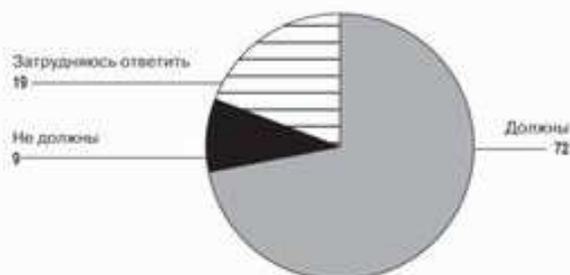
В недавней европейской истории я знаю лишь один редкий случай успешного интеллектуала у власти – Вацлав Гавел. Сейчас, на расстоянии, уже видно, что интеллектуал был настолько тонок, что оказавшись в позиции правящего, он не впал в готовность за всех все решать, сохранил свой моральный облик и не развалил хозяйство. Значит, он подбирал нужных людей. Я так думаю. Есть примеры и в русской истории – Александр II. Единственный успешный реформатор, единственный. Он вряд ли был окружен ничтожествами. Вообще в близкий круг умных русских правителей попадали такие личности как Витте, как адвокат Кони, Столыпин... Таких людей можно набрать, и они должны окружать трон, а не толпа ничтожеств. Тогда диалог правителя и общества может состояться. Пока... Поэтому власть гуманитарного не понимает, оно ей не интересно, лексикон ее представителей говорит о том, что сами они не интеллектуалы. Окружите тогда себя такими! А власть их боится, избегает. Конечно, высокоинтеллектуальный мыслитель может и еще что-то сказать помимо того, что правитель – гений. Но люди придут к этому. Уже идут. Таких случаев все больше и больше. Окружение делает короля – это все понимают. Например, замечательным считается в Англии правление королевы Виктории, оно действительно по-своему замечательно. Какие вокруг нее были министры... Один Дизраэли чего стоит, почти гениальный человек. Так что и такой опыт есть.

В гуманитарных науках, в истории, как в громадном резервуаре, можно вычерпать много полезного, но это касается тех правителей, которые думают не только о наживе и наслаждении своей личной властью. И в русской истории были примеры иных властителей и будут, безусловно. А от жадного накопительства, в общем-то, общество уже устало.

«Властители дум» и политический авторитет

Фонд «Общественное мнение»

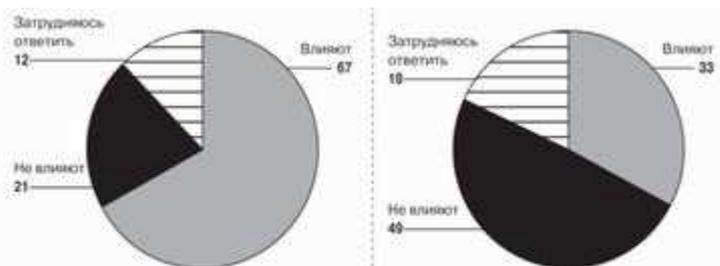
Сегодня многие деятели культуры высказывают свое мнение о происходящих в стране событиях разными способами: подписывают коллективные письма, участвуют в шествиях и т. п. Как Вы считаете, деятели культуры должны или не должны публично высказывать свое мнение о происходящих в стране событиях?

Мнение россиян о желательности либо нежелательности активного участия деятелей культуры в обсуждении актуальных социальных и политических проблем не так однозначно, как может показаться при взгляде на приведенные данные. Многие из тех, кто высказался за такое участие, в действительности «голосовали от противного» — то есть отвергали позицию, согласно которой деятелям культуры публично излагать свои взгляды по этим вопросам не следует. Это ясно из ответов на открытый вопрос (респондентов просили обосновать свое мнение): почти половина из них говорили, по сути, о том, что деятели культуры — как и все прочие граждане — вправе высказывать свою точку зрения на происходящее в стране («все имеют право высказывать свои мысли»; «плюрализм»; «надо разностороннее мнение»; «каждый может высказывать — у нас свобода слова»; «высказать мнение имеет право каждый человек, в том числе и деятели культуры» — в этом ключе высказались 27 % от всех опрошенных) или должны это делать, но не в силу специфики их положения в обществе, а, напротив, потому, что они — российские граждане («они же живут в этой стране»; «они такие же граждане, как и мы все» «потому что они члены общества»; «потому что они граждане России» — 6 %).

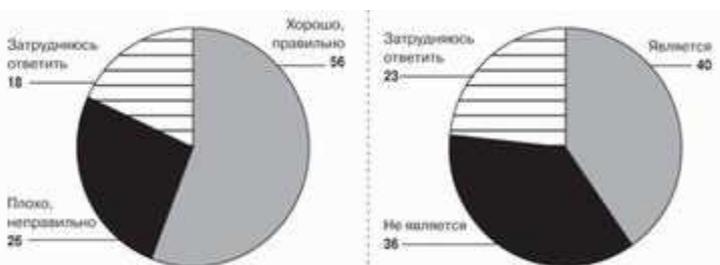
Но не меньше и тех, кто обосновывает свое желание слышать мнения деятелей культуры по общественно-политическим вопросам именно особой ролью этих людей. Одни респонденты акцентируют внимание на статусе «властителей дум», их влиянии («их мнение важно для народа»; «они — известные люди, и их мнение небезразлично народу»; «их точка зрения интересна — они люди необычные»; «им доверяют»; «к их мнению люди прислушиваются»; «для многих они являются кумирами» — 13 %), другие — на высоком, как им представляется, интеллектуальном и общекультурном багаже («они начитанные, культурные, по-другому думают»; «у них больше информации»; «умные, культурные, образованные люди» — 7 %), третьи полагают, что миссия деятелей культуры — просвещение народа («народ надо просвещать, доносить до масс правду»; «народ сам не может разобраться кто то должен просвещать»; «люди на них смотрят, равняются» — 6 %), четвертые — что к их мнению прислушиваются власти («известные люди, и к ним чаще прислушиваются»; «их быстрее услышат»; «больше вероятности, что их услышат. Нас-то уж точно никто слушать не будет» — 5 %), пятые — что сама по себе публичность обязывает высказываться по общественно-политическим вопросам («они же публичные люди»; «если добились публичности, то надо это использовать»; «публичные они потому что» — 4 %).

Так или иначе, подавляющее большинство россиян считает, как минимум, естественным и нормальным, а как максимум — необходимым участие деятелей культуры в обсуждении таких вопросов. Противоположное мнение еле слышно. Противники такого участия (это, напомним, 9 % опрошенных) говорят, что каждый должен заниматься своим делом («пусть занимаются своими талантами»; «пусть поют, снимают фильмы, они — артисты» — 3 %), что деятели культуры некомпетентны в политических вопросах (1 %), что навязывание их мнения гражданам нежелательно (1 %) и т. д.

При этом влияние деятелей культуры на общественное мнение признают две трети опрошенных, а на действия властей — треть. Любопытно, что особенно разителен этот контраст там, где концентрация деятелей культуры максимальна — в столице: 76 % москвичей считают, что они влияют на общественное мнение, и только 17 % — что на действия властей.

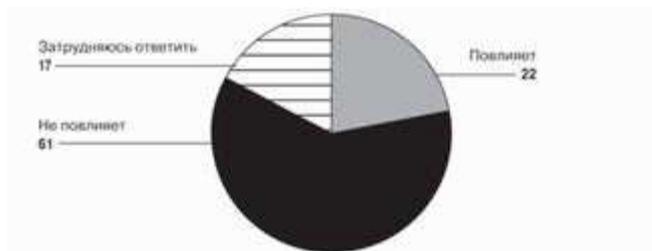
Естественно, невозможно было удержаться от вопроса (открытого): кого из «мастеров культуры» респонденты признают авторитетами для себя, чьи оценки происходящих в стране событий для них важны. С существенным отрывом лидирует в соответствующем рейтинге Н. Михалков; его назвали 7 % респондентов. Далее следуют И. Кобзон (3 %) и А. Пугачева (2 %). 1 % голосов (точнее — более 0,5 %) получили М. Задорнов, А. Малахов, В. Познер, О. Табаков, Л. Рoshаль, Е. Петросян, О. Басилашвили, А. Макаревич, Ю. Шевчук, М. Боярский, М. Жванецкий.

Положительное отношение к присутствию деятелей культуры в депутатском корпусе распространено вдвое шире, чем отрицательное. Только молодежь несколько критичнее прочих оценивает эту практику, укоренившуюся в нашей стране еще в советские времена. Но и здесь позитивное отношение заметно преобладает: считают, что это правильно, 46 % респондентов в возрасте до 30 лет, что неправильно — 29 %. При этом в вопросе, весом ли голос деятелей культуры в Думе, мнения разделились почти поровну.

Как видим, в целом репутация, приобретенная в сфере культуры (как бы ни определялись границы этой сферы массовым сознанием и кто бы ни идентифицировался в качестве «деятели культуры»), довольно легко конвертируется в политический авторитет. И значит, для всякой партии привлечение деятелей культуры в свои ряды остается политически рентабельным. Однако естественно задаться и вопросом, насколько рискуют сами эти деятели своей репутацией, высказываясь на общественные и политические темы?

Скажите, пожалуйста, если Вы узнаете, что деятель культуры, чье мнение о происходящих в стране событиях для Вас важно, авторитетно, придерживается политических взглядов, с которыми Вы не согласны, это повлияет или не повлияет на Ваше отношение к этому человеку, к его творчеству?

Большинство респондентов (61 %) уверенно заявляют, что политические разногласия с тем или иным деятелем культуры не повлияют на их отношение к последнему. Однако 22 % занимают противоположную позицию. Так что деятели культуры, публично высказывающиеся на общественные и политические темы и использующие свой авторитет для воздействия на умы сограждан, отнюдь не застрахованы от серьезных репутационных потерь в своих профессиональных сферах.

Опрос 28—29 июля 2013 г., 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов © Фонд «Общественное мнение»

Доверие и репутация в эпоху глобализации

Марк Айзенеггер

Фундаментальные и необходимые понятия

Не сила, не богатство и даже не любовь, а именно доверие является самым действенным ресурсом в нашем обществе. Почему? Потому что в отсутствие доверия мы попросту не смогли бы действовать. Если мы не можем доверять другим исходя из предположения, что они будут поступать так, как мы ожидаем, то мы будем изо всех сил стараться не иметь с ними никакого дела. Например, пока иракский кризис не преодолен, мы никогда не доверим наши деньги какому-нибудь иракскому банку. Нам бы хотелось доверять нашему банку: верить, что он не нарушает общепринятых социальных норм, нас не обманывает и не обворовывает. Нам бы хотелось быть уверенными, что наш банк работает с нашими деньгами умело и в наших интересах. Чем более мы привыкли доверять какому-либо агенту (например, компании), тем спокойнее мы и в дальнейшем оказываем ему доверие. Потому что доверие основано на нашем прошлом опыте, на том, что данный агент не обманывал наших ожиданий в прошлом: это поддерживает в нас уверенность, что он будет соответствовать нашим ожиданиям и в будущем. Таким образом, доверие цементирует наши сегодняшние отношения и одновременно создает магнитное поле для будущих отношений. Разумеется, этот закон действует не только в бизнесе, но также и в политике, и в других областях, включая повседневную жизнь и личные взаимосвязи.

Лишь в редких случаях, однако, мы можем доверять контрагенту на основе нашего личного опыта. И тут нам на помощь приходит его репутация. Поскольку мы не в состоянии полагаться на собственный опыт, нам приходится пользоваться рекомендациями и суждениями других. Эти рекомендации, однако, есть не что иное, как репутационные оценки, которыми мы затем руководствуемся, — среди прочего, для экономии времени и денег. Выбираем ли мы адвоката, банк, школу для наших детей или политика, за которого следует голосовать, — всегда репутационные оценки играют главную, а в большинстве случаев даже решающую роль в нашем выборе. Доверие к тем, с кем мы взаимодействуем, основывается на суждениях других (напрямую или косвенно, например, через медиа) гораздо чаще, чем принято считать.

Истинное, доброе и прекрасное: три измерения репутации

Но что такое репутация? Или — каковы образующие ее элементы? Независимо от того, рассматриваем ли мы какую-либо компанию, или политического деятеля, или даже ученого, можно считать, что репутация любого субъекта имеет всегда ровно три «репутационных оси», или измерения.

То, что субъекты должны постоянно утверждать себя в трех разных аспектах, является очень важным положением общественности. Уже в древнегреческой философии, у Платона и Аристотеля, проводится различие между миром добра, миром истины и миром красоты[1]. Постоянным уважением общества пользовались только те граждане, кто своей деятельностью служил миру истины, будучи при этом примерным гражданином (мир добра) и демонстрируя некоторое внутреннее и внешнее изящество (мир красоты). Та же триада появляется у Канта в его знаменитых трех «Критиках» как различие между объективными, этическими и эстетическими суждениями[2]. У сэра Карла Поппера этим же трем типам суждений соответствует различие между объективной, субъективной и социальной сферами[3]. Последнее по времени, но отнюдь не по значению явление все той же триады мы видим у Юргена Хабермаса, который строит на ней свою теорию коммуникативного действия с ее тремя типами «притязаний на значимость» (Geltungsansprüche): притязаниями на пропозициональную истинность, на нормативную правильность и на субъективную правдивость[4].

Эти три типа взаимоотношений с миром являются основой нашего трехстороннего подхода к репутации, применимого к любому носителю репутации и состоящего из трех репутационных измерений: функционального, социального и эмоционального[5].

Во-первых, формирующий свою репутацию субъект должен доказать свою компетентность и продемонстрировать успех в достижении требуемых результатов. Эта функциональная репутация формируется в рамках той или иной функциональной системы (политика, экономика и т. д.) и определяемых в ней целей и критериев эффективности. Например, в экономике функциональная репутация компании определяется ее прибылью. Это репутационное измерение основано на объективных фактах: успех или неудача определяются проверяемыми количественными параметрами.

Во-вторых, в общественной сфере носитель репутации должен показывать свою заботу об общем благе. Этим определяется понятие социальной репутации. Здесь все зависит от того, в какой мере данный субъект является «добропорядочным гражданином»: действует ли он ответственным образом, сообразуясь с принятыми общественными нормами и ценностями, или только попирает других, стремясь достигнуть собственного успеха. Чтобы иметь незапятнанную общественную репутацию, необходимо следовать как писаным, так и неписаным общественным нормам.

Следует отметить, что репутационные потери в общественной сфере приносят носителю репутации гораздо больший ущерб, чем объективные репутационные потери в функциональной сфере. Ибо сомнения в функциональной компетентности субъекта могут быть развеяны демонстрацией новых успехов; напротив, негативно воспринимаемые моральные аспекты его деятельности имеют намного более длительное влияние на его репутацию и, как правило, могут быть устранены только такими радикальными мерами, как публичное признание своих ошибок.

Наконец, в-третьих, каждый субъект обладает эмоциональной репутацией. В то время как функциональная репутация субъекта основана на

фактах, а социальная — на моральных оценках, в мире красоты оценки основаны на вкусах [6]. Носители репутации оцениваются по эмоциональной привлекательности их личности и по тому, насколько неповторимой эта личность выглядит. Субъекты с положительной эмоциональной репутацией обворожительны, вызывают симпатию и при этом ни на кого не похожи (см. табл. 1).

	Функциональная репутация	Социальная репутация	Эмоциональная репутация
Область проявления	Мир объективной истины	Мир общественного блага	Субъективный мир красоты
	Критерии эффективности в различных функциональных системах	Этические нормы	Индивидуальный характер и идентичность
Репутационные индикаторы	Компетентность; успех	Честность; ответственность	Привлекательность; неповторимость
Тип оценочных суждений	Когнитивно-рациональный	Этический	Эмоциональный

Таблица 1

Функциональная, социальная и эмоциональная репутация

Источник: Eisenegger M., Imhof K. Op. cit. P. 130.

Таким образом, репутация субъекта всегда формируется как результат взаимодействия этих трех репутационных измерений — функционального, социального и эмоционального. Этот принцип верен независимо от области действия данного субъекта.

Наша личная репутация тоже всегда определяется на указанных трех уровнях. Мы поддерживаем нашу функциональную репутацию, демонстрируя свою компетентность и успехи в нашей профессии. Мы заботимся также о нашей социальной репутации, стараясь, чтобы нас считали честными и ответственными людьми — партнерами, друзьями, знакомыми. И, наконец, для полной победы мы изо всех сил стараемся быть замеченными и выглядеть привлекательно. Наша работа над собственной эмоциональной репутацией состоит в том, чтобы не создавать впечатления скучной, заурядной личности.

Теперь мы можем сказать, в чем состоит секрет положительной репутации. Субъекты с незапятнанной репутацией успешно решают задачи своей организации (функциональная репутация), поступают ответственным образом (социальная репутация) и зримо выделяются среди своих конкурентов (эмоциональная репутация).

В целом секрет положительной репутации состоит в поддержании труднодостижимого баланса между, с одной стороны, требованиями своей профессии и общественной морали, а с другой стороны — необходимостью выделяться в плане эмоциональной оценки (см. рис. 1). Размежевание с конкурентами — очень важный аспект: забота о своей репутации иногда требует не идти на поводу у господствующего в обществе мнения, но оставаться верными тому образу, который оно о вас имеет. Возвращаясь к приведенному выше примеру с банками, можно отметить, что те банки, которые в последние годы смогли

противостоять давлению индустрии финансовых дериватов, сохраняя верность более долгосрочным инструментам и более стабильным целям, оказались в прибыли, по крайней мере во время нынешнего финансового кризиса.

Функциональная репутация	Соответствовать ожиданиям эффективности в данной функциональной области
Социальная репутация	Соответствовать ожиданиям общественной морали
Эмоциональная репутация	Поддерживать эмоционально привлекательную идентичность

Секрет положительной репутации: поддержание труднодостижимого баланса между адаптацией (соответствие ожиданиям) и размежеванием (сохранение своей идентичности).

Рис. 1. Управление репутацией как баланс между разнонаправленными требованиями адаптации и размежевания

Источник: Eisenegger M., Imhof K. Op. cit. P. 131.

Почему так важна репутация?

Таким образом, репутация субъекта порождает уверенность в его профессионально адекватном и этически корректном поведении и при этом делает его эмоционально более привлекательным. Имея это в виду, мы можем представить себе, какие функции может выполнять репутация.

Коммерческое значение репутации уже достаточно хорошо изучено. Незапятнанная репутация фирмы облегчает ей создание клиентской базы и привлечение компетентного персонала. Она также облегчает доступ к инвестициям и уменьшает стоимость кредитов. Репутация фирмы, поддерживаемая на высоком уровне, как правило, окружает эту фирму прочной стеной, защищающей ее от потери клиентов и от атак конкурентов[7]. Однако простое перечисление этих экономических функций репутации, как бы важны они ни были сами по себе, еще не показывает истинного значения репутации. Потому что в нашем глобальном обществе репутация выполняет фундаментальную организующую роль.

Одна из простейших функций репутации в общесоциальном аспекте состоит в том, что она оправдывает неравномерное распределение власти. Власть, которой облечены те, кто наверху, должна признаваться легитимной теми, кто внизу. Власть, удерживаемая не с помощью насилия и репрессий, должна быть подкреплена соответствующим уровнем репутации. Поэтому если репутации деятеля нанесен существенный урон, его положение во власти рано или поздно оказывается под вопросом. Не случайно мы почти каждый день слышим об увольнении какого-нибудь высокопоставленного государственного служащего или гендиректора фирмы в результате репутационного скандала, сделавшего невозможным его дальнейшее пребывание на посту. А поскольку сегодняшние массмедиа с особенной тщательностью отслеживают все, что касается высокопоставленных персон, репутация играет все более и более существенную роль в принятии решений о замещении высших должностей — кто может остаться, а кто должен уйти.

Кроме того, субъект с незапятнанной репутацией требует минимального общественного контроля. Она делает ненужным постоянное отслеживание его поведения. Таким образом, незапятнанная репутация оставляет ее носителю больше свободы действий. Напротив, чем больше приходится какой-либо организации или руководству какой-либо компании отражать атаки на свою репутацию, тем в большей мере общество старается контролировать и регулировать подобные учреждения. В таких случаях утрата репутации влечет за собой формальные санкции, вплоть до наказаний. Не приходится поэтому удивляться, что каждое существенное усиление регулирования было вызвано очередным репутационным кризисом. Принятие акта Сарбейнза — Оксли (Sarbanes — Oxley Act) и введение строгого регулирования корпоративного управления становится понятным только в контексте громких скандалов на рубеже нового тысячелетия, касавшихся отчетности и методов руководства крупных компаний. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что нынешний финансовый кризис и связанная с ним потеря доверия к экономике свободного рынка вызовут к жизни целую серию новых законодательных мер по регулированию экономической деятельности.

Закономерности

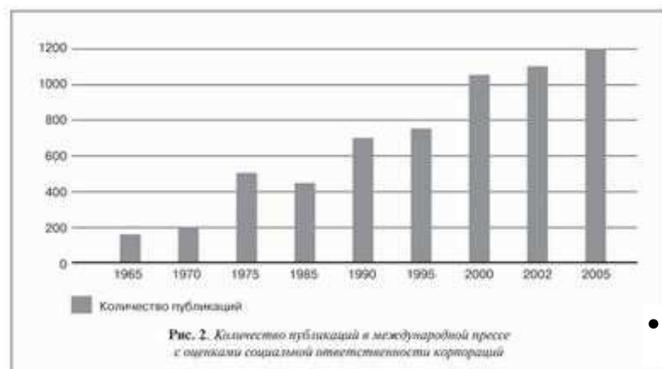

Рис. 2. Количество публикаций в международной прессе с оценками социальной ответственности корпораций

В профессиональной работе с репутацией следует учитывать несколько важнейших факторов, с которыми связаны приобретение или потеря хорошей репутации.

Ниже мы перечислим важнейшие результаты в этой области и покажем, как изменилось формирование репутации в эпоху глобализации. Эти результаты получены при исследовании репутационной истории семи крупнейших международных корпораций по упоминаниям о них в массмедиа за период с 1965 по 2005 год[8].

Вывод 1. Вопросы, касающиеся социальной репутации корпораций, приобретают все большее

значение.

Рис. 2. Количество публикаций в международной прессе с оценками социальной ответственности корпораций

В эпоху глобализации важность социальной ответственности (социальной репутации) корпораций существенно увеличилась. Как видно из диаграммы на рис. 2, начиная с 1965 года число публикаций на темы, связанные с социальной ответственностью крупных международных корпораций, постоянно увеличивается. Чем это объясняется? С одной стороны, очень важно, что этические вопросы стали занимать центральное место в новостных лентах международных массмедиа. Новости о «хорошем» и «плохом» постоянно набирают высокие рейтинги, становясь ключевым элементом современной журналистики. С другой стороны, политики оказались не в состоянии решать проблемы, возникающие в результате глобализации экономики. Действуя преимущественно на уровне отдельных национальных государств, политики не могут обеспечить социальное благосостояние в мировом масштабе; поэтому именно от многонациональных корпораций стали требовать большей социальной ответственности.

• Вывод 2. Социальная репутация — это минное поле.

Таким образом, работа над социальной репутацией стала в эпоху глобализации намного важнее, чем раньше. Социальная репутация, однако, подвержена гораздо более серьезным рискам, чем функциональная репутация. Этот факт иллюстрируется диаграммами, приведенными на рис. 3 и 4.

Рис. 3. Изменения в социальной репутации перечисленных выше глобальных корпораций⁹

Рис. 4. Изменения в функциональной репутации перечисленных выше глобальных корпораций

Первое, что поражает при взгляде на эти диаграммы, это то, что социальная репутация корпораций (рис. 3) всегда ниже их функциональной репутации, основанной на экономических результатах их деятельности (рис. 4). Отсюда можно сделать общий вывод: для глобальных корпораций сфера социальной репутации представляет собой минное поле. Для работы с репутацией глобальной компании это означает следующее: функциональная репутация предоставляет больше возможностей для активного создания образа (профиля) компании. В том же, что касается социальной репутации компании, следует придерживаться оборонительной стратегии — не коллекционировать похвалы, а только стараться не попадать под огонь критики.

Опасность попасть в этическую западню особенно велика для компаний, слишком напористо представляющих себя как образец морального совершенства. Такую ошибку допустила, в частности, корпорация Google, выбрав себе девизом «Don't be evil» («Не делай зла»). Когда впоследствии стало известно, что под давлением китайских властей Google цензурировал многие интернет-сайты, компанию обвинили в нарушении собственных этических принципов. Из этого можно сделать вывод: надежная социальная репутация основывается не на словах, а на делах. В общественной сфере компании должны тихо

соблюдать принятые нормы и не кричать постоянно о взятых на себя обязательствах. Очень опасно поддерживать свою социальную репутацию только с помощью пиара.

Здесь следует, однако, внести некоторые уточнения. Наибольшим рискам в общественной сфере подвержены Голиафы экономики, то есть глобальные корпорации. Почти ни одна большая корпорация не смогла удержать свою социальную репутацию на достаточно высоком уровне. Напротив, Давиды, то есть компании, действующие в местном или региональном масштабе, бывают гораздо более успешными в общественной сфере. Что же касается глобальной корпорации, то чем она больше и мощнее, тем большие ожидания на нее возлагаются обществом и тем строже оно старается ее контролировать. Поэтому не удивительно, что главной мишенью антиглобалистов стал именно «Макдоналдс» (McDonald's), занимающий первое место на рынке сетей быстрого питания, а не его младший конкурент «Бургер Кинг» (Burger King); по той же причине преимущественной мишенью юных хакеров является «Майкрософт» (Microsoft), а не «Эппл» (Apple). В процессе роста компании необходимость в профессиональной работе с репутацией становится для нее все более насущной.

Вывод 3. Культ личности вреден.

Мы видели, что слишком настойчивое культивирование социальной репутации чревато опасностями; но столь же опасен чрезмерный культ какой-нибудь личности. Чем более репутация компании основана на восхвалении конкретного предпринимателя или исполнительного директора, тем уязвимее она становится. Трудно обвинить в проступке абстрактную сущность, например целую компанию; прославленную личность, напротив, очень легко ошельмовать. Кроме того, если отношение к компании основывается преимущественно на репутации ее руководства, то ей приходится заново создавать себе репутацию каждый раз, как оно меняется, а это требует больших затрат. Многие компании в прошлом недооценивали эту опасность: создавая культ отдельных личностей, они тем самым тормозили создание стабильной репутации компании.

Заключение. Кризис финансовых рынков и его последствия

Мы переживаем сейчас крупнейший финансовый и экономический кризис за последние 80 лет. Какое влияние он окажет на динамику репутаций в экономике и в обществе? Начнем с того, что мы недооцениваем значение нынешнего финансового кризиса, если описываем его только в терминах плохих экономических показателей. Этот кризис — не только стремительно падающие курсы акций, разорение когда-то считавшихся надежными банков и автомобилестроительных компаний, банкротство целых национальных экономик и угроза глобальной рецессии; нет, его значение намного больше. Это гигантский кризис доверия и репутации для экономической системы в целом. Начавшись полтора года назад банкротством небольшого числа ипотечных банков, перебросившись затем на Уолл-стрит и крупнейшие международные банки, добравшись сегодня до реальной экономики, он перерос в подлинный кризис доверия к рыночной экономике. Знаменитый экономист, лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц, наверное, прав, когда говорит о конце экономической идеологии, господствовавшей в течение долгого времени, идеологии, утверждающей, что свободный нерегулируемый рынок всегда работает лучше, чем рынок, контролируемый государством.

Сегодня мы видим, как между экономикой, государством и обществом возникает новый тип отношений. В контексте сегодняшнего кризиса репутация рыночной экономики падает, в то время как репутация политической сферы и государства укрепляется. Государство снова призывают к тому, чтобы быть акционером или владельцем предприятий, к более активной роли в экономических процессах. Государственная поддержка сегодня создает конкурентные преимущества для компаний, ею пользующихся. В течение долгого времени именно эти компании относились к государству как к обузе для рыночной экономики. Имеется, однако, опасность в том, что компании, получившие государственные гарантии, будут пользоваться все большим доверием, в то время как компании, не нуждающиеся в таких гарантиях — потому что ранее были более осмотрительными, — потеряют доверие.

В общем, имеется достаточно оснований для предположения, что неолиберальная эпоха подходит к концу. Причина этого, однако, не только в возобновлении интереса к государству. Более важной причиной явилось падение репутации правящей мировой бизнес-элиты как на социальном, так и на функциональном уровне. Это особенно ясно показывает «дискуссия о жуликах» (по выражению Абцокера) — обсуждение допустимых размеров оплаты корпоративного руководства. Вплоть до лета 2008 года этот вопрос обсуждался только на этическом уровне. Зарплаты руководства компаний, зачастую чрезмерные, считались, может быть, морально недопустимыми, но тем не менее не представлявшими опасности для системы в целом. Дискуссия стала вызывать более широкий интерес с того момента, когда она начала затрагивать систему в целом, другими словами, когда возникло понимание, что уровень оплаты бизнес-элиты является не только выражением рыночных принципов, но также одним из факторов, обрушивших рыночную экономику — как реально, так и идеологически. Нацеленность на увеличение дивидендов по акциям, преследование краткосрочной выгоды, неоправданно высокая оплата менеджмента (плюс бонусы) — все это представляется сегодня основными причинами безответственного отношения к рискам, приведшего всю экономическую систему на край пропасти.

Как следствие неолиберальные критерии успеха оказались развенчанными. Уровень доверия к компаниям, успешно сочетавшим экономический успех с социальной ответственностью и всегда ориентировавшимся на достижение устойчивого развития, в период кризиса сильно вырос. Неудивительно, что региональные компании и рабочие места на местном уровне снова становятся популярными, в то время как финансовый капитализм и идеология максимизации прибыли акционеров переходят в глухую оборону.

Кризис доверия такого гигантского масштаба, как тот, что происходит сейчас, может вызвать фундаментальные изменения в обществе. В ближайшее время, несомненно, нас ждут весьма увлекательные события.

Перевод с английского Кирилла Великанова

* © Mark Eisenegger. Trust and reputation in the age of globalisation // Joachim Klewes, Robert Wreschniok (eds.). Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century. Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, 2009. P. 11–22.

[1] Wilber K. Das Wahre, Schöne, Gute. Geist und Kultur im 3. Jahrtausend. Frankfurt: Fischer, 1999. S. 50 u. w.

[2] Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Kritik der praktischen Vernunft. Kritik der Urteilskraft. Frankfurt: Suhrkamp, 2004.

[3] Popper, Karl R., Eccles, John C. The Self and Its Brain — An Argument for Interactionism. München: Piper, 1997.

[4] Habermas J. The Theory of Communicative Action. Reason and the Rationalization of Society. Volume 1. Boston: Beacon Press, 1984.

[5] Eisenegger M. Reputation in der Mediengesellschaft — Konstitution, Issues Monitoring, Issues Management. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005; Eisenegger M., Imhof K. The True, The Good and the Beautiful: Reputation Management in the Media Society. In: Zerfass A., Ruler v. B., Sriramesh K. (eds.) Public Relations Research. European and International Perspectives and Innovations. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. P. 125–146.

[6] Kant I. Kritik der Urteilskraft. Frankfurt: Suhrkamp, 2004.

[7] Schwaiger M. Components and Parameters of Corporate Reputation — an Empirical Study. In: Schmalenbach Business Review. 2004. Vol. 56. № 1. P. 46–71.

[8] Исследование касалось следующих компаний: UBS (ранее SBG / SBV), Credit Suisse, ABB (ранее BBC), Holcim, Novartis (ранее Ciba and Sandoz), Roche и Nestlé. Репутация перечисленных корпораций анализировалась по упоминаниям о них в следующих авторитетных газетах: Neue Zürcher Zeitung, New York Times и Frankfurter Allgemeine Zeitung.

[9] Значения репутации, представленные на этой диаграмме, выведены из совокупности упоминаний о них в массмедиа. Совокупность упоминаний о данной компании за данный период времени представлена в виде числового параметра от -100 до +100, где (гипотетическое) значение +100 означает, что все упоминания были только положительными, значение -100 — что все упоминания были только негативными.

Алёна Гиль: Человек сам, владея знаниями, решает, где, когда и как он будет выглядеть

Гиль Алена Викторовна

уникальный специалист по этикету и протоколу, мастер международного класса, режиссер-педагог по пластике

В Интернете о Вас как о человеке, практически ничего нет, только упоминания о профессиональных достижениях. Вы закрыты для публики?

Если честно, я не занималась своим пиаром, в Интернет попадает информация от тех компаний, с которыми мы сотрудничали. Не думаю, что как персонаж могу быть кому-нибудь интересна, и считаю, что должна себя позиционировать в первую очередь как профессионал. Вдобавок так сложилось, что я работаю по принципу «сарафанного радио», по рекомендациям. Кроме того, считаю, что «раскруткой» должны заниматься профессионалы.

Я счастливый человек, мое хобби – это моя профессия. Это началось в 1987 году с рефератов на кафедре этики и эстетики, но тогда это никому не было особо нужно и делалось для души, хотя мои мастера это поощряли.

В московском институте культуры по режиссуре и мастерству актера нас, к счастью, готовили к нормальной человеческой жизни. Нам говорили, что если вы не научите своих актеров двигаться и говорить, их никто не научит; если не объясните художнику, чего вы хотите от оформления и декораций, никто ему не объяснит. У каждого из нас были свои пристрастия – у меня это любовь к движению, ко всему, что связано с пластикой, в частности, к фехтованию, которое я преподавала много лет. Сегодня я хожу к своим коллегам-фехтовальщикам, чтобы узнать что-то новое и поддержать форму.

Когда я занималась в аспирантуре театрального училища имени Щукина на кафедре пластической выразительности актеров, то вторая моя любовь – этикет – соединилась с первой. В театре я занималась историческим этикетом XVI-XIX веков – это Франция, Испания, Италия. Сейчас у меня очень хороший курс, практически уникальный – русский и европейский этикет XIX века, и поскольку я «движенец», то должна это уметь показывать сама и научить людей.

Театральная специфика очень узкая, поэтому финансовое благополучие мне дает светский и деловой этикет, а также востребованный на сегодняшний день протокол. Таким образом, любовь к этикету и движению наложились друг на друга, и в этом получилась моя особенность.

Занимаясь этикетом, постоянно узнаю что-то новое из культурологии, искусства, что меня лично развивает. Узнавая больше, я могу больше отдавать людям, к тому же получать за это деньги, – согласитесь, это какое-то счастье неземное. Моя цель – добиться того, чтобы быть самым лучшим, самым авторитетным специалистом-практиком в своей области.

Какое бы Вы дали определение этикету?

Скажем так, этикет – это светские условности, принятые в той или иной среде, Есть люди, тонко чувствующие атмосферу и собеседника, и с точки зрения этикета их поведение безупречно, хотя они об этом даже не догадываются, и наоборот. Даже если ты этого не чувствуешь, существуют определенные правила поведения в обществе. Например, сформулировано, что дама должна выглядеть достойно, элегантно и никого не оскорблять своим внешним видом, и я должна объяснить, как это делать. Но я не могу никого заставить, человек сам, владея знаниями, решает, где, когда и как он будет выглядеть. Принимая решения, он имеет набор инструментов для самовыражения.

То есть этикет не набор ограничений, а увеличение свободы выбора?

Совершенно верно. Допустим, вчера я ходила на байдарках, а сегодня хочу быть светской дамой. Когда я могу в любой ситуации вести себя органично, мой диапазон, в том числе и как женщины, значительно расширяется. Я сама принимаю решения со знанием дела – значит, свободна.

Иными словами, этикет – это закодированная система отношений, и когда люди играют по этим правилам, им друг с другом уютно и комфортно. Это такой же язык, как любой другой, даже более

того – на нем все тебя понимают. Разве не стоит усилий то, чтобы свободно понимать друг друга в чужой стране? Это способ облегчения и повышения эффективности коммуникаций, работа с внутренней культурой человека.

Существуют ли в России национальные особенности этикета?

Да, и в первую очередь это гендерность, то есть различие полов. Если во всем мире в бизнесе профессионал – дама, то у нас есть возможность быть дамой-профессионалом. В бизнесе имеет значение твой уровень, статус, регламентирующий систему отношений, затем возраст, и только в третью очередь половые различия. Американцы с их сексуальными домогательствами на службе уже стали притчей во языцех. У нас дело обстоит иначе. Если мужчина имеет возможность в рамках делового этикета оказать уважение женщине, он это делает.

Кроме того, наших женщин невозможно заставить одеваться по дресс-коду «business best», который представляет собой высший пилотаж консервативности в деловой одежде. Наша женщина обязательно в чем-нибудь проявит свою женскую сущность, если уж каблук – так каблук! То же с разрезами и вырезами.

Вдобавок у нас другие правила делопроизводства, у нас принято стучать в дверь к руководителю, клиента представлять начальнику, а не наоборот, как в Америке, где считается, что клиент – это самое лучшее, что случилось в вашей жизни.

В общем, у нас есть *очень национальные* особенности, с которыми иностранцы не знают, что делать. Поэтому в настоящее время мы серьезно работаем над их формулировкой, собираем и систематизируем материал. Следует понимать, что российские особенности – это не плохо или недоработка, а именно особенности.

Можно ли говорить о всё большей востребованности этикета в нашей стране на протяжении последнего десятилетия?

Абсолютно. Фиксирую это как специалист, как женщина, как городской житель. Раньше мы были «ребята и девчата», теперь у нас появилась возможность более ярко проявлять чувство собственного достоинства и индивидуальность, что выражается через манеры. Люди нуждаются в том, чтобы быть красивыми, доставлять друг другу радость и удовольствие любезностью и галантностью.

Сначала у нас это шло через светский этикет, постепенно больше стали ориентироваться на бизнес-этикет, поэтому сейчас он составляет часть репутации компании и человека. Сейчас развивается новая отрасль бизнеса – управление репутацией, где объединены пиар-менеджеры, бренд-менеджеры, протокольная служба. Кроме того, наиболее востребованы невербальные формы статусного поведения, то есть этикет в пластике, поскольку 50-70% информации идет на невербальном уровне, внешний вид – дресс-код. Но пока в России это идет на уровне крупных бизнесменов и корпораций.

Вы работали с зарубежной и столичной публикой и с нашей, «периферийной». Есть ли разница?

Для меня нет. Единственная разница в статусе человека – чем он выше, тем легче с клиентом работать. Он умен и знает, зачем ему это надо. Чем статус ниже, тем больше претензий к преподавателю и «показухи».

Еще один момент – люди сильнее тянутся к этим знаниям в центре страны, поскольку там более развита бизнес-среда, где сейчас успех зависит от тонких технологий, а для этого необходимы занятия речью, этикетом, мастерством актера – всем тем, что повышает коммуникативную компетентность.

Например, MBA – master business administration, мастер-бизнес администрирование, это высший класс управленцев в бизнесе. Как сказал один из моих учеников, прошедших курс бизнес-администрирования, «сначала не придаешь этому значения, и только когда начинаешь создавать свою компанию, упираешься в необходимость найти надежных людей, правильно их расставить, организовать все внутренние рабочие процессы». То есть на техническом уровне все компании одинаковы, и только умение общаться и продавать – себя, компанию, продукцию, дает преимущества на рынке, поэтому все бросились завоевывать эти преимущества.

Можно ли отметить, кого заинтересовал Ваш мастер-класс в Красноярске?

Меня пригласил директор Театра юного зрителя Андрей Няньчук провести специализированные мастер-классы для театральных деятелей и всех желающих в рамках V Межрегионального театрального фестиваля «Сибирский транзит». На предложение откликнулись многие, и на

занятие пришел полный зал. Знаете, был очень хороший зал, просто потрясающий. Пришли в основном представители «чиновного» мира, деловых кругов, были и частные лица. Как правило, презентации проводятся очень камерно, в расчете на 15-20 человек, поэтому я слегка волновалась перед большим количеством незнакомой публики. Но зал сразу же включился в работу, и ответ был настолько мощный эмоционально, что я сразу завелась, и волнение исчезло.

Почему Вас пригласил именно Андрей Няньчук, а местом проведения занятий был избран ТЮЗ?

Он задумал поставить спектакль «Тойбеле и ее демон» по философской притче известного писателя, лауреата нобелевской премии, Исаака Башевиса-Зингера и Ив Фридман. Это история трагической любви нищего каббалиста Элханона к красавице Тойбеле. Любовь заставляет его принять облик Гурмизаха – повелителя всех демонов, и являться к своей возлюбленной каждую ночь. Действительность приводит к разрушению мира любовных иллюзий и приводит героев к внутреннему краху.

Няньчук сделал очень лестное для меня предложение – сделать все любовные сцены в спектакле. Когда-то я помогала делать в ТЮЗе «Руслана и Людмилу», ставила сцену первой брачной ночи. Тогда, десять лет назад, мы почти полтора месяца работали с режиссером Юрием Мочаловым, представителем классической режиссерской школы. Он работал очень тщательно и подробно, по классическому варианту – сначала ты делаешь предложения мастеру, а он выбирает. Это была очень плодотворная совместная работа, и очень приятно, что через десять лет она вспомнилось, и меня вновь пригласили. Когда начинаешь вчитываться в сцены «Тойбеле», понимаешь, какой потрясающий автор и сама пьеса, как прописан ритм внутри сцен. У меня для работы было два актера, пять дней и абсолютный карт-бланш. В течение этих пяти дней у нас сложился «масонский» коллектив из трех человек со своей атмосферой, разговорами. Мы работали по 12 часов в день, но в этой плотности есть своя прелесть – именно так рождаются вещи, которые, возможно, не родились бы в расслабленном состоянии. Это любовные сцены, их надо построить деликатно, ведь это театр юного зрителя, хотя спектакль отнюдь не детский, обойтись без физиологии, но сделать так, чтобы у всех мужчин и женщин в зале замирало сердце. Сейчас не так уж много трогательных спектаклей, где упор сделан не на «экшне». Моя задача была предложить некий пластический рисунок, из которого Андрей Анатольевич выбирает то, что считает нужным. Сейчас сложно судить о результате, только идут репетиции, к тому же спектакль очень тонкий, его созревание идет небыстро, но если там останется частичка моей работы, я буду счастлива. Как режиссер-педагог по пластике я участвую не более чем в двух-трех подобных проектах в год, поэтому когда есть возможность, выкладываюсь на все сто, получая при этом колоссальное удовольствие.

Беседовала Надежда Новикова

Культурный капитал

Почему любители оперы зарабатывают больше любителей поп-музыки?

Михаил Соколов,

кандидат социологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований

Существует много исследований, которые показывают, что в большинстве стран люди, которые много активно участвуют в потреблении высокой культуры (ходят в оперу, разбираются в живописи, могут поговорить о литературе и кинематографе), более успешны в жизни, чем те, кто этого не делает. Они, в среднем, удачнее женятся и удачнее выходят замуж — и в том смысле, что более счастливы в браке, и в том, что их партнеры зарабатывают больше денег. У них более благополучная карьера. Они здоровее и живут дольше. И все это — даже по сравнению с менее культурными детьми из того же примерно [социального слоя](#), с которыми они ходили в одну и ту же школу и один и тот же университет.

Есть две теории о том, почему «культурность» — слово, которое означает практически то же, что социологический термин [«культурный капитал»](#) — оказывает столько благотворное воздействие. Согласно одной из них, психологической, культурный капитал просто сигнализирует о каких-то важных характеристиках индивида. Например, интерес к живописи и поэзии связан с интеллектом. Чем человек умнее, тем шире круг его интересов, и тем ему интереснее, в частности, искусство. С другой стороны, чем он умнее — тем больше шансов, что он добьется успеха в жизни. Это теории предполагает, что, хотя никакой прямой связи между вкусом к поэзии и карьерой нет, зная, что кто-то ради собственного удовольствия переводит Рильке, можно делать ставки на то, что и в профессиональной жизни он будет успешен. Талантливые люди талантливы во всем.

Все было бы хорошо, если бы не два обстоятельства. Во-первых, связь между интеллектом и культурным капиталом, измеренная с помощью тестов и анкет, оказалась слабой или вообще незначимой. Во-вторых, содержание культурного капитала быстро меняется. Так, чтобы сойти за культурного человека, старшее поколение в России обязано было разбираться в балете, а нынешнее — в артхаусном кино. Если и то, и другое — просто сигнал, сообщающий об интеллекте, то как почему происходит такая смена курса? И, кроме того, почему в культурный капитал в современном мире не входит то, что вроде бы наиболее прямо сигнализирует об умственных способностях, например, знание математики? Сегодня можно признаться в хорошем обществе, что ничего не понимаешь в дифференциальном исчислении (да и что таблицу умножения забыл — тоже, в общем, можно), и это сойдет с рук, но перепутать Моне с Мане — это смертный приговор.

Зачем человеку-хищнику оперный театр

Есть вторая теория, социологическая, объясняющая, как связана опера и успешная карьера. Первый социолог, который попытался проследить, как активное потребление высокой культуры связано с жизненным успехом, был американец норвежского происхождения Торстейн Веблен, который рассматривал искусство как элемент образа жизни праздного класса. У Веблена была теория о том, что в каждую эпоху есть класс-хищник, члены которого каким-то образом оповещают других хищников о своих успехах. Вначале есть воинствующий класс, который просто отнимал у других средства к существованию. Принадлежность к этому классу определялась тем, что его члены могли существовать на награбленное. Но доказывать другим, что вы на самом деле к этому классу принадлежите, чревато неприятными последствиями, потому что если каждый хищник будет на поле боя доказывать свою принадлежность к классу, они неизбежно истребят друг друга. Однако хищники быстро открывают для себя, что совершенно не обязательно выходить на поле боя, чтобы распознать своего. Можно просто показать, сколько вы уже награбили. Когда вы демонстрируете кучу золота, все видят, насколько вы успешны в хищническом качестве. Так в эпоху Великого переселения народов, у каждого из франкских, вестготских, бургундских или других варварских королей была казна. Золото из этой казны не расходовали ни на какие цели, кажущиеся нам сегодня осмысленными, но возили с собой и при каждом удобном случае демонстрировали. Оно было символом силы и удачи своего обладателя. Если враг после проигранной битвы захватывал обоз с казной, это было страшно не тем, что потерявший золото беднел, а тем, что от него отворачивались бывшие соратники, чувствовавшие, что и боги войны от него отвернулись.

Потом классом-хищником стал капиталист. Для этого класса-хищника деньги — это основной его ресурс, как для варварского короля — военная сила. Варвар заставляет работать на себя угрозами, капиталист навязывает заведомо невыгодные условия труда на якобы свободном рынке. Способность зарабатывать деньги — это показатель успешности нового класса-хищника, но возить их с собой на телеге становится уже сложно. И тогда на помощь приходит «культура праздности». Именно поэтому успешные «хищники» и особенно их дети в нашем мире занимаются вещами, которые заведомо бесполезны, и заведомо ни о чем не сигнализируют: классическая филология, история искусства, философия... И чем больше лет в жизни вы можете посвятить таким вещам, тем выше вы стоите в обществе. Крестьянин или пролетарий не могут позволить себе отправить взрослого сына или дочь в школу, тем более, в колледж. Бедные растят детей для того, чтобы те их обеспечивали в наступающей старости (Веблен писал во времена, когда никакого всеобщего пенсионного обеспечения в Штатах, естественно, не было), а [старость](#) при их образе жизни

наступает рано. Позволить себя взрослого иждивенца бедная семья не сможет, даже если захочет. Добровольно отказаться от дополнительной рабочей силы может только сравнительно процветающее домохозяйство. Но и тут люди победнее хотят, чтобы их дети изучали что-то практическое, вроде инженерного дела, права или медицины. И только совсем богачи согласны на классическое образование, которое заведомо не приносит никакого дохода. В капиталистических обществах самый высший класс характеризуется не просто богатством, а потомственным богатством. Членство в нем требует не денег вообще, а старых денег, таких, которые переходят по наследству много поколений. Отсюда архаизм в быту – свидетельства обеспеченности предков – и запрет на всякое образование, которое может принести непосредственную пользу. Это показывает, что индивид ничего не добился сам, а, значит, все, что имеет, унаследовал. Есть прекрасное исследование классовой системы обобщенного американского городка 30-40х годов Ллойда Уорнера, в котором показано, как вера американцев в возможность сделать самих себя парадоксальным образом соседствовала тогда с почтением к старой аристократии и презрением к тем, кто только что выбился из низов. «Янки-сити» (в действительности, Ньюберрипортом, штат Массачусетс), правила наследственная элиты, по большей части происходящая от капитанов XVII-XVIII веков, которые занимались океанской торговлей еще в колониальные времена. Ее члены не были самыми богатыми людьми и не всегда возглавляли муниципалитет, но никто не сомневался в их доминировании, и все нувориши втайне мечтали, что если не они сами, то их дети и внуки войдут в эту высшую касту. Одна из частей «Янки-сити» как раз посвящена культурному конфликту, возникшему вокруг нового мэра города, Бигги Малдуна, ирландского мигранта, сколотившего состояние честным трудом и сделавшего политическую карьеру, но отказавшегося признать превосходство элиты с Хай-стрит, сохранившего замашки простого работяги и высмеивавшего людей, не работавших ни дня в жизни. Чувства большинства жителей городка были двойственны, но в конечном счете Малдун проиграл. Человек, который реализовал американскую мечту, обнаружил, что втайне Америка мечтала совершенно о другом – она боготворила не поднявшихся из грязи, а тех, кто никогда этой грязи не касался. Великий Гэтсби открыл для себя то же самое, хотя он и пытался играть по правилам и даже покупал для своей библиотеки настоящие книги, а не декоративные переплеты.

Праздный класс проявляет себя не только во вкусе к бесполезному образованию. Та же установка проявляется в отношении к интерьеру, одежде, женской красоте. Везде непрактичное и бесполезное ставится выше практичного и полезного. Более того, праздный класс транслирует свой вкус вокруг себя. Естественно – говорит Веблен – алюминиевая ложка ничем не хуже серебряной. Но в нас воспитан вкус, который заставляет нас любить серебряную. Этот вкус заставляет нас смотреть на людей, которые родились с такой ложкой во рту, снизу вверх.

Композиция культурного капитала — во Франции, США и других местах

Выражаясь более современным социологическим языком, культурный капитал сигнализирует о принадлежности к статусной группе, к определенному слою общества, в который вы должны быть допущены, чтобы получить доступ к наиболее ценным социальным ресурсам. Ее члены заводят друзей и ищут супругов среди себе подобных. Внутри нее же циркулирует информация о наиболее привлекательных экономических возможностях. Эта группа охраняет свои границы за счет престижного культурного потребления, за счет того, что люди ходят в оперу и читают книги. Когда они встречаются с человеком не своего круга, они его отталкивают, и делают это с чистой совестью – ведь они чувствуют, что ими движет не стремление монополизировать доступ к экономическим — благам, а похвальные рефлексы культурного человека. Монополизация все равно происходит, но она происходит как бы сама собой, без всякой задней мысли.

Исторически культурный капитал современного типа в западных обществах появляется в Ренессансной Италии в XV веке. До него интерес к высокой культуре в нашем смысле слова встречается время от времени, но воспринимается скорее как личная причуда, не как что-то принудительное. Мы узнаем между делом, что один из английских епископов в XIII столетии собирал античные статуи, и страшно сетовал, когда корабль, везший из Италии пополнения для его коллекции, затонул. Летописец сообщает об этом не то, чтобы с неодобрением, но с некоторым отстраненным непониманием. После XVI века его мотивы уже не вызвали бы ни у кого в западнохристианской Европе изумления. Единая высокая культура, частью которой является восхищение изящными искусствами вообще, и античностью — в особенности — распространяется по Европе. Ее границы отчасти начинают размываться только в XX столетии, да и то не везде. Во Франции, например, мы и сегодня находим традиционную высокую культуру почти в полной неприкосновенности. «Культурный капитал» как термин ассоциируется сильнее всего с французским социологом по имени Пьер Бурдьё, который с помощью этого понятия пытался решить большую марксистскую загадку: как получается, что дети богатых становятся богатыми, а дети рабочего класса остаются рабочим классом, при том, что большинство состояний не наследуется, а школьная система построена так, что все ученики получают вроде бы совершенно одинаковое формальное образование? Бурдьё отвечает: есть культурный капитал, который транслируется очень рано. Дети из французского высшего класса приходят в школу умея читать и писать, причем некоторые учились читать по Прусту. Учителю, естественно, с ними легко и приятно. Совершенно невольно, он выделяет их как способных и даже блестящих. Они становятся любимцами, им уделяется больше внимания, они хорошо справляются с экзаменами и выходят с прекрасными аттестатами. В итоге они идут дальше по жизни с полным ощущением, что они всего добились сами, и в общем — все в это верят. И дети рабочего класса, которые учились в той же самой школе и не успевали, тоже думают, что те дети пробились, потому что они обладают большим дарованием.

История в других западных странах немного другая. Например, в Америке, которая была очень похожа до середины XX века на Европу, культурный капитал стал развиваться в другую сторону. Вместо

единообразного «хорошего вкуса» наиболее ценным свойством стала всеядность, про которой культурный человек может поддержать беседу с практически любым собеседником. Во Франции говорить о Модильяни — правильно и хорошо, о Клее — еще лучше, а вот признаваться, что вам нравится местный аналог Айвазовского — лучше не надо. В Америке идеально, когда вам нравится и Модильяни, и Клее, и местный аналог Айвазовского, и сам Айвазовский (вдруг нужно будет поддержать беседу с русским?), а также какое-то количество фолк-живописцев (вдруг надо будет коммуницировать с Native American?) Потому что в этом случае — с кем бы вы ни столкнулись — в вас почувствуют родственную душу.

Что случилось в России? Судьбы интеллигенции сквозь призму теорий стратификации

Большая загадка — это то, что происходит в России сегодня. В позднем Советском Союзе культурный капитал использовался так же, как во Франции. Была группа, обозначавшая себя как интеллигенцию, и гордившаяся, если могла похвастаться многими поколениями образованных предков. Образование заменяло ей деньги. Старых денег, разумеется, ни у кого не было (а новые, если они и были, демонстративно расточать не представлялось возможным), но вот старое образование кое у кого имелось, и афишировать его не воспрещалось. Отдельные представители этой группы стихийно развили аналогию со старыми деньгами еще дальше, настаивая на том, что принадлежность к интеллигенции определяется очень ранним воспитанием, и подлинный интеллигент — это тот, чье образование остановилось еще в средней школе, а культурность закреплена на уровне рефлексов. Интеллигенция очень строго оберегала свои границы. Тому, кто хотел сойти за своего в ее кругу, надо было постоянно готовить себя к необходимости выдерживать долгие изнурительные разговоры о вокальных данных певиц из Мариинки. Очевидное отличие от Франции состояло в том, что интеллигенция не включала в себя политическую и административную элиту, и вообще не была — и уже точно не чувствовала себя — доминирующей социальной группой. Культурность могла обеспечить вращение в кругу людей, которые при случае предложили бы вам работу в музее или НИИ — но, скорее всего, не в обкоме. Тем не менее, складывается впечатление, что между административно-экономической элитой и интеллигенцией намечалось явное тяготение — дети второй, по крайней мере, часто стремились оказаться в окружении первой. Восленский обнаружил среди детей членов сталинского Политбюро директоров библиотек и театральные режиссеры. Кто знает, что было бы, если бы СССР просуществовал еще лет тридцать. Несмотря на спорадические попытки советской власти стереть различия между умственным и физическим трудом, в реальности образовательная система и высокая культура в СССР все больше работали как машины классового воспроизводства, и работали они на интеллигенцию. На самых желанных факультетах самых недоступных вузов учились блатные дети двух видов — дети номенклатуры и дети преподавателей этих вузов и их интеллигентных друзей. А ничто так не способствует сближению, как совместные годы студенчества.

Но в 90-е годы распространилось ощущение, что культурный капитал стремительно теряет значение, которое он имел прежде. Было ли это так на само деле — опять же, до сих пор покрыто тайной. Данные по другим постсоветским странам (самые масштабные исследования проводились в Венгрии) демонстрируют, что там группы, приобщенные к высокой культуре, пережили трансформационный период куда благополучнее большинства прочих. Они быстрее находили новую работу, их дети чаще выбивались в новые элиты, и ощущение от десятилетий кризиса у них было менее тягостным. Венгерский опыт, разумеется, нельзя автоматически проецировать на Россию. Тем не менее, похоже, что российская ситуация развивается в сторону конвергенции со всеми прочими. После периода потери интереса к нему, непрактичное высшее образование вновь начинает пользоваться спросом. Самые дорогие специальности в Москве и Петербурге в последние годы — уже не экономика и юриспруденция, а экзотические гуманитарные программы типа востоковедения. Те отрывочные российские данные, которые существуют в отношении жизненных траекторий, также показывают, что обладатели высокого культурного капитала по-прежнему в среднем преуспевают больше других, хотя это не вполне осознается ими самими. Советскую и постсоветскую интеллигенцию роднит склонность преувеличивать драматизм своего социального положения. Что, впрочем, не нивелирует значение культурного капитала, но делает его только действеннее. Главная хитрость дьявола классового воспроизводства состоит в том, чтобы убедить всех, что его не существует — или, хотя бы, что он таится не там, где его надо искать в действительности.

Литература:

Веблен, Торстейн. 1984 (1899). Теория праздного класса. Москва: Прогресс

Уорнер, У. Ллойд. 2000 (1959). Живые и мертвые: Исследование символической жизни американцев. С.-Петербург: Университетская книга

Bourdieu, Pierre, and Passeron, J.-C. 1990 (1977). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage

DiMaggio, Paul and John Mohr. 1985. "Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection". *American Journal of Sociology*, 90:1231-1257.

Lamont, Michele, and Annette Lareau. 1988. "Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development." *Sociological Theory* 6:153-68

Borocz, Jozsef and Caleb Southworth. 1996. "Decomposing the Intellectuals' Class Power: Conversion of Cultural capital to Income, Hungary, 1986" *Social Forces*, 74:797-821

Главы | Свобода слуг и свобода граждан

Отрывок из книги знаменитого итальянского политического философа Маурицио Вироли «Свобода слуг»

первую главу из книги знаменитого итальянского политического философа, профессора Принстонского университета Маурицио Вироли «Свобода слуг». В книге выдвигается идея, что Италия — страна свободных политических институтов, стала страной сервильных придворных с Сильвио Берлускони в качестве своего государя. Отталкиваясь от классической республиканской концепции свободы, Вироли показывает, что народ может быть несвободным, даже если его не угнетают.

Италия — свободная страна, если быть свободным означает, что ни другие индивиды, ни государство не мешают нам действовать наилучшим, по нашему мнению, образом. Все, если у них есть к тому средства и способности, могут выбирать виды деятельности, которыми хотят заниматься, места, где жить, могут выражать свое мнение, создавать объединения, голосовать за того или иного кандидата, критиковать правительство, воспитывать детей так, как они находят нужным, исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой.

Можно вполне обоснованно утверждать, что на самом деле многие итальянцы не могут осуществить цели, к которым стремятся; у них нет возможности жить в безопасности, пользоваться школьным образованием, достойным этого названия, адекватной медицинской помощью, приличным социальным обеспечением, не задумываясь о том, что доступ к общественным почестям и карьерам регулируется железной логикой личных связей и что обширные территории страны контролируются организованной преступностью. Но препятствия, мешающие многим людям добиться своих целей, вызваны плохим управлением, коррупцией или неравенством, а не ограничениями, навязываемыми силой, если речь не идет об организованной преступности или мафии. Если и позволительно говорить о нарушении свободы, то только когда душат фундаментальные гражданские и политические права, а так, мы, итальянцы, в целом свободный народ.

Идею о том, что страна, в которой граждане могут спокойно осуществлять и пользоваться политическими и гражданскими правами, — это свободная страна, поддерживают авторитетные философы. Бенжамен Констан, например, в речи «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» различает свободу у древних, которая состоит в «коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, в обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждении или оправдании их действий», и свободу у современных людей, которая представляет собой «право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов», право каждого «высказывать свое мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотребляя ею; не испрашивать разрешения для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков», право каждого «объединяться с другими индивидами либо для обсуждения своих интересов, либо для отправления культа, избранного им и его единомышленниками, либо просто для того, чтобы заполнить свои дни и часы соответственно своим наклонностям и фантазиям», наконец, право каждого «влиять на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать».

Почти через сто лет после Бенжамена Констана философ Исая Берлин в работе «Два понимания свободы» (1958) объясняет, что настоящая свобода — негативная свобода, состоящая в том, что ни один человек, ни группа людей не вмешиваются в то, что я делаю, и что она совпадает с пространством, в котором «я могу без помех предаваться своим занятиям». Существует также и другое понимание свободы как позитивной свободы, которая проистекает из желания быть хозяином самому себе, участвовать в формировании законов и норм, управляющих нашей жизнью. Каким бы законным ни было это желание, предостерегает нас Берлин, идеал позитивной свободы в истории был личиной тирании. Истинная свобода, таким образом, — это негативная свобода.

В более близкое к нам время Фернандо Саватер следующим образом резюмировал самый общий смысл, в котором слово «свобода» чаще всего употребляется в разговорах и политических дискуссиях: «(Слово “свобода”. — М. В.) отсылает к ситуациям, в которых нет физических, психологических или юридических помех для того, чтобы действовать по своей воле. В таком определении свободен (передвигаться, приходиться

и уходить) тот, кто не связан или не помещен под стражу, кто не стал жертвой любого рода обездвиженности, свободен (говорить или молчать, лгать или говорить правду) тот, кто не подвергается угрозам, пыткам или воздействию наркотических веществ; и свободен (участвовать в общественной жизни, претендовать на политические должности) тот, кто не маргинализирован, не исключен силой дискриминирующих законов, кто не страдает от жестоких крайностей нищеты и невежества и т.д.».

Проблема в том, что свобода, понимаемая как отсутствие помех, не является — сама по себе — свободой граждан, но может быть свободой слуг и подданных. Лучше всего это сформулировал политический философ, который первым это описал, — Томас Гоббс в главе XXI «Левиафана» (1651): «свобода означает отсутствие сопротивления», и, следовательно, «свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать». Во избежание всяких сомнений Гоббс далее говорит нам, что такая свобода «совмещается с неограниченной властью суверена». Это замечание, впрочем, позднее повторяет и Исая Берлин, когда отмечает, что свобода, понимаемая как отсутствие помех, может также быть свободой слуг или подданных, данной им абсолютным правителем.

Если хозяева или правители добры или слабы, или глупы, или не питают интереса к подавлению, слуги или подданные могут пользоваться свободой делать более или менее то, что им хочется. В классических комедиях можно найти множество примеров счастливых рабов или слуг, потому что им никто не мешает или не принуждает их. Раб Транион из «Привидения» Плавта в состоянии удовлетворить любой свой каприз, в чем его упрекает Грумион, не такой удачливый деревенский раб:

Покамест любо и возможно, пей, да трать
Добро, да сына развращай хозяйского,
Прекраснейшего юношу! И день и ночь
Распутничайте, бражничайте, пьянствуйте,
Подружек покупайте, отпускайте их
На волю, параситам доставляйте корм,
Расходуйтесь на лакомства роскошные!
Не это ли хозяин поручил тебе,
Когда в чужие страны уезжал от нас?
Такой-то он порядок у тебя найдет?
Ты так-то понимаешь долг хорошего
Раба — добро хозяйское растрачивать
И сына развращать ему?

У него действительно завидное положение. «Так чего ж тебе», — жалуется бедный Грумион:

Не всем же пахнуть мазями привозными,
Как ты пропах, да выше сесть хозяина,
Да наедаться блюдами отборными,
Как ты! Тебе — пусть рыба, дичь и горлинки,
А мне оставь мою приправу, лук, чеснок.
Ты счастлив, я несчастен — делать нечего.
Мое добро со мною, зло твое с тобой.

Транион прекрасно осознает свое везение и услужение ему ничуть не в тягость:

Я вижу, Грумион, ты мне завидуешь.
Мне хорошо, тебе же плохо. Так оно
И надо: мне — любить, тебе — быков пасти,
Мне сладкой жизнью жить, тебе — убогою.

Труффальдино, если взять пример из Нового времени, служит аж двум господам и делает что хочет: ест, пьет и набивает карман. Жалуется на свое положение, когда считает, что хозяева не добры к нему: «Раз нас учат, что надо господам служить хозяевам с любовью, нужно и хозяевам внушать, чтоб они имели скольконибудь жалости к слугам». Случается ему и тумачков получить, но это не такая большая беда с учетом выгоды: «Тяжеленько было прийти в себя после взбучки; зато поел я в свое удовольствие: пообедал хорошо, а вечером еще лучше поужинаю. Пока возможно буду служить двум хозяевам, до тех пор, по крайней мере, пока не получу оба жалованья». Служить двум господам — не самое честное занятие, но в конечном счете простительное: «Да, синьор. Я это сделал, и номер прошел. Попал я в такое положение нечаянно, а потом захотелось попробовать, что из этого выйдет. Правда, продержался я недолго, но зато могу похвастать, что никто меня не накрыл, пока я сам не признался из-за любви к этой девушке. Туго мне пришлось, и кое в чем я проштрафился. Но надеюсь, что ради такого необычного случая все вы, господа, простите меня».

Свобода граждан, или республиканская свобода, — это нечто иное. Она состоит не в том, чтобы вам не мешали или не угнетали, а в том, что над вами нет господина, или в том, что вы не являетесь объектом неограниченной или огромной власти другого человека или группы людей. Под неограниченной властью я понимаю власть того, кто может навязывать свою волю, как ему вздумается, не будучи ограничен другими видами власти. Огромная власть — это власть, значительно превосходящая власть других граждан, настолько сильная, что может избегать санкций закона или обходиться с ним, как ей захочется. Согласно существующему определению, нашу свободу могут подавить только действия других людей; согласно республиканской концепции, свобода гражданина умирает просто в силу существования неограниченной или

огромной власти. Даже если неограниченная или огромная власть утвердилась законным образом и действует в интересах подданных, само ее существование делает из граждан слуг.

Хотя я уже касался этой темы, полезно уточнить концепцию зависимости и разницу между зависимостью и вмешательством. Для этого я обращусь к некоторым примерам: тиран или олигархия, которые могут угнетать, не боясь столкнуться с санкциями, предусмотренными законом; жена, с которой муж может плохо обращаться, но которая не может ни оказать сопротивление, ни получить компенсацию; работники, которые могут подвергаться всевозможным злоупотреблениям, мелким и крупным, со стороны работодателя или начальника; пенсионеры, которым приходится зависеть от каприза чиновника, чтобы получить пенсию, положенную по закону; больные, которым приходится надеяться на то, что врач их вылечит по доброй воле; молодые ученые, знающие, что их карьера зависит не от качества их работы, а от каприза профессора; граждане, которых полиция по своему усмотрению может бросить в тюрьму.

Во всех приведенных мною случаях нет никакого вмешательства: я говорил не о тиране или олигархии, которые притесняют, но о тех, кто может угнетать, если захочет; я не говорю, что муж бьет жену, но что он может ее избить, не страшась наказания, и то же самое относится к работодателю, врачу, профессору, чиновнику, полицейскому, которых я упомянул. Никто из них не мешает другим людям стремиться к целям, которые те наметили, никто не вмешивается в жизнь этих людей. Подданные, жена, работники, пожилые люди, пенсионеры, молодежь совершенно свободны, если под свободой понимать отсутствие ограничений или помех. Но в то же самое время они находятся в положении зависимости, следовательно, являются слугами, если рассуждать с точки зрения принципа свободы граждан.

Добавлю, что концепция свободы как отсутствия зависимости от неограниченной или огромной власти основывается не на суждениях о намерениях, а на реалистической констатации. То, какие намерения были у того, кто обладает неограниченной или огромной властью, благие или нет, не имеет отношения к делу. Проблема в том, что тот, у кого есть неограниченная или огромная власть, легко может навязать свой интерес, и в том, что такая власть порождает у подчиняющегося ей рабский менталитет вместе с подхалимажем, злословием, неспособностью ясно рассуждать, отождествлением со словами и поведением господина, презрением к людям большой души, цинизмом, равнодушием, притворством, наглостью в отношении более слабых людей и противников, бедностью внутренней жизни, погоней за внешним. Такой образ мысли и образ жизни несовместимы со свободой, потому что она требует, чтобы граждане не имели расположения ни к покорному служению, ни к высокомерному господству.

Идея, что быть свободным означает не быть подчиненным неограниченной или огромной власти, поддерживалась многими авторитетными политическими авторами, древними и современными. Цицерон, уточнив, что истинная свобода существует «в таком государстве, где власть народа наибольшая» и где «она равна для всех», кратко передает суть концепции: «(Свобода. — М. В.) состоит не в том, чтобы иметь справедливую владыку, а в том, чтобы не иметь никакого». Эту концепцию подхватили и развили итальянские юристы и политические философы эпохи Гуманизма. С небольшими вариациями они настаивают на том, что основной элемент политической свободы — независимость от неограниченной власти одного человека. Поэтому признак свободного города — его способность самостоятельно давать себе законы и установления. В свою очередь, поработанным считается город, который получает законы и установления от Императора или должен просить у него одобрения. Источник, который цитируют юристы, интерпретируя политическую свободу как отсутствие личной зависимости, — Римское право, особенно те его места, где свободный человек определяется как человек, не подчиненный господству (*dominium*) другого человека. Противоположность свободного состояния — состояние индивида, который зависит от воли другого человека. На переломе той же самой традиции Макиавелли объясняет концепцию свободы гражданина с такой ясностью, которая делает излишними любые комментарии: «свободные» люди — это «неподчиненные никому» люди, при этом статус гражданина противопоставляется статусу раба: «рождаются свободными и не рабами».

Эта концепция свободы получила распространение как у либеральных, так и у республиканских политических теоретиков. Достаточно двух примеров: Джон Локк и Жан-Жак Руссо. Первый утверждает, что истинная свобода индивида — свобода «человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле». Второй пишет: «Свободный повинует, но не служит; имеет вождей, но не имеет хозяев; подчиняется законам, но только законам, и именно благодаря законам не становится рабом». Если мы обратимся к источникам политической республиканской и либеральной мысли, современным и древним, ответ на вопрос: «Что такое "свобода гражданина"?» будет одним и тем же: быть свободными означает не столько не сталкиваться с какими-либо помехами или угнетением, сколько не зависеть ни от одного человека, ни от группы людей, которые имели бы над нами неограниченную или огромную власть. Нехватка свободы, таким образом, — это не только следствие действий, которым мы подвергаемся против своей воли, она может быть просто положением. Говоря совсем кратко: если мы подчинены неограниченной или огромной власти одного человека, мы можем быть более или менее свободны делать то, что нам хочется, но при этом мы — слуги.

Прежде чем оставить историю и обратиться к нашим дням, необходимо вспомнить о двух других фундаментальных аспектах свободы гражданина и в первую очередь о связи между свободой и законом. Согласно преобладающей в наше время идее, свобода тем больше, чем меньше число и сила законов, которые ограничивали бы нашу возможность действовать. В этом случае тоже можно процитировать

политического мыслителя, который больше всего ненавидел свободу гражданина, Томаса Гоббса. Так, он объясняет, что законы как «искусственные цепи», которые одним концом прикреплены к устам властителя, а другим — к ушам подданных и связывают их по рукам и ногам. Если оставить метафоры: законы связывают, мешают, препятствуют и, следовательно, «свобода подданного» состоит, строго говоря, в таких поступках, которые властитель забыл урегулировать при помощи гражданских законов. Чем меньше круг действий, попадающих в регистр законов, тем больше свободы у подданных.

Свобода граждан, в свою очередь, — это не свобода от законов, но свобода благодаря или в силу законов. Поскольку, чтобы свобода была настоящей, все должны подчиняться законам или, согласно классическому завету, законы должны быть сильнее людей. Если же в государстве есть человек, который сильнее законов, в таком государстве не существует свободы граждан. Во Флоренции в XV в., не прибегая к открытому и систематическому применению насилия, Медичи сумели создать для себя огромную власть, такую, что они могли нарушать законы и управлять ими, тем самым заставляя город себе служить. Поэтому мы читаем в «Хрониках» Филиппо Ринунччини, одного из их противников, что республика, желающая «жить вольно», не должна допускать, чтобы гражданин «мог больше, чем закон». О Пьеро де Медичи, сыне Козимо Старого, Филиппо ди Чино Ринунччини писал: «Ибо ясно видно, что он проявил себя в нашем городе как тиран; что подобное происходит там, где позволяют одним сильно возвыситься над другими, что это опаснейшая вещь в республиках и что так всегда бывает». Макиавелли вторит ему в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»: «...нельзя назвать свободным город, где власти боятся одного из граждан».

Контраст между свободой подданных (свободой от законов) и свободой граждан (свободой в силу законов) становится хорошо понятен, если мы прочтем один сочный пассаж из «Левиафана», в котором Гоббс хочет нас убедить, что на самом деле нет никакой разницы между двумя свободами и что свободен и гражданин республики, в которой царит верховенство закона, и подданный самого абсолютного из владык: «На башнях города Лука начертано в наши дни большими буквами слово LIBERTAS, однако никто не может отсюда заключить, что человек здесь в большей степени свободен или же избавлен от службы государству, чем в Константинополе. Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве». Гоббс не понимает или делает вид, что не понимает, что в республике (не коррумпированной) те, кто правят, и те, кем правят, подчиняются гражданским и конституционным законам, тогда как в Константинополе султан стоит над законом и может по собственному произволу распоряжаться имуществом и жизнями подданных, вынуждая их жить в состоянии зависимости и, следовательно, при отсутствии свободы. Вопреки диалектическим усилиям Гоббса, свобода граждан и свобода подданных и слуг оказываются глубоко различными.

То, что свобода граждан и свобода подданных внушают несовместимые друг с другом образы жизни и мысли, хорошо видно на примере отношений между свободой и доблестью (*virtú*). Сегодня принято считать, что свобода есть благо, которым мы обладаем и наслаждаемся в свое удовольствие. Мы не должны того, чтобы быть свободными. Свобода гражданина, в свою очередь, не благо, которым мы обладаем и наслаждаемся, каким бы ни был наш образ жизни, но награда, которую мы получаем, если поступаем хорошо или если исполняем наши гражданские обязанности. Причину, по которой свобода не благо, которым обладают и пользуются, а награда за исполнение обязанностей, понять легко, нужно лишь взглянуть на реальность фактов. В любом народе и в любое время (в одном месте в большей степени, в другом — в меньшей) есть люди, которые любят властвовать, подниматься все выше, быть всегда в центре. Чтобы достичь своей цели, они разными способами сосредоточивают в своих руках различные виды власти. Если мы хотим помешать тому, чтобы город попал под власть одного человека, необходимо, чтобы граждане, по крайней мере самые мудрые из них, заметили эту опасность прежде, чем станет слишком поздно, и смогли найти наилучший способ защитить общественное благо. Они, кроме того, должны продемонстрировать доблесть (если воспользоваться древним, но всегда уместным словом), в особенности отвагу. Если из-за глупости или из-за трусости они не смогут воспротивиться власти имущим, которые стремятся к господству, они потеряют свободу. Для подданного или слуги быть свободным означает всего лишь обладать свободой и пользоваться ею без помех и препятствий; для граждан — это награда за поступки в соответствии с принципами доблести.

Музыкальное сопровождение семинара

Вольфганг Моцарт

Пожалуй, в музыке нет имени, перед которым человечество так благосклонно склонялось, так радовалось и умилялось. Моцарт – символ самой музыки..

Вольфганг Моцарт родился [27 января](#) 1756 года в Зальцбурге. Свой первый концерт для клавесина он сочинил в 1760 году, ему тогда было всего четыре года. А в возрасте шести лет Моцарт уже гастролирует и успешно выступает при дворе курфюрста Баварского. В том же 1762 году он дает сенсационные выступления в Вене.

Спустя два года были опубликованы первые 4 сонаты, написанные Моцартом для скрипки и клавесина. В том же году, во время поездки в Лондон, семилетний композитор написал еще шесть сонат для клавесина и скрипки.

До 1769 года Моцарт продолжает гастролировать по странам Европы. В том же году на родине Моцарта ставится его первая пьеса «Мнимая простушка». Через год он едет с гастролями в Италию, здесь ему сопутствует шумный успех.

В возрасте 17 лет композитор был вынужден немного отойти от оперной музыки и по приказанию архиепископа писать много церковной хоровой музыки. Ему было запрещено выезжать из Зальцбурга, хотя он к тому моменту был уже знаменитым композитором.

В 1783—1785 годах созданы 6 знаменитых струнных квартетов, которые Моцарт посвятил [Йозефу Гайдну](#), мастеру этого жанра и которые тот принял с величайшим почтением. 16 июня 1782 года состоялась премьера оперы Моцарта «Похищение из сераля» – первой оперы, написанной на немецком языке. А 1 мая 1786 года состоялась премьера оперы «Свадьба Фигаро», которой сопутствовал огромный успех. Музыка из этой оперы стала народной.

С 1786 года начинается необычайно плодovitая и неустанная деятельность Моцарта, которая была главной причиной расстройства его здоровья. Не успел соавтор Моцарта Лоренцо да Понте закончить либретто «Женитьбы Фигаро», как ему пришлось по требованию композитора спешить с либретто «Дон-Жуана». Это великое произведение, не имеющее аналогов в музыкальном искусстве, увидело свет в 1787 году в Праге и имело ещё больший успех, чем «Женитьба Фигаро».

Несмотря на успех Моцарта, его финансовое положение было не блестящим. После смерти императора Иосифа II в 1790 году материальные проблемы Моцарта оказались настолько сложными, что он должен был уехать из Вены от преследований кредиторов и артистическим путешествием хоть немного поправить свои дела.

В конце сентября 1791 года в Вене состоялась [премьера оперы «Волшебная флейта»](#) - последнего произведения Моцарта. А [5 декабря](#) 1791 года великий композитор скончался от болезни, возможно, вызванной почечной инфекцией, хотя до сих пор причины смерти вызывают споры, включая версию об отравлении Моцарта масонами или собратом-композитором [Антонио Сальери](#).

ВЬЮНОВ Юрий Андреевич

кандидат исторических наук, профессор. Член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения. Член Союза журналистов Москвы, член правления Российского Общества дружбы с Кубой.

Родился 2 августа 1940 года в Москве.

Окончил исторический факультет Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской (ныне – Московский Государственный областной университет). Работает в Государственном институте русского языка имени А.С.Пушкина с 1977года.

В 1981 – 1984 и 1988 – 1992 годах работал директором филиала Института А.С.Пушкина в Республике Куба. С 1999 года – заведующий кафедрой общественных наук и страноведения России. С 2014 г. – ведущий научный сотрудник Центра продвижения русского языка и обучения на русском языке Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина.

Научные интересы связаны с изучением проблем формирования русского культурного архетипа, этнокультурных особенностей и духовных ориентаций русского народа, истории российской государственности и проблем взаимоотношений государства и Русской православной церкви. Участвует в работе конгрессов МАПРЯЛ, многих международных и межвузовских конференций, а также конференций Фонда Современной истории (ФСИ), МГУ им. М.В.Ломоносова (Высшая школа перевода), Международного славянского института им. Р.Г.Державина и др.

Автор более 140 публикаций

Принимал участие в создании Большого лингвострановедческого словаря «Россия». АСТ-ПРЕСС КНИГА. М., 2009

Учебные пособия

- Политические портреты лидеров. Россия XX век. 2004
- Читаем о России по-русски. Хрестоматия. ч. 1У. М., 2004 (в соавторстве)
- Россия: страна и люди. Страноведение России. г. Ополе, Польша. 2004
- Россия на рубеже XX – XXI веков. Страноведение России. М., 2006.
- «1000 реалий России» (Опыт лингвострановедческого словаря). Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина. Humboldt-Universität zu Berlin. Москва-Берлин. 2007, 2008
- *Россия на рубеже XX-XXI веков. Страноведение России. Грант фонда Русский Мир (ФРМ). (В соавторстве), «ИКАР». М., 2011г. и др.*

Монографии

- Русские: штрихи к портрету. М., 1998.
- Слово о русских. М., «ИКАР». 2002.
- Русский культурный архетип. «Наука-Флинта». М., 2005.
- Верховная власть и фаворитизм в России (конец XVII-XVIII вв.) (в соавторстве). М., 2010.

ГИЛЬ Алёна Викторовна

режиссёр-педагог по пластике, специалист по этикету, преподаватель «Курсов делового этикета» при Администрации Президента Российской Федерации, Института репутационных технологий «Арт & Имидж», эксперт проекта «Правила жизни» на телеканале Культура

Родилась 23 ноября 1965 года в городе Мостисска, Львовской области

Образование:

Московский государственный университет культуры и искусств (кафедра режиссуры и мастерства актёра), Высшее театральное училище им. Б. В. Щукина (аспирантура кафедры пластической выразительности актёра), Мастерская А. Б. Дрознина («Сценическое движение»).

Профессиональная деятельность:

С 1988 — преподавание сценического движения в различных студиях и учебных заведениях; участие в постановках спектаклей в Москве и других городах России в качестве режиссёра-педагога по пластике. С 1989 — преподавание Этикета по всем разделам; проведение тренингов, консультирование организаций и частных лиц.

Опыт работы:

Школа-Студия МХАТ им. А.П.Чехова; Институт Благородных Девич; Школа хороших манер при Новом Гуманитарном Университете учебно-консультационного центра "Арт-Имидж"; Старший преподаватель Московского Государственного Университета Культуры.

Тренерская специализация:

"Сценическое движение"

"Русский и европейский этикет XIX века»

"Правила Хорошего Тона. Этикет»

"Светский этикет"

"Деловой этикет и Протокол"

Член "Гильдии режиссёров-педагогов по пластике".

Член "Национальной ассоциации специалистов по протоколу".

Лауреат премии "За вклад в развитие делового этикета в России"

КАРПАЧЕВ Михаил Дмитриевич

историк, профессор ВГУ, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России (ВГУ), автор книг и научных статей по истории России XIX в. Медаль "За освоение целинных земель", грант фонда Фулбрайта (1990), заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Родился 22 ноября 1943года

Образование и учёные степени:

В 1968 году окончил исторический факультет Воронежского университета. В 1973 – защита кандидатской диссертации. В 1987 – защита докторской диссертации. В 1990 году присвоение ученого звания профессора.

Область исследований:

Основные исследования Карпачева М.Д. проводились в области истории Русского революционного народничества, зарубежной историографии общественного движения в России 1860-1880-х годов. В последние годы опубликованы работы по истории аграрных отношений в России в конце XIX - начале XX вв, в т. ч. по истории проведения столыпинской земельной реформы в крае. Изучалась также история отечественного университетского образования (история основания и первых лет деятельности Воронежского университета). Карпачев М.Д. является научным редактором межвузовских сборников трудов, посвященных вопросам истории общественного движения в Центральной России в XVI - начале XX вв.

Около 120 публикаций. Некоторые из них:

1. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. - М.: Мысль, 1979.
2. Очерки истории революционно-демократического движения в России. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
3. Истоки российской революции: легенды и реальность. - М.: Мысль, 1991.
4. Воронежская деревня в годы столыпинских аграрных преобразований Русская провинция. - Воронеж, 1995.
5. Воронежский университет: начало пути. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998.

Карпачев М. Д. является главным редактором двухтомной «Воронежской энциклопедии», которая вышла в свет в январе 2009 года. В энциклопедии обобщены сведения по разным областям жизни Воронежа и Воронежской области. Статьи энциклопедии посвящены истории региона, его природе, а также его культурной, спортивной и общественно-политической жизни.

НЕКЛЕССА Александр Иванович

руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») ИАФРАН

Родился 25 апреля 1949 года

В 1972 году окончил Московский государственный институт международных отношений при Министерстве иностранных дел СССР, **а затем в 1978 г.** - очную аспирантуру Института Африки АН СССР и Высшие курсы стратегического анализа (Институт стратегических исследований, г. Каир).

Возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета обороны РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), Пентамино (1993/1994), Сценарии-7 (1995/96), Глобальное сообщество (1997-2003), Камелот (2004), София (2004), КП (2005/2006), Синергия (2007), Будущее (2008), ВВЦ-2/Парк Россия (2009), Феникс-К (2010), Большая Волхонка (2011), Русская идентичность (2012). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Со-руководитель семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатория «Север – Юг», Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФРАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Вел еженедельную аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru